

PG
3337
09
A19

www.phototool.com.cn

№.
№ 34

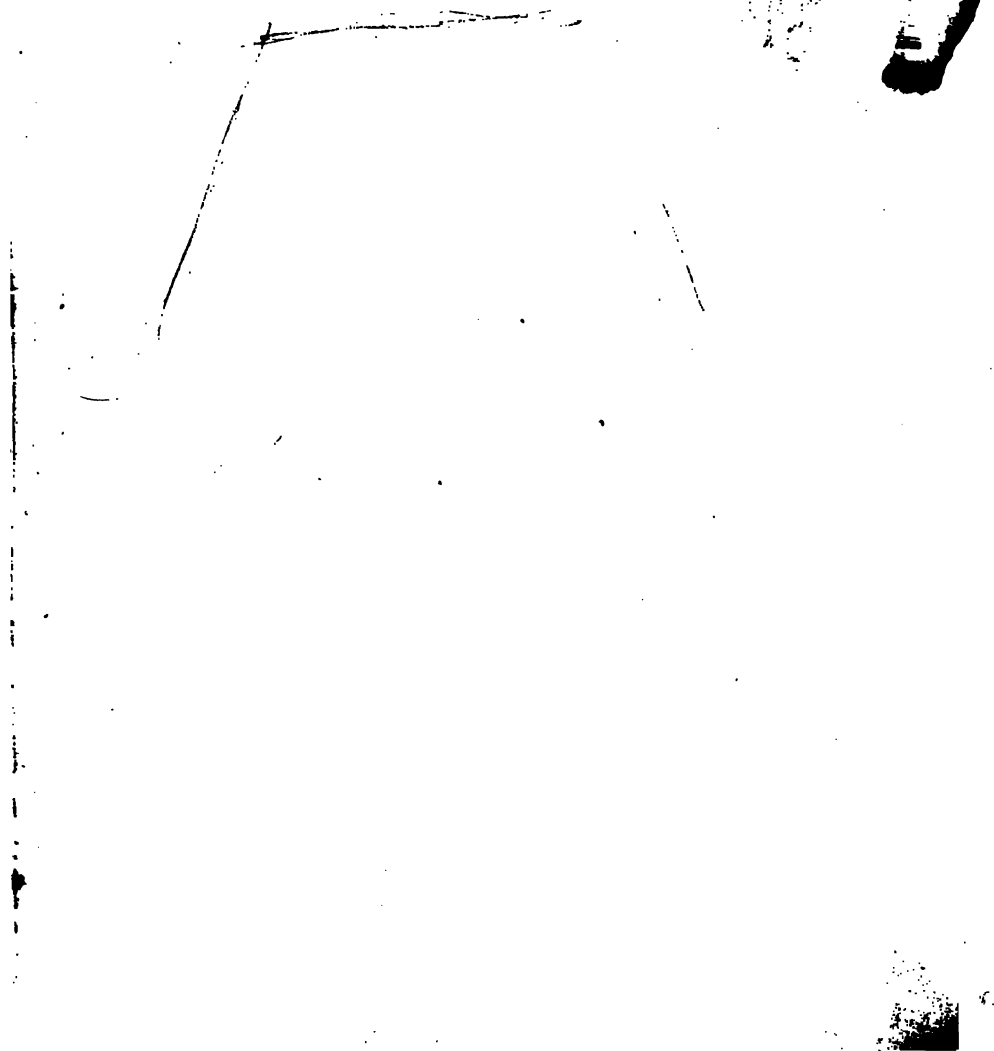
www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

*Современная иллюстрация къ трагедіи Озерова. Сцена изъ трагедіи
„Дмитрій Донской“.*

Озеров, В. А.

Цена 45 коп.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

www.libtool.com.cn ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXXIII-й.

В. А. ОЗЕРОВЪ.

(1769 — 1816).

ТРАГЕДІИ.

Эдипъ въ Аоннахъ. — Фингалъ. — Димитрій Донской. —
Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

Влад. Озеровъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ ГЛ., № 8.

1907.

PG3337

www.libtool.com.cn

09A19

ПРЕДИСЛОВІЕ.

В. А. Озеровъ, безспорно, наиболѣе талантливый и типическій представитель той исторической стадіи, пережитой русской трагедіей, когда этотъ родъ драматической поэзіи у насъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, подчинялся господствующему теченію въ области эпоса и лирики, проникся сентиментализмомъ, хотя съ внѣшней стороны, продолжалъ оставаться вѣрнымъ требованіямъ псевдоклассической теоріи, образцамъ Сумарокова и Княжнина. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ благопріятныхъ тому историческихъ обстоятельствъ, сценическое исполненіе нѣкоторыхъ произведеній Озерова возбудило такой энтузіазмъ въ публикѣ и окружило поэта такимъ ореоломъ славы въ глазахъ современниковъ, какихъ не выпадало на долю ни одному изъ драматурговъ того времени. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить тѣ яростныя, злобныя нападки, которыя встрѣчало въ журналистикѣ каждое новое произведеніе автора и въ которыхъ многіе видятъ даже одну изъ главныхъ причинъ тяжелой болѣзни и безвременной смерти Озерова. Біографія его весьма мало разработана. Кромѣ ряда стихотвореній, посвященныхъ его кончинѣ: Жуковскаго, Капниста и др., лучшую біографію, до сихъ поръ, остается статья П. Вяземскаго (Соч. его, т. I). Мерзляковъ, въ свое

время, посвятилъ двѣ критическія статьи его Эдипу; есть двѣ небольшія замѣтки Бѣлинскаго. Если назвать еще небольшія изслѣдованія, посвященныя Озерову, проф. А. И. Селина (1870), К. Бестужева-Рюмина (1847), К. Зеленецкаго (1836) и нѣсколько писемъ поэта, помѣщенныхъ въ „Рус. Архивъ“, то тутъ, кажется, и будетъ исчерпано почти все, извѣстное въ литературѣ объ его дѣятельности. Сочиненія Озерова издавались до 10-ти разъ Глазуновымъ, Заикинымъ, Смирдинымъ и Вольфомъ; но критическаго изданія ихъ, до сихъ поръ, нѣтъ.

Для помѣщенія въ „Русской Классной Библіотекѣ“ мы избрали три лучшія его трагедіи: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, „Фингалъ“ и „Димитрій Донской“. Ими исчерпывается, главнымъ образомъ, его литературное значеніе, и онѣ вполне достаточны для изученія особенностей Озерова, какъ писателя. Затѣмъ, въ качествѣ объяснительной статьи, помѣщенъ біографическій его очеркъ съ краткимъ критическимъ обзоромъ трехъ названныхъ трагедій. При выпускѣ помѣщены портретъ автора и копія современной иллюстраціи къ трагедіи: „Димитрій Донской“.

А. Ч.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I

ТРАГЕДІИ ОЗЕРОВА.

I. Эдипъ въ Афинахъ, трагедія въ 5 д.	1
II. Фингалъ, трагедія въ 3 д.	60
III. Дмитрій Донской, трагедія въ 5 д.	102

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

В. А. Озеровъ. Біографическій очеркъ, съ обзоромъ его лите- ратурной дѣятельности	178
--	-----

www.libtool.com.cn

І. ЭДИПЪ ВЪ АѢИНАХЪ.

Посвящается Г. Р. Державину.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тезей, царь АѢинскій.	Первосвященникъ храма Эвменидъ.
Эдипъ, бывшій царь Фивскій.	Вѣстникъ.
Антигона, дочь его.	Жрецы.
Полиникъ, сынъ его.	Народъ АѢинскій.
Креонъ, посланникъ Этеокла, царя Фивскаго.	Стража Тезеева.
Нарцесъ, наперсникъ Креоновъ.	Войны Креоновы.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ АѢинской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ поле; впереди разбитъ царскій шатеръ; вдали съ одной стороны виднѣтъ городъ АѢины, съ другой храмъ Эвменидъ, окруженный кипарисами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тезей выходитъ изъ шатра, народъ АѢинскій спускается съ горы, стража царская при шатрѣ.

ХОРЪ НАРОДА.

Какъ ясно солнце при восходѣ
Весной природу всю живить,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселить.
Тезей, АѢинянь избавитель,

Надменность Критскую попралъ;
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ.
Храните, боги, дни Тезея!
Продлите дни счастливы намъ!
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благодати подобенъ вамъ.

ТЕЗЕЙ.

О, славный мой народъ, сыны мои любезны!
Когда для васъ могли мои быть дни полезны,
Я счастливъ: и сей гласъ отъ искреннихъ сердецъ
Лестнѣе для меня, чѣмъ скипетръ и вѣнецъ.
Но благодарственны вы гласы прекратите;
Сей день на таинства велики посвятите!
Въ пространномъ полѣ семъ, подъ градскою стѣной,
При восходѣ солнечномъ, вы, созданные мной,
Чтобъ шествовать во храмъ, гдѣ скорбь людей гонимыхъ
Воздвигла жертвенникъ богинь неумолимыхъ.
Уже въ минувшу ночь подземный громъ гремѣлъ,
Мой царскій трясся домъ, во храмѣ огонь тускнѣлъ;
Какъ будто Фуріи, къ Аѳинянамъ суровы,
Желали, чтобы мы несли имъ жертвы новы;
Безвѣстнымъ мщеніемъ ихъ черна грудь кипятъ.
Отсюда храма ихъ является намъ видъ;
Пойдемъ, мои сыны: пусть, жертвоприношенья
Пріавъ, смягчатся къ намъ сіи богини мщеня!

(Тезей хочетъ идти).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Желаешь предъ тебя введеннымъ быть Креонъ;
Отъ Фивскаго царя посломъ явился онъ.
Что повелишь?

ТЕЗЕЙ.

www.libtool.com.cn
Креонъ, жѣмъ нынѣ горды Оявы
Приблизились къ концу и стали несчастливы?
Сей Этеокловъ другъ, сей родственникъ царей,
Которыхъ ввергъ въ бѣды онъ хитростью своей,
Что хочетъ отъ Аѳинъ, что хочетъ отъ Тезея?
Посольство тщетное, коль зрю въ послѣ злодѣя.
(Къ народу):
Къ свершенію мольбы, народъ, иди во храмъ!
(Въстнику):
Посланникъ Оивскій пусть сюда предстанетъ къ намъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тезей и стража.

ТЕЗЕЙ.

О боги, сколько вы во ярости ужасны!
Царей ли гоните: и царствія несчастны.
Эдипъ, ты гнѣвъ несешь: и весь твой страждетъ родъ,
Колеблемъ Кадмовъ градъ, въ немъ стонетъ твой народъ.
И Этеоклъ, твой сынъ, на зыбкомъ сидя тронѣ,
Злой лестью уловленъ, мнитъ друга зрѣть въ Креонѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тезей, Креонъ, Нарцесъ, стража Тезея и воины Креона.

КРЕОНЪ.

Аѳиняны счастливыхъ о храбрый царь Тезей!
Благополучнѣйшимъ день въ жизни чту моей,
Въ который зрѣть возмогъ толь славнаго героя,
Въ законахъ кроткаго, великаго средь боя,
Чьей громкой славою уже давно полна
Премудрой Греціи обширная страна,
И чьи дѣланія позднѣйшіе потомки...

*

Тезей.

Оставимъ лести, Креонъ, слова оставимъ громки!
Въ устахъ вельможи лести есть скрытая вражда;
Отрава здѣсь ея должна быть намъ чужда.
Возсядь и важную повѣдай мнѣ причину
Посланья твоего.

Креонъ.

Несчастливу судьбину
Потомства Кадмова ты знаешь, государь!
Эдипъ, Лаіевъ сынъ, послѣдній Фивскій царь,
Рожденъ на бѣдствіе боговъ опредѣленьемъ,
Вселенну ужаснулъ невольнымъ преступленьемъ:
Родителей не зная, онъ яростной рукою
Во грудь отца вонзилъ мечъ беззаконный свой,
И, обогрентъ еще сей драгоцѣнной кровью,
Онъ, съ матерью своей спрягаяся любовью,
Союзъ свой совершилъ у брачныхъ алтарей.

Тезей.

Кто добродѣтели не измѣнялъ своей
Среди случайности невольна преступленья,
Тотъ большаго отъ насъ достоинъ сожалѣнья.
Безъ ропота къ богамъ, Эдипъ, ихъ чтя законъ,
Лишилъ себя очей, оставилъ Фивскій тронъ
И предалъ дни свои стенанью и печали.
Но кто бы мыслить могъ, чтобъ ближніе смущали
И то уныніе несчастнаго слѣпца,
Чтобы престола блескъ, прельщеніе вѣнца,
Могли въ душахъ пресѣчь родство и состраданье,
И наконецъ Эдипъ чтобы позналъ изгнанье?

Креонъ.

Злосердый Полиникъ родителя изгналъ.

Тезей.

www.libtool.com.cn

Коварный сей совѣтъ ему другъ ложный даль.

Креонъ.

Совѣтамъ внемлетъ ли духъ пылкій на престолѣ?
Онъ мыслить дни вести страстей своихъ по волѣ,
Всѣхъ выше смертныхъ ставъ, мнить равенъ быть богамъ.
Эдипъ, оставя скиптръ, вручилъ его сынамъ
И, въ Оивахъ испросивъ согласіе народно,
Велѣлъ надъ той страной имъ царствовать погодно.
Но вскорѣ Полиникъ, по жребію пріавъ
Годичну первый власть, явилъ развратный нравъ;
Вкусивъ величія смертельныя отравы,
Онъ добродѣтели пути оставилъ правы
И, своеправіе вмѣня себѣ въ законъ,
Страстямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни препонъ.
Какіе дни, увы, какіе дни плачевны
На Кадмовъ древній градъ послали боги гнѣбны!
Народъ въ домахъ стеналъ, во храмахъ слезы лилъ,
Ропталъ на торжищахъ и предъ дворцемъ вопилъ.
Но царь, ожесточась и презря гласъ природы,
Изгналъ изъ Оивъ отца, чтобъ бурны непогоды
И солнца лѣтній зной могли бы наконецъ
Къ землѣ склонить главу, носившую вѣнецъ.
Эдипъ, изъ странъ въ страну гонимъ своей судьбиной,
Имѣетъ нѣжду дочь опоркою единой.

Тезей.

Но Полиниковъ братъ; но Этеоклъ, Креонъ,
Какъ могъ природы зрѣть нарушеннымъ законъ?

Креонъ.

Преемникъ бывъ царя, въ своей высокой долѣ,
Онъ долженъ былъ страдать и рабствовать всѣхъ болѣ;
И Полиникъ, своей въ немъ власти зря предѣлъ,

Пути ему закрыть къ престолу восхотѣлъ.
Онъ брату своему готовилъ заточенье,
Но тѣмъ народное свершилъ ожесточенье.
Лишь только царствія несчастный минулъ годъ,
То Этеокла весь царемъ призналъ народъ,
Вѣнчалъ короною и, власть вручивъ державну,
Тѣмъ Полиникову власть кончилъ своенравну.
Опять спокойные намъ возсіяли дни.
Но, чтобы не могли нарушиться они,
Народъ, любя царя, опредѣлилъ закономъ,
Чтобъ Этеокль по смерти владѣлъ единый тронъ.
Вотще препятствовалъ его кичливый братъ:
Законъ пріяли всѣ, и онъ оставилъ градъ
Во гнѣвѣ, въ ярости, клянясь отмстить обиду.

ТЕЗЕЙ.

Во изысканіе я истины не вниду,
Креонтъ, и кто изъ нихъ виновенъ, или правъ:
Быть можетъ, Этеокль, или Полиниковъ нравъ
Причины Фивскихъ бѣдъ и сей несчастной ссоры,
Иль кто иной межъ нихъ тѣ разсѣвалъ раздоры.
Увѣнчаннымъ главамъ межъ смертныхъ нѣтъ судьей:
Богамъ оставлено судить, карать царей.
Ты Полиника здѣсь, Креонтъ, виной считаешь;
Гонителемъ отца, тираномъ называешь;
Онъ брату своему тѣ имена даетъ,
Союзникамъ, друзьямъ, всей Греціи речетъ:
„Когда, изгнавъ отца, явилъ я лютость свѣту,
„Послѣдовалъ тогда я братнему совѣту,
„Совѣту всѣхъ вельможъ, Креона самого.
„Теперь весь градъ клянеть годъ царства моего.
„Но Этеокль въ вѣнцѣ, а я въ несчастной долѣ:
„Пусть онъ оставитъ тронъ, пусть сяду на престолъ;
„Тираномъ будетъ онъ, я подданнымъ отецъ.

„Злосчастію клеветникъ, а власти спутникъ лстецъ“.
Въ Аргосѣ рѣчь сію я слышалъ Полиника.

КРЕОНЪ.

Какъ скорбна часть его, такъ злость его велика.
Аргосъ и Грецію наполнилъ онъ клеветъ,
Противъ отечества весь мнитъ возставить свѣтъ
И хитрости своей плоды уже собираетъ:
Различныя страны на насъ вооружаетъ.
Въ Аргосѣ въ бракъ вступивъ со дщерію царя,
Къ осадѣ Оивъ спѣшитъ отъ брачна алтаря;
Съ нимъ войска и вожди Аргоса и Микены,
Съ нимъ весь Пелопонисъ идетъ на наши стѣны;
Несутъ намъ пламенникъ, несутъ убійства мечъ,
Чтобъ истребить гражданъ и дома ихъ пожечь.
Но мы не рождены спокойно несть оковы,
И прежде умереть граждане всѣ готовы,
Иль лучше погребстись подъ нашею стѣной,
Чѣмъ Полиника зрѣть владыкой надъ собой.
Въ сихъ бѣдствахъ Этеоклъ къ Аѳиннамъ прибѣгаетъ,
Союзы древніе Тезею вспоминаетъ.
Изъ края общаго пріяли мы царей:
Цекропсъ и Кадмъ¹⁾, преплывъ пространну хлябь морей,
Отъ Финикійскихъ странъ намъ принесли законы,
И Оивы отъ тебя своей ждуть обороны:
Будь ихъ защитникомъ, спасителемъ царя!

¹⁾ Что Кадмъ родомъ изъ Финикіи, въ томъ всѣ историки согласны; но нѣкоторые писатели выводятъ Цекропса изъ Египта, другіе же утверждаютъ, что и онъ выѣхалъ изъ Финикіи. Сіе мнѣніе вѣрогнѣе, ибо финикійяне были первые мореходцы, и первые, въ отдаленныхъ отъ своего отечества краяхъ, заводили селенія и города. Ученый господинъ Повъ въ извѣстномъ сочиненіи: *Recherches philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois*, доказываетъ неоспоримо, что Египтяне, по недостатку въ лѣсѣ, не могли быть мореходцами и посылать въ отдаленныя края своихъ поселенцевъ.

Тезей.

За предложеніе Оивянь благодаря,
Всю цѣну чувствую мнѣ почести толикой;
Но я не для того поставленъ здѣсь владыкрй,
Чтобъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чужихъ.
Для славы суетной, мечтательной и лживой
Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой.
Во браняхъ мой народъ томился много лѣтъ;
О подвигахъ его еще вѣщаетъ свѣтъ;
Сраженный Минотавръ живъ въ памяти у грековъ.
Едва Аѳиняне свободны отъ упрековъ
За дань, возимую во Критскую страну,—
И новую, Креонъ, я предириму войну?
Нѣтъ, нѣтъ, надѣяться того не должны Оивы:
Лавръ трону есть краса. но мирныя оливы
Сѣнь благотворная для общества всего.

Креонъ.

Чту истину, Тезей, отвѣта твоего.
Но Греція тебя включила въ сонмъ героевъ,
И мыслить можетъ свѣтъ, что ты желаешь боевъ,
Что лавровъ ищешь ты, скучаешь тишиной
И славу побѣждать чтишь славою одной:
Такъ чувствовать бы могъ герой обыкновенной.
Но Оивы о тебѣ не мыслятъ со вселенной;
Твой превосходить духъ героевъ таковыхъ.
Въ наставшихъ случаяхъ, для насъ только злыхъ,
Не пользу собственну царь Оивскій уважаетъ,
Когда въ союзъ вступить Аѳинамъ предлагаетъ;
Нѣтъ, пользы общія насъ соединить должны.
Не Полиникъ, повѣрь, есть цѣлю войны:
Что нужды въ томъ царямъ, противу насъ возставшимъ,
Его ли братъ, иль онъ, владыкой будетъ нашимъ?
Соединенію предлогомъ Полиникъ,

Чтобъ замысль гордый ихъ никто здѣсь не проникъ.

Но замысль скрытый сей, коварный, хитрый, смѣлой,
Свершась, для Греціи опасенъ будетъ цѣлой.

Противъ союзниковъ различныя страны,
Въ неосторожности пребывъ раздѣлены,
Удобно ихъ рукой быть могутъ побѣжденны;

Сегодня Ѡивъ падутъ разрушенныя стѣны,
Но завтра части сей должны Аѣины ждать;
Благоразуміе сей замысль упреждать.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, страхъ твой за меня, Креонъ, есть страхъ напрасный!
Намъ замыслы царей союзныхъ не опасны;
Насъ побѣдить имъ мысль мечтаться не могла.

КРЕОНЪ.

Но что удержитъ ихъ, Тезей?

ТЕЗЕЙ.

Мои дѣла.

КРЕОНЪ.

Весь свѣтъ дивится имъ, они, конечно, славны:
Они же возродятъ и замыслы тщеславны,
Чтобъ безъ союзниковъ...

ТЕЗЕЙ.

Мой мечъ союзникъ мнѣ

И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ,
Гдѣ на законныхъ власть царей установлена,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.

(Встаетъ.)

Во храмѣ Эвменидъ собрался мой народъ:
Иди со мной туда, чтобъ видѣть мой оплотъ!
Услышишь гласъ его, узришь любовь къ Тезею,
И въ Ѡивахъ возвѣстишь, что устоять я смѣю
Противу силъ земли средь сонма чадъ моихъ.

Креонъ.

Безмолвенъ, государь, противъ рѣчей твоихъ,
Иду участвовать къ твоей высокой чести
(Въ сторону).

И, можетъ быть, найду удобный случай къ мести.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет кипарисную рощу; въ сторонѣ храмъ Эвмениды.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ (спавши на камень).

Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семь.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонять волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землею гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленая одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Скрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ!

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона.

Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ.

Я ихъ любилъ...

Антигона.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И воспоминаемъ ранъ не растравляй своихъ!

Эдипъ.

www.libtool.com.cn

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!

Антигона.

Уже ли предъ тобой и я виновна?

Эдипъ.

Нѣтъ;

Ты утѣшенъ мнѣ; любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорою быть твоей: вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Но мнѣ ты проливай свою сердечну боль,

Но мнѣ защитой твоею быть дозволю!
Не позавижду въ моей тогда я долѣ.
И братьевъ участи, сидящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О, радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
Объ имени твоёмъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя преидетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль... приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокий рокъ!

Антигона.

Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись; пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти день отнестъ.
Одинъ шель малый путь, другій прошелъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустыни виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ видѣнь Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: овѣ
Стремятся въ ярости съ отмищеніемъ ко мнѣ;

Въ рукахъ змѣи шипять, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона.

Въ забвеніе страшное ума упадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Киберонъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель;
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ!

Антигона *(упадая на колѣна)*.

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдипъ.

О, сколько, фуріи, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣи вѣнцы намъ брачныя сплетали:
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И срадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуріи, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣ прекратите!

(Упадаетъ на камень).

Антигона.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

Эдипъ *(не вставая и отталкивая ее)*.

Оставь, о Полинникъ! Меня отрекся ты:
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хоть мой гласъ!

Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стою:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (*пришедъ въ себя*).

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противныя мнѣ виды,
И все сцѣпленье несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнуть сихъ:
Пойдемъ (*встаетъ*), пойдемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ,
Едины алтари прибѣжище несчастнымъ.
(Съ приближеніемъ Эдипа ко храму, двери онаго растворяются, и народъ стремительно изъ храма выходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Эдипъ, Антигона, народъ Аѣинскій.

Хоръ народа.

О, страхъ! Поколебался храмъ;
Богини мести раздражены:
Предъ ними, въ алтарѣ возженный,
Престалъ куриться оміамъ.

Эдипъ, (*остановясь*).

Храмъ содрогается отъ моего прихода...

Антигона.

Скрой имя ты свое, родитель, отъ народа!

1 Аѣинянинъ.

Я вижу странниковъ; одинъ согбенъ отъ лѣтъ,
Другая младости являетъ взору цвѣтъ;
Иль ихъ пришествіе богинь здѣсь раздражаетъ?

Антигона.

Какая пагуба намъ нова угрожаетъ?

2 Аѳинянинъ.

Разспросимъ ихъ! Вѣщай, убогій человѣкъ,
Откуда родомъ ты и кто она?

Эдипъ.

Я грекъ;

Она... она мнѣ дочь.

1 Аѳинянинъ.

Изъ Греческихъ странъ многихъ
Твоя отчизна гдѣ?

Эдипъ.

Отечество убогихъ,
Страна, гдѣ найдутся чувствительны сердца.

2 Аѳинянинъ.

А имя?

Эдипъ.

Ахъ, почто вамъ имя знать слѣща?
Изъ памяти моей его желалъ бы стерти.

1 Аѳинянинъ.

Но, странникъ, въ сихъ мѣстахъ чего ты ищешь?

Эдипъ.

Смерти...

3 Аѳинянинъ.

Кто былъ родитель твой?

Эдипъ.

Родитель мой... погибъ.

2 Аѳинянинъ.

О, таинственный мужъ, кто ты, вѣщай!

Эдипъ.

Эдипъ.

Хоръ народа.

Эдипъ?.. Увы, какой бѣдою
Грозитесь, небеса, на здѣшнюю страну!
Сей беззаконникъ за собою
Влечить иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

2 Аѳинянинъ.

Богинь сея страны не раздражайте болѣ:
Бѣгите вы отсель!

Эдипъ.

Въ моей плачевной долѣ
Куда я уклонюсь?

Антигона.

Внеми, народъ, внеми
Его стенанію!

1 Аѳинянинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, изъ сей земли
Изыдите скорѣй!

Антигона.

Чѣмъ винны мы предъ вами?

1 Аѳинянинъ.

Онъ воздухъ заразить здѣсь можетъ между нами:
Отцеубійца онъ.

2 Аѳинянинъ.

Онъ матери супругъ.

1 Аѳинянинъ.

Своимъ онъ дѣтямъ братъ.

3 Аѳинянинъ.

Надъ сей главою вдругъ
Соединились всѣ злодѣйствія ужасны.
Мы не хотимъ его несчастьямъ быть причастны:
Онъ изгнанъ отъ людей, онъ проклятъ отъ боговъ.

Эдипъ (*къ Антигонѣ*).

Пойдемъ! Смущаюся отъ ихъ правдивыхъ словъ.
Пойдемъ, доколь итти моей достанетъ силы!
Ужели не найду нигдѣ себѣ могилы?

3 Аѳинянинъ.

Ты ожидай ея отъ хищности звѣрей!

1 Аѳинянинъ.

Граждане, вотъ и самъ идетъ сюда Тезей!

Антигона.

О, щедры небеса! Ты ободрись, родитель!
Тезей герой, и намъ онъ будетъ покровитель!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе: Тезей, Креонъ, Нарцесъ и стража Тезея.

Антигона.

Яви, о государь, скорбящему покровъ!
Родитель мой, къ кому былъ рокъ всегда суровъ,
Котораго вездѣ людская гонитъ злоба,
Пришелъ сюда просить убѣжища и гроба;
Страдальца привела въ Аѳины я съ собой;
Но въ гнѣвъ твой народъ, соединясь съ судьбой,
Оставитъ намъ велить владѣнія Тезея.

Онъ слѣпъ, а я слаба; защиты не имѣя,
Куда преклонимся? Насъ гонитъ цѣлый свѣтъ!

Тезей.

О, дѣва юная, среди цвѣтущихъ лѣтъ,
Ужель ты можешь быть преслѣдована рокомъ?
Но гдѣ родитель твой?

Антигона.

Въ отчаяньи жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

1 Аѳинянинъ (къ Тезею, который
подходитъ къ Эдипу).

Не преклоняй, о царь, къ нимъ слуха своего;
Сей странникъ есть Эдипъ!

Креонъ.

Эдипъ!

Тезей.

Что слышу, боги!

Ему, конечно, къ намъ отверзли вы дороги,
Чтобы по бѣдствіямъ Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарованъ былъ покой,
Чтобъ призрѣлъ жертву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
Прійди, почтенный мужъ, прійди, младая дѣва!
О, славная чета, прійдите въ мой чертогъ
Вкушать спокойствіе отъ многихъ толь тревогъ!
Какъ храмъ священнѣйшій тотъ царскій домъ прославленъ,
Который страждущимъ къ убѣжищу поставленъ.

Эдипъ.

Такъ для преступнаго и скорбнаго слѣпца
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца!
Изъ края долго въ край влечивъ мое изгнанье,
Уже ли наконецъ нашель я состраданье?

Но ахъ, Тезей, всегда влосчастіемъ ведомъ,
www.Сейбой.ру Себѣ убожищемъ твой не прииму я домъ!
Вездѣ сопутствуютъ мнѣ мстительные боги:
Введутъ ли всѣ бѣды съ собой въ твои чертоги?
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей странѣ;
Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
Но тщетно; отъ всѣхъ странъ возставшіе народы,
Звѣрей и хищныхъ птицъ не трогая покой,
Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой.
Близъ града твоего дозволю въ уединеніи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленья,
До дня, когда земля, намъ щедрая всѣмъ мать,
Благоволитъ меня въ истлѣніе принять!

Тезей.

За преступленіе ужасно, но невольно,
Мученіе, Эдипъ, ты претерпѣлъ довольно;
Ты добродѣтели несчастный намъ примѣръ.
Не сокрывай ея во мрачности пещеръ;
Укрась ты ею градъ, укрась мои чертоги!
Повѣрь, безсмертные ко мнѣ не будутъ строги
За то пристанище, которое Тезей
Доставитъ нищетѣ и дряхлости твоей!

Эдипъ.

Иль, государь, тобой забвенны стали Оивы?

Тезей.

Иль боги могутъ быть когда несправедливы?
Нѣтъ, нѣтъ, умалиться ихъ правда не могла:
Взираютъ съ благостью на добрыхъ дѣла.

Эдипъ.

Ахъ, вспомни, что Эдипъ безсмертными оставленъ.

Тезей.

Я знаю, что Эдипъ страдальчествомъ прославленъ.
Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
И что принять его велить мнѣ долгъ владыкъ.
Склонися, древній мужъ, къ Тезееву прошенью,
Остатокъ дней своихъ предай успокоенью,
Хотя изъ жалости ко дочери твоей!
Въ пещерѣ ль воздыхать съ тобою должно ей!
Или ты можешь быть толико къ ней суровымъ,
Чтобы опасностямъ ее подвергнуть новымъ?

Антигона.

Я не страшусь терпѣть презрѣнну нищету:
Съ отцомъ пещеры мракъ чертогу предпочту;
Всѣмъ бѣдствамъ за него охотно подвергаюсь.

Эдипъ.

О, нѣжна дочь, твоей любовью убѣждаюсь!
Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ мой и позоръ
Увянуть въ младости въ пустынѣ, среди горъ:
Чтобъ свѣту быть красой, ты послана на землю.

(Къ Тезею):

Великодушный царь, я твой покровъ приѣмлю,
Убѣжищемъ для насъ приѣмлю твой дворецъ.
Пусть тамъ, когда прійдетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ въ вѣчности отверзты будутъ двери,
Зрѣть пристань буду я спокойную для дщери;
Моя же пристань гробъ: тамъ волею небесъ
Назначено престать моимъ потокамъ слезъ.

Тезей.

Смягчить небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.

(Къ Креону):

А ты, сей встрѣчи здѣсь нечаянный свидѣтель,
Какъ возвратишься ты въ отечество твое,

Скажи, чѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое!
Изгнаніемъ царей несчастны стали Оивы;
Но царства тверды тѣ, которы справедливы.
Вотъ мой отвѣтъ, Креонъ!

Эдипъ.

Креонъ въ твоей странѣ?

Онъ здѣсь? Увы, скажи, вѣщай о дѣтяхъ мнѣ:
Въ отечествѣ ль они, на царскомъ ли престолѣ?
Ахъ, нѣтъ, не говори, не дѣти суть мнѣ болѣ,
Не дѣти,—изверги, и яростью боговъ
Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ!
О, боги сильные, властители природы,
Которыми падуть и возстають народы!
Предъ вами вѣки—мигъ, вселенная—черта,
И смертный на землѣ—какъ слабая мечта.
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру!
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ прійдетъ меня съ лица земного стерть,
Не дайте сыновьямъ мою увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
Чтобъ въ Оивахъ, извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали, гдѣ сыскать
То мѣсто на землѣ, гдѣ буду я лежать.
Благоволите ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте!

(Громъ подземный раздается).

Народъ.

О, страхъ!

Эдипъ.

Отвѣтствуйте.

(Громъ сильный ударяетъ).

1 Аѳинянинъ.

www.libtool.com.cn

Внемя

Его воззванію, колеблется земля.

2 Аѳинянинъ.

Перуны раздалися и молнія блеснула.

Иль рѣчь его къ богамъ природу ужаснула?

Жрецъ храма Эвменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе и Первосвященникъ.

Первосвященникъ.

О, государь, народъ, стремится въ храмъ!

Богини мести, въ немъ присутствуя, суровы,

Намъ прорицать судьбы въ сей страшный часъ готовы.

Тезей.

Пойдемъ и принесемъ имъ жертвы и мольбы,

Да премѣнятъ онѣ Эдиповы судьбы!

Эдипъ.

Нѣтъ, шествовать туда тебѣ во слѣдъ не смѣю:

Гласъ долженъ Эвменидъ ужасенъ быть злодѣю;

И въ храмѣ раздражать не буду я собой.

Тезей.

Иди же въ мой шатеръ и тамъ вкуси покой!

(*Войну*).

Эдипа проводи!

(Эдипъ и Антигона слѣдуютъ за воинномъ; Тезей съ народомъ идетъ во храмъ).

Креонъ (*Нарцесу*).

Мститъ гордому Тезею

Удобный случай я, Нарцесъ, теперь имѣю.

Пойду, пойду во храмъ оракулу внимать;

Ты воиновъ моихъ слѣши къ шатру собрать!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляет поле; съ одной стороны, роща; съ другой, виденъ шатеръ Тезеевъ; въ отдаленности городъ Аѳины.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Креонъ и Нарцесъ.

Креонъ.

Тѣмъ временемъ, какъ царь въ смущеніи жестокомъ
Багрить алтарь богинь кровавымъ козлищъ токомъ,
Когда его рукой курится ениіамъ,
Мой замысль совершить, Нарцесъ, надлежитъ намъ.
Ужели собраны тобой мои Фивяне?

Нарцесъ.

Во слѣдъ тебѣ, Креонъ, пришедшіе граждане,
Въ сей рощѣ скрытые, твоихъ велѣній ждуть;
Скажи, ихъ храбрости какой предложишь трудъ?

Креонъ.

Эдипа возвратить въ отеческія стѣны.

Нарцесъ.

Какія, государь, я зрю въ тебѣ премѣны!
Не ты ли былъ виной изгнанію его?

Креонъ.

Я самъ: онъ изгнанъ сталъ съ совѣта моего.

Нарцесъ.

Почтожь теперь его желаешь возвращенья?

Креонъ.

Чтобы усугубить Эдиповы мученья,
Тезею гордому достойно отомстить
И къ трону Фивскому мнѣ новый шагъ ступить.

Познай, Нарцесъ, познай, что дщери Ахерона,
Разверзши твердь земли до царствія Плутона,
Эдипу прорицать предстали передъ насъ!
Съ явленьемъ ихъ во храмъ, возженный огонь погасъ,
Средь дня настала ночь, разнесся запахъ сѣрный
И оживилися богинь кумиры черны;
На нихъ власы изъ змѣй возстали и взвились,
Изъ факель ихъ огни къ намъ искрами лились,
Свѣтъ пламенниковъ тотъ боролся съ мракомъ ночи,
Потомъ богинямъ вслѣдъ узрѣли наши очи
Ихъ адскихъ спутниковъ: и страхъ, и месть, и смерть,
Грозящую на насъ свою косу простерть.
При зрѣлищѣ такомъ народъ весь ужаснулся,
Смутился царь, я самъ невольно содрогнулся,
Я самъ, привыкшій зрѣть смерть алчную въ бояхъ
И ни во что вмѣнять къ богамъ напрасный страхъ.
Среди смятенія, какъ изъ трубы стогласной,
Внезапно въ капищѣ раздался звукъ ужасной;
Подобенъ бывъ громамъ, онъ храма сводъ потрясъ.
О, градъ, вострепещи! (вѣщалъ къ народу гласъ)
Судьбы разгнѣваны, и кровь въ сей день прольется,
Доколь достойная намъ жертва принесется;
Отъ крови царскія та жертва быть должна:
Тогда по бѣдствіяхъ наступитъ тишина,
Тогда Эдипа рокъ преслѣдовать престанетъ,
И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ станетъ
Для той страны, гдѣ жизнь скончаетъ сей слѣпецъ:
За добродѣтели спокойна смерть вѣнецъ.
По страшныхъ сихъ словахъ, умолкли Эвмениды,
Сомкнулась ада дверь, исчезли грозны виды,
Какъ тщетныя мечты по безпокойномъ снѣ.
Духъ твердости опять вселился въ сердце мнѣ,
Духъ мщенія мой нравъ воспламенилъ суровый,
Къ гибели враговъ имѣя случай новый.

www.libtool.com.cn

Нарцесъ.

Но если гнѣвъ богинь велить, о государь,
Здѣсь кровью царскою ихъ обагрить алтарь,
Коль жертвы требуютъ онѣ порфирородной:
Предай ты Кадмовъ родъ всей ярости народной!
Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
Сразить у алтаря и дочь, и отца.
Во храмѣ мертвъ падеть Эдипъ съ своей опорой.

Креонъ.

Кто? Я? Чтобы врага я предалъ смерти скорой?
Чтобы у алтаря жреца священный мечъ
Страданія его могъ съ жизнію пресѣчь?
Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесъ, не такъ привыкъ я ненавидѣть!
Мученія долгія врага желаю видѣть,
Печаль его моихъ весельемъ чтить очесъ,
Упиться токами его горчайшихъ слезъ,
Дѣтей его сгубя, его свести ко гробу
И смертью медленной мою насытить злобу.
Моей вражды къ нему ты знаешь о винѣ:
Я долженъ былъ владѣть въ отеческой странѣ
Вѣнцомъ, о коемъ брань его ведутъ днесъ чада;
По смерти Лаія я долженъ былъ отъ града
Быть избранъ на престолъ и Фивскій скиптръ принять;
Пришелъ Эдипъ, чтобъ скиптръ изъ рукъ моихъ отнять
И незаконный родъ взвести на тронъ съ собою;
И я, вѣнца лишенъ враждебною судьбою,
Къ Эдипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
Подъ лестью пагубной ее сокрыть умѣлъ.
Къ страстямъ дѣтей его совѣтъ мой примѣнивши,
Тщеславье воспаменя, природу усыпивши,
Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.
Мой замыслъ усмотрѣть не могъ ихъ юный взоръ,
И я возстановилъ среди сердецъ разврата

Сыновъ противъ отца и брата противъ брата.
Счастливейшій успѣхъ вѣнчалъ мои труды.
Теперь настали дни собрать коварствъ плоды,
Эдипа возврата въ отеческія стѣны,
Разсѣю хитростью между гражданъ измѣны;
Въ царѣ всѣ будутъ зрѣть гонителя отца,
Во мнѣ защитника несчастнаго слѣнца,
Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силой,
Чтобъ въ Оивахъ утвердить Эдиповой могилой
Побѣду навсегда, по словесамъ боговъ.
Оракулъ случай дастъ губить моихъ враговъ.
Пусть въ храмѣ жертвою падетъ здѣсь Антигона;
Ея пусть братія, желая Оивска трона,
Другъ друга погубятъ кровавою войной
И мертвые падутъ подъ нашею стѣной.
Извѣстенъ мнѣ ихъ нравъ: для нихъ то будетъ мало,
Чтобъ войско кровь свою предъ ними проливало;
Потщатся средь боевъ другъ друга находить,
Сразиться яростно, другъ въ друга мечъ вонзить
И кровью братнею пасть виѣстѣ обгащенны.
Взаимна злоба ихъ, какъ ненависть геенны,
Равняться можетъ лишь со злобою моею.
Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
Да видитъ онъ дѣтей несчастно истребленье!
Ихъ незаконное оплакивалъ рожденье,
Пускай оплачетъ онъ безвременну ихъ смерть.
И не было бъ руки тѣ слезы отереть!
Я буду всякій день внимать его стенанья,
Вздыханія ловить и исчислять рыданья,
И съ восхищеніемъ морщины тѣ считать,
Что на чело ему грусть будетъ налагать...
Но вотъ Эдипъ: иди ко скрытому отряду,
И будь готовъ, Нарцесъ, оставить ту засаду,
И къ намъ сюда вступить на мой призывный гласъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Эдипъ, Антигона и Креонъ.

Эдипъ.

Уже, о дочь моя, тотъ наступаетъ часъ,
Въ который кончится народное моленье.
Да укротится имъ богинь ожесточенье,
И награждать онѣ Аэины тишиной
За предложенный здѣсь мнѣ, страннику, покой!
Ахъ, послѣвшимъ идти во срътенъ Тезея!

Креонъ.

Объ участи твоей я въ сердцѣ сожалѣя,
О, старецъ горестный, предсталъ...

Эдипъ.

О, дочь моя!

Не гласъ Креона ли теперь здѣсь слышу я?

Антигона.

Такъ, онъ, родитель мой! Зря часть твою плачевну,
Конечно, изъявить пришелъ онъ грусть душевну.
Ахъ, съ равнодушіемъ какой возможенъ гласъ,
Насъ въ Оивахъ видѣвшій, теперь взирать на насъ!

Эдипъ.

О, юность, ты никакъ лукавства не причастна!
Тамъ состраданье зришь, гдѣ опытность несчастна
Пронырство признаетъ въ сердечной глубинѣ.

(Къ Креону).

О, хитрый гражданинъ, почто предсталъ ко мнѣ?
Слухъ недовѣрчивый чѣмъ ты склонить мечтаешь?
Или за новость мнѣ здѣсь объявить ты чаешь
Грозящу Оивамъ брань, раздоръ моихъ сыновъ?
То знаю безъ тебя, и жребій ихъ таковъ,
Какого я имъ ждалъ: ахъ, отъ меня рожденны,

На преступленіе они опредѣленны!
Иль по слѣдамъ моимъ твой царь тебя прислалъ,
Чтобъ на челѣ моемъ ты грусть мою читалъ,
Чтобъ видѣлъ нищету, въ которой я скитаюсь,
И какъ народами я всѣми отвергаюсь?
Иль, лучше, ты скажи, что волею своей
Пришелъ увѣриться о горести моей.
Но не увидишь слезъ и не услышишь стона;
Нѣтъ, ими веселить не буду я Креона:
Спокоенъ духомъ я, хотя гонимъ людьми;
А ты средь почестей терзаешься страстями.
Иди отсель, иди, о человѣкъ коварный,
Невѣрный родственникъ и другъ неблагодарный!
Ты сколько въ хитростяхъ искусствомъ ни великъ,
Давно уже, давно, Эдипъ тебя проникъ.

Креонъ.

Гонимый рокомъ злымъ, скрывая въ сердцѣ раны,
Эдипъ привыкъ во всемъ усматривать обманы
И ложно толковать дѣянія людей.
Къ обману прибѣгать почто душѣ моей?
Почто съ тобою мнѣ употреблять коварство?
Предъ сильнымъ слабому посредствуетъ лукавство.
Ты изгнанъ, въ бѣдности: я въ славѣ, другъ царю,
И, въ рѣчь съ тобой вступивъ, я нищаго дарю.

Эдипъ.

Хотя я въ нищетѣ, но не сравнюсь съ Креономъ:
Я былъ царемъ, а ты лишь ползаешь предъ трономъ.

Креонъ.

Высокомѣріе зрю прежнее въ тебѣ;
Ты чувствъ не примѣнилъ еще къ своей судьбѣ?

Эдипъ.

www.libtool.com.cn

То свойство низкихъ душъ, тебѣ, Креонъ, подобныхъ,
Чтобы по случаямъ мѣняться въ чувствахъ сродныхъ.
Но я, бывъ отъ царя на свѣтъ произведенъ,
Злосчастьемъ къ подлости не буду приученъ;
Всѣ чувства прежнія средь бѣдствій сохраняю;
Презрѣнья моего къ тебѣ не премѣняю.

Креонъ.

Не оскорбить меня твоя надменна рѣчь;
Напротивъ, я хочу бѣды твои пресѣчь,
Дни горестны во дни перемѣнить счастливы
И предложить тебѣ, чтобъ возвратился въ Фивы.

Эдипъ.

Какой еще, Креонъ, скрываешь новый ковъ?
Чѣмъ именемъ зовешь?

Креонъ.

Отечества, боговъ.

Эдипъ.

Обыкновенна рѣчь обманщиковъ искусныхъ,
Священнѣйшій предлогъ всѣхъ замысловъ ихъ гнусныхъ.
Ни вѣры, ни боговъ на сердцѣ не храня,
Ты ль рѣчью таковой мнишь обольстить меня?

Креонъ.

Когда бъ не вѣрилъ я, что существуютъ боги,
Тобой бы ихъ позналъ; позналъ, koliko строги
Кровосмѣсителей, отцеубійцъ карать.

Эдипъ.

Несчастный, можешь ли мнѣ нынѣ упрекать
Съ такой жестокостью злодѣйствіе невольное?
Братъ матери моей, сего уже довольно,

Чтобъ о судьбѣ моей всегда тебѣ молчать;
Но ты, какъ фурія, предсталъ мой духъ смущать.

Креонъ.

Предсталъ передъ тебя по волѣ я безсмертныхъ,
Къ злодѣйствіямъ твоимъ толико милосердныхъ,
Что общаются побѣдой на войнахъ
Той греческой странѣ, гдѣ твой пребудетъ прахъ.
Недолго можешь вестъ такую жизнь унылу;
И такъ въ отечествѣ назначь свою могилу!

Эдипъ.

Страна, изъ коей я позорно изгнанъ сталъ,
Гдѣ съ трона высоты въ жизнь странниковъ упалъ,
Гдѣ другъ царевъ Креонъ, гдѣ сынъ мой на престолѣ,
Уже отечествомъ не можетъ быть мнѣ болѣ.
Тамъ все, увы, тамъ все терзаетъ мой будетъ духъ!
Хоть не увидить взоръ, но мой услышитъ слухъ
Раздоры бѣдственны, въ которы ввергли Оивы
Сыны тщеславные, вельможи горделивы.
На то ли возвращусь, чтобъ вопль услышать женъ,
Какъ дерзкій Полиникъ предстанетъ противъ стѣнъ
И приведетъ съ собою Целопонезски силы
Срывать дома отцовъ и превращать въ могилы?
Иль возвращусь на то, чтобъ слышать звукъ мечей,
Которы сыновья въ свирѣпости своей
Другъ въ друга устремятъ на жизнь единокровну?
Чтобъ въ томъ, или въ другомъ, мнѣ знать потерю ровну?
Чтобы судьба меня враждебна привела
Руками осязать ихъ мертвыя тѣла,
Оплакивать ихъ жизнь, во цвѣтѣ пресѣченну,
И клятву чтобъ сложить, надъ ними изрѣченну?
Ахъ, нѣтъ, на ихъ главахъ пребудетъ пусть она!
Нѣтъ, чужда мнѣ теперь вся Оивская страна.
Коль справедлива вѣсть, тобою принесенна,

Что ярость днесъ боговъ къ Эдипу укрощена,
И что дають они въ благихъ своихъ судьбахъ
Побѣду той странѣ, гдѣ мой пребудетъ прахъ,
То прахомъ симъ дарю Аѳины и Тезея.
Другого дара я на свѣтѣ не имѣя,
Чѣмъ наградить могу великодушье ихъ,
Призрѣвшее конецъ дней горестныхъ моихъ?
Мой прахъ и дочь мою имъ поручая вынѣ,
Даю имъ все, что въ злой осталось мнѣ судьбинѣ.

Креонъ.

Аѳинянь подари ты дочерью своей;
Уже въ отечество пути закрыты ей:
Когда она съ тобою избрала удаление,
Тогда закономъ ей пресѣкли возвращенье.
Твой гробъ, залогъ побѣдъ, твой прахъ намъ нуженъ днесъ:
За мною слѣдуй ты, ее оставя здѣсь.

Эдипъ.

О, верхъ прискорбія, несчастье безпримѣрно!
Теперь я чувствую, униженъ какъ безмѣрно.
Съ терпѣньемъ долженъ былъ словамъ твоимъ внимать,
Безсиленъ будучи за дерзость наказать.
Не удивляюся я вашему закону,
Которымъ вы отъ Оивъ отвергли Антигону:
Несправедливъ, жестокъ, безчеловѣченъ онъ,
И града вашего достоинъ сей законъ,
Чтобъ за священный долгъ, за долгъ, свершенный ею.
Опредѣлить ей казнь, приличную злодѣю.
Но ты, Креонъ, но ты, жестокій человѣкъ,
Мнѣ предложеніе какое ты изрекъ?
Чтобъ разстался днесъ я съ дочерью моею,
Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на землѣ владѣю,
Съ моей опорой, съ отрадой мнѣ одной,
Противъ отчаянья оставленной судьбой?

Тѣснѣ связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья:
Я узломъ соединяю ея благотворенья.
Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
Сестра, и другъ, и все, что мило для сердецъ,
И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
Неблагодарный градъ, сыны жестокосерды
Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Оивъ.
Я ею лишь дышу, я ею только живъ.
И ты разстаться съ ней мнѣ, варваръ, предлагаешь?
Терзать меня, увь, какъ ты искусство знаешь!
Нѣтъ, лучше бы, злодѣй, извлекши острый мечъ,
Не дрогнувъ, жизнь мою стремился ты пресѣчь,
Чѣмъ смѣть мнѣ предлагать толь горестну разлуку.
Прійди, о дочь моя, прійди, подай мнѣ руку,
Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой!
Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
Нѣтъ, смертію одной мы будемъ разлученны.

КРЕОНЪ.

Когда прошенія тобою всѣ презрѣнны,
И слѣдовать за мной не убѣжду тебя,
Къ насильствію, Эдипъ, прибѣгнуть долженъ я.
Вступите, воины!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе, Нарцесъ и воины Креона.

АНТИГОНА.

О, горести! о, измѣны!
Оивянами мы здѣсь отвсюду окруженны.

КРЕОНЪ (воинамъ).

Эдипа въ городъ нашъ спѣшите возвратить!

Эдипъ *воинамъ*.

www.libtool.com.cn

Кто руку на меня посмѣетъ наложить?
Кто дерзостенъ и наглъ изъ васъ толико будетъ
И бывшаго царя въ моемъ лицѣ забудетъ?

Креонъ (*остановившимся воинамъ*).

Вы повинуйтесь не мнѣ, самимъ богамъ!
(Нарцесъ съ нѣкоторыми воинами устремляются на Эдипа и разлучаютъ его съ Антигоною).

Антигона.

Креонъ, жестокий, ахъ, паду къ твоимъ ногамъ!
Не разлучай ты насъ! Будь, будь великодушень
И состраданію единожды послушенъ!
Узри у ногъ сестру и дочь твоихъ царей!
Слезами ты смягчись и горестью моею!

Эдипъ.

Не унижайся, дочь, не будь сраженна рокомъ!
Невинности ль клонить колѣна предъ порокомъ?
Лишаяся тебя, я съ жизнью расстаюсь.
Но предъ злодѣями главою не склонюсь.
Намъ твердымъ должно быть, имъ чувствовать боязни:
Злодѣевъ торжество предшественникъ ихъ казни.
(Къ Креону).

Есть громы въ небесахъ, есть боги, о, Креонъ!

Креонъ.

Мы, исполняя долгъ къ отечеству священной,
Не мести ждемъ боговъ, но похвалы вселенной.
(Креонъ уходитъ, за нимъ воины ведутъ Эдипа).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

www.libtool.com.cn

АНТИГОНА и два воина (коимъ Креонъ подаѣ знакъ чтобъ они удержали Антигону).

АНТИГОНА.

Постойте, варвары, пронзите грудь мою;
Любовь къ отечеству довольствуйте свою!
Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлютъ, и мой вопль теряется въ пустынѣ.
Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина;
Есть боги... и земля злодѣямъ предана,
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!
Увы, что я, гдѣ я! Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена родней,
Извержена изъ Оивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно.
Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно.
Жестокій гнѣвъ боговъ, гоненіе людей
Лишь твердость новую несли душѣ моей:
Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терпѣнны.
Но безъ родителя, въ моемъ теперь мученьи,
Лишенная надеждъ... мой духъ во мнѣ унылъ,
Ударъ жестокий сей моихъ превыше силъ,
И всѣми чувствами отчаянье владѣя...
(Увидя Тезея).

Иль небо плетъ, ко мнѣ для помощи Тезея?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тезей, Антигона, народъ Аѣинскій, войны Тезея.

АНТИГОНА.

Великодушный царь, на помощь мнѣ спѣши!
Ахъ, возврати покой и жизнь моей души!

Отрядомъ Фивскихъ войскъ, насиліемъ Креона,
Родителя, увѣ, лишена Антигона!
Ссылаясь на боговъ и на небесный гласъ,
Въ отечество свое влекутъ его въ сей часъ.
Къ твоимъ ногамъ, Тезей, я въ грусти припадаю,
Я мщенія прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть рѣши, коль мнѣ откажешься помочь!

ТЕЗЕЙ.

Возстань, о нѣжная, несчастливая дочь!
Душевно я дѣлю твои печали новы.
Я мнилъ, что боги къ вамъ престаи быть суровы;
Спѣшилъ отъ алтаря увѣдомить чтобъ васъ,
Какъ щедро наградить ихъ общаетъ гласъ.
Народъ, къ спокойствію который васъ пріемлетъ:
Награду ли сію Креонъ отъ насъ отъемлетъ?
Безъ наказанія уже ли мыслилъ онъ
Нарушить нагло здѣсь священнѣйшій законъ
Народныхъ общихъ правъ, гостепріимства, чести?
Аѳиняне, я васъ, васъ призываю къ мести!
Постыдно будетъ вамъ, позорно будетъ мнѣ
Терпѣть насиліе въ отеческой странѣ.
За похитителемъ немедля устремимся
И наглость наказать Креонову потщимся!
О, Антигона, вѣрь, что за тебя отмщу;
Люби твоей отца, конечно, возвращу.
Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои чертоги
И ожидай конца, какой даруютъ боги!
Старѣйшины, ей путь въ домъ покажите мой!
Вы, о воины, послѣдуйте за мной!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ чертогъ Аѳинскаго царя.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Антигона *одна*.

Сраженная тоской, съ родителемъ въ разлукѣ...
Какъ медленно часы къ моей проходятъ мукѣ!
День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ,
И умирающій несчастный человѣкъ
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ утомленный.
Подобно смерти ждетъ мой нѣмъ духъ смущенный.
Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ;
Здѣсь жертвы требуютъ гласъ страшныхъ Эвменидъ,
И, къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестокости,
Онѣ велятъ пролить не козлищъ кровны токи
(Такая жертва имъ обычная мала),
Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила.
Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
И надъ главою моею смерть страшная зѣлетъ.
О, нѣжный мой отецъ, единый ты предметъ,
О коемъ плачу я, сей оставляя свѣтъ!
Какъ возвратить тебя Тезей великодушный,
Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный.
Скорбь новая твой духъ, какъ туча, омрачить
И горести твоей никто не облегчить.
Свирѣпой смертью удержанна въ неволѣ,
Печаль твою дѣлить не возмогу я болѣ.
Уже твой стонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ;
Нестертая слеза на землю упадетъ.
Ужасна ты, о смерть, коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь въ насъ!
Я слышу страшный шумъ: настала мой лютый часъ,
Увы!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Антигона, Полиникъ, некоторые изъ старѣйшины Аѳинскихъ.

Полиникъ.

Ахъ, гдѣ она? Вы къ ней меня ведите!

Антигона.

Не дайте мнѣ страдать: скорѣй судьбу рѣшите!

Полиникъ.

Ее ль зрю въ рубищѣ? О, жалостнѣйшій видъ!

Антигона.

Безъ жалости во храмъ влеките Эвменидъ!

Полиникъ.

Или во мнѣ уже премѣна толь велика,
Что ты не узнаешь и гласа Полиника?

Антигона (*бросаясь въ объятія По-
линика*).

Мой братъ!

Полиникъ.

Сестра! Се ты ль въ объятіяхъ моихъ?
Увы, твой злобный братъ причиной бѣдъ твоихъ!
И ты, какъ изверга, меня не убѣгаешь?
Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

Антигона.

Ахъ, ты, подобно мнѣ, въ несчастье нынѣ впалъ:
Я забываю все.

Полиникъ.

Такъ, такъ, и братъ твой сталъ
Изгнанникомъ изъ Оивъ, но не тебѣ подобно:
Съ твоею ли душой сравнится сердце злобо?

Могу ль судьбу свою, какъ ты, спокойно несть?
Твое изгнаніе твое есть слава, честь,
Утѣха сладостна и радости сердечны;
Но я, жестокий братъ и сынъ безчеловѣчный,
Изгнаніе терплю, какъ казнь достойну мнѣ.
Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ,
Ночь сладкое несетъ тебѣ успокоенье;
Твой осѣняетъ сонъ отца благословенье,
И безтревожны въ ночь невинныя сердца;
Но я, отягощенъ проклятіемъ отца,
Терзаюсь въ день страстями, и злобой, и отмщеніемъ,
Тоской раскаянья, и совѣсти мученіемъ,
А въ ночь, въ ночь темную, когда окрестъ меня
Земля покоится, молчаніе храня,
Съ звѣрами хищными и съ птицами ночными
Одинъ бесѣдную стѣнью моими.
Мечты отъ глазъ моихъ не убѣгаютъ прочь.
Ахъ, для злодѣевъ какъ страшна, ужасна ночь!
Конечно, я на зло назначенъ отъ рожденія:
Кляня злодѣйствіе, стремлюсь на преступленія.
Съ губительнымъ мечемъ и съ пламенемъ въ рукахъ,
Иду въ отечество, несу пожаръ и страхъ,
Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
Чтобъ Фивскому царю изъ стѣнъ сложить могилу!

Антигона.

Какую, Полиникъ, жестоку слышу рѣчь!
И на кого, увѣ, ты обнажаешь мечъ?
На брата?

Полиникъ.

На врага, на хищника короны,
И чести и родства презрѣвшаго законы,
И на виновника моихъ несносныхъ бѣдъ.
Иль Этеокль, иль я оставить долженъ свѣтъ:

На солнце общее нельзя взирать намъ болѣ.
Кто съ трона предковъ палъ и мнѣ подобенъ въ долѣ,
Тому осталася одна надежда: мечь,
И долгъ одинъ, чтобы иль гробъ, иль тронъ обрѣсть.
Не осуждай меня: вини мой ты чувства,
Которыхъ умѣять не знаю я искусства,
Вини сей огонь, въ моей пылающей крови!
Чрезмѣренъ я во всемъ: и въ злѣбѣ, и въ любви,
Въ самомъ раскаяннѣ, которымъ, вслѣдъ за вами,
Я приведенъ къ отцу. Ахъ, предъ его ногами
Упавъ, хочу я ихъ слезами оросить
И преступленію прощенье испросить!
Соедини свой гласъ съ моими ты мольбами
И примири меня съ Эдипомъ и съ богами!

Антигона.

Увы, родитель нашъ Креономъ похищенъ!

Полиникъ.

Тезеевой рукою тебѣ онъ возвращенъ.
Креонъ, вдали узрѣвъ Аѳинскаго героя
Въ погонѣ за собой и утрапаса боя,
Отъ казни чтобъ своей поспѣшнѣе уйти,
Эдиша долженъ былъ оставить на пути.
Отецъ сюда ведомъ отрядомъ войскъ Тезея;
Но царь съ другими самъ преслѣдуетъ злодѣя.

Антигона.

О, вѣсть отрадная! Еще единый разъ
Увижу я отца, его услышу гласъ;
Еще предъ тѣмъ, мою какъ кончу я судьбину,
Я отереть могу его слезу едину.
Ахъ, вмѣстѣ поспѣшимъ въ объятія его!

Полиникъ.

Постой, сестра, стой! Для брата твоего
Объятія отца закрылися, конечно,
И, можетъ быть, увн, закрыты будутъ вѣчно!
Я бѣ долженъ отъ себя всѣ отвратить сердца.
Какъ возмогу взирать на бѣднаго отца,
Когда всякъ страждущій, убогій и несчастный
Напоминаетъ мнѣ, что извергъ я ужасный,
Что на землѣ уже прощенія мнѣ нѣтъ,
Что мною навсегда гнушаться долженъ свѣтъ,
И что извѣстенъ я единымъ преступленьемъ?
Ахъ, сжался надъ моимъ ужаснѣйшимъ мученьемъ!
Будь мнѣ заступницей и грусть моей души
Родителю представь и живо опиши,
Чтобы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладиться,
Чтобъ на челѣ его я милость могъ узрѣть,
Или бѣ у ногъ своихъ онъ далъ мнѣ умереть!
Но шумъ... отецъ идетъ... о, зрѣлище плачевно!
Иду, бѣгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Эдипъ, Антигона и часть воиновъ Тевей.

Антигона (*бросаясь въ объятія къ
Эдипу*).

Родитель, зрю тебя... благословенный часъ!

Эдипъ.

О, утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая, опять я съединенъ съ тобою!
Такъ не совѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совѣмъ еще забытъ я отъ небесъ:
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,

И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнетъ наконецъ весельемъ оживленно.
О, боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Чтобы мы радости живѣе ощущали,
И чтобы, грустію томимый, человѣкъ
Въ одинъ веселья часть забылъ страданій вѣкъ.

Антигона.

О, добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты: въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ
Черезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.
Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока.
Она мучительна, терзательна, жестока.
Предъ тѣмъ, какъ ты меня въ объятія пріалъ,
Несчастный юноша въ глазахъ моихъ стenalъ.

Эдипъ.

Несчастный, говоришь. Кто онъ? Ахъ, всѣ несчастны,
Мои въдыханія, мои слезамъ причастны!
Страдающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, ужели безъ отца?
Ужель не носить онъ названія супруга?
Ужели въ мірѣ семъ себѣ не знаетъ друга,
Ни брата, ни сестры и, словомъ, никого,
Кто бы слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
Пусть приходитъ онъ: однимъ благополучнымъ
Видъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ;
Но я съ несчастными охотно слезы лью.
Пусть онъ придетъ печаль повѣрить мнѣ свою.
(Антигона подаетъ знакъ Полинику, который, вошедъ, оста-
навливается).

Антигона.

www.libtool.com.cn

Не смѣть онъ прійти: ужасно преступленье...

Эдипъ.

Не смѣть? Ты молчишь... Какое подозрѣнье
Вселяешь въ сердце мнѣ? Ты духъ смущаешь мой.
Не смѣть? Кто же онъ? Не братъ ли злобный твой?
Не онъ ли грусть влачить себѣ въ достойной долѣ?
Пускай груститъ: къ нему не сострадаю болѣ;
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе и Поликъ.

Поликъ.

И такъ, я осужденъ на вѣчныя мученья!
И такъ, не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостойнъ я, чтобъ ты когда простишь:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть,
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями мирить,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротить?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосерднымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ!

(Бросается къ ногамъ Эдипа).

Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ твоихъ слезъ, которы проливаю!

Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И вѣдостью равны мученіямъ моимъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи).

Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прощенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (упадая къ ногамъ Эдипа).

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (поднимая Антигону).

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодарить,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зреть,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ холодная могила.

(Къ Полинику):

Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ.

Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ.
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рождень:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,

И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесъ страждуще, растерзанно оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моею!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласишься итти въ отеческу страну:
Мою передъ тобою исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Өивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидать болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ;
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ,
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь,
И такъ любить тебя, какъ любить Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою, и твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвеніе у тебя привести мое злодѣйство.

Эдипъ.

Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,

Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать се на горестъ и напасти?
Или опъ о моей не вѣдалъ скорбной части;
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцомъ, супругомъ пѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностью трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землею
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.

Полиникъ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ Фивскій приобрѣсть.

Эдипъ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно упоаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считатьъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынъ прошеньемъ утомленны;

Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и яѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну преклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собою влечить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокий сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у Ѡивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстѣющая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ Ѡивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоѣ;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,
И дома подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь семья и утѣшенье.

(За театромъ слышенъ шумъ толпы народной).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Прежніе и нѣкоторые изъ старѣйшинъ Аѣинскихъ.

Аѣинянинъ.

Несчастливый Эдипъ, ты духомъ укрѣпился:
Ударъ суровѣйшій сносить въ сей часъ рѣшился!
Народъ, день цѣлый ждавъ Тезея возвращенья,
Возсталъ противъ тебя, наполненъ градъ смущенья:

Тебя чтутъ бѣдъ виной, твой проклинаютъ родъ,
И дочери твоей весь требуетъ народъ.

(Шумъ за театромъ становится сильнѣе).

Ты слышишь ли сей шумъ? Окружены чертоги;
Весь городъ вопіетъ: „разгнѣваны суть боги;
„Чтобъ умолить ихъ гнѣвъ и отвратить напасть,
„Эдипа дочь должна во храмъ жертвой пастъ“.

Эдипъ.

Имѣете ль, судьбы, еще какія кары?
Вы истощили всѣ враждебныя удары,
Собравъ ихъ надъ моею печальною главою.
Дочь милая, могу ль разстаться я съ тобой?
Остануся убогъ, совсѣмъ осиротѣю...
Ты плачешь?... Я и слезъ ужъ болѣ не имѣю.

Антигона.

Увы, я слезы лью не о моей судьбѣ:
Я смерти не страшусь... и плачу о тебѣ!
(Народъ врывается въ двери).

Полиникъ *(бросается къ народу)*.

Не совершится, нѣтъ, сей замыслъ ихъ ужасный,
Доколѣ я дышу...

Эдипъ *(останавливая его)*.

Что можешь ты, несчастный?
Порывы поздніе усердія умѣрь:
Безвременна твоя защита намъ теперь.

(Къ народу):

Аѳиняне, во храмъ меня ведите съ нею!
На Эвменидъ еще надѣяться я смѣю.
Не дочь мою одну, двѣ жертвы приметъ жрецъ
И совершитъ моимъ страданіямъ конецъ.

(Эдипа и Антигону уводятъ).

Полиникъ.

О ярость! О, позоръ!... А вы, о, боги чудны!
Когда не тщетны вы, когда вы правосудны,
Спасите отъ меча невинныя главы!
Преступникъ я одинъ: меня разите вы!
Подземный огонь и громъ небесъ соедините
И нечестиваго изъ міра истребите!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ внутренность храма Эвменидъ, который раздѣленъ на двѣ части. Въ отдаленной виденъ жертвенникъ и три статуи, изображающія богинь сего храма: въ ихъ рукахъ возженные факелы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Первосвященникъ въ отдаленной части храма при жертвенникѣ и жрецы.

Хоръ жрецовъ.

Богини, адомъ порожденны
Народамъ въ страхъ, злодѣямъ въ казнь!
Что возбуждаетъ непріязнь?
Почто вы нынѣ раздраженны
Предстали, грозныя, предъ насъ?

Къ рабамъ, къ царямъ равно вы строги:
Какъ смерть, вашъ общій всѣмъ уставъ.
И смертный, злобный и лукавъ,
Ни въ хижину, ниже въ чертоги
Не скроется отъ вашихъ глазъ.

Вотще злодѣйства сокровенны:
Вы зрите сердца глубину.
За скрыту, тайную вину
Изъ мрачной пропасти геенны
Къ злодѣю вашъ взываетъ гласъ.

Первосвященникъ.

Прервите пѣніе, священные жрецы!
Изготовляйте вы повязки и вѣнды,
И ризы чермныя и прочи украшенья,
Приличныя для насъ въ день жертвоприношенья!
Невидимой рукой ведется жертва къ намъ.
(Жрецы уходятъ).

Но кто сей юноша, вступающій во храмъ?
Въ чертахъ отчаянья и въ поступи смущенье...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Первосвященникъ и Полинникъ.

Полинникъ.

Служитель алтарей, скончай мое мученье!
Здѣсь жертвы требуетъ богинь суровыхъ гласъ:
Имъ въ жертву предстою; рази, не убоясь!
Сей смертью смиришь народную строптивость
И совершить не дашь богамъ несправедливость.

Первосвященникъ.

Кто ты, о юноша, чтобъ о богахъ судить?
Иль не страшишься ты ихъ ярость возбудить?
Сей храмъ сооруженъ ихъ мщенію и гнѣву.

Полинникъ.

Хотябъ разверзнуться велѣли адску зѣву,
Чтобъ поглотить меня, я въ день несчастный сей
Не усташусь: весь адъ ношу въ душѣ моей.
Зрѣть грозныхъ Эвменидъ мои привыкли очи;
Въ бесѣдѣ страшной ихъ провелъ я многи ночи;
Отринутъ отъ боговъ, отверженъ естествомъ,
Мнѣ Фуріи однѣ остались божествомъ.

Первосвященникъ.

Тебя ужасное терзаетъ преступленье.

www.libtool.com.cn

Полиникъ.

Вся жизнь ужасная и самое рожденье.
Слухъ о судьбѣ моей во всѣ страны достигъ:
Я тотъ Эдиповъ сынъ, тотъ злобный Полиникъ,
Врагъ подданныхъ своихъ, отечества губитель,
Винovníкъ бѣдъ сестры, кѣмъ изгнанъ былъ родитель,
Кѣмъ угрожаетъ братъ, и тотъ я наконецъ,
Надъ чьей главой изрекъ проклятіе отецъ!
Когда злодѣйска кровь для Эвменидъ пристойна,
Вотъ грудь моя: рази! я жертва, ихъ достойна!

Первосвященникъ.

О, часть прискорбная, о, злополучный царь!
Вотще въ смущеніи предсталъ передъ алтарь
И смерти требуешь, тобою толь желанной:
Я не прийму главы, проклятію преданной.
Твоихъ страданій, слезъ я не могу пресѣчь
И кровію твоей не оскверню мой мечъ:
Тельцы, упитанны для принесенія въ жертвы,
Очищены предъ тѣмъ, какъ упадаютъ мертвы.

Полиникъ.

Нль не довольно я еще злодѣемъ былъ?
И смерти я себѣ еще ль не заслужилъ?
Она не есть ли верхъ небесной непріязни?

Первосвященникъ.

Нѣтъ, боги не всегда даютъ намъ смерть для казни.
Она лишь для того караніе небесъ,
Въ комъ нѣтъ раскаянья, свѣтъ совѣсти исчезъ,
Предъ кѣмъ о промыслѣ безмолвствуетъ вселенна,
И власть кому боговъ открыть должна геенна.
Но смерть есть сущій даръ для страждущихъ сердецъ,
По трудныхъ странствіяхъ отраднѣйшій конецъ,
И вѣчность имъ, какъ дубъ осанистый вѣтвистой,

Стоящій на пути и древностью сѣнистой
Судящій путнику прохладу и покой.
Но часть еще, мой сынъ, не наступаетъ твой;
И клятвою отца, какъ узломъ неразрывнымъ,
Привязанъ ты къ землѣ, къ страданьямъ непрерывнымъ,
Доколь исполнится тебѣ сужденна часть,
Которой премѣнить боговъ не можетъ власть.

Полникъ.

Коль смерти отъ небесъ я тщетно ожидаю,
Отчаянье, тебя на помощь призываю!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе, Эдипъ, Антигона, жрецы и народъ Аѳинскій.

Аѳинянинъ.

Первосвященный жрецъ! Встревоженный народъ,
Считая бѣдъ виной Эдипа къ намъ приходя,
Чтобы спасти царя, чтобы спасти Аѳины,
Чтобъ умолилъ богинь и гнѣвныя судьбины
И удовольствовать ихъ воспаленну мечь,
Эдипа дочь привелъ на жертву имъ принесть.
Пусть гнѣвъ погаснетъ ихъ въ ея потокахъ крови:
Да возвратятъ предметъ народныя любви.
И возвратится къ намъ съ Тезеемъ тишина!

Антигона.

Граждане, вами бывъ на смерть осуждена,
Какъ ни ужасна смерть, какъ участь ни сурова,
Безъ ропота и слезъ принять ее готова.
Мнѣ жизнь казалась тѣмъ отрадна и мила,
Что утѣшеньемъ быть родителю могла,
Что онъ на грудь мою слагалъ свои печали.
Сію пронзая грудь, вы право днесъ мнѣ дали
Аѳинамъ поручить отца несчастны дни.
Долгомъ вѣрнымъ пусть пребудутъ вамъ они

Союза страшнаго, союза смерти лютой,
Который съ вами я сей совершу минутой.
Такъ, жители Аѳинъ, я заклиная васъ
Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
Передъ лицомъ богинь, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюди его главу, гнетомую тоской!
Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна:
Не то, для васъ она навѣки будетъ слезна;
Мой прахъ вамъ будетъ въ казнь, и гробъ мой будетъ вамъ
Жилище Эменидъ, другой ихъ мести храмъ.
Ничѣмъ тогда судьбы, ничѣмъ не умолятся,
И кровью сей главы чадъ вашихъ отягчатся

(Къ Эдипу).

Въ послѣдній разъ, отецъ, благослови ты дочь!
Да будетъ въ вѣчности пріятная мнѣ ночь,
И сонъ глубокой мой пребудетъ ненарушень!

Эдипъ (обнимая Антигону, къ народу).

Народъ, который былъ всегда великодушень!
Ты добродѣтелей въ ней совершенство зришь,
И сердце ли сіе ты смертью порaziшь!
Ужель межъ вами нѣтъ отцовъ чадолюбивыхъ,
Сердецъ чувствительныхъ и смертныхъ справедливыхъ,
Чтобъ видѣть, чувствовать и убѣжденнымъ быть,
Что, кровь невинную рѣшившись пролить,
Вы оскорбляете сей храмъ, боговъ, природу
И призываете безсмертныхъ казнь народу?
Коль съ гробомъ вамъ моимъ побѣда суждена,
Коль кровію спастись должна сія страна,
Пролейте кровь мою: ужъ я давно какъ мертвый,
И Фуріи меня блюди себѣ для жертвы.

Антигона.

Ахъ, дай мнѣ смертію твоей искупить покой!

Эдипъ.

Невинна кровь тому не можетъ быть цѣной.*

Антигона.

Когда невинна я, то жертвой быть достойна.

Эдипъ.

Насильственная смерть злодѣямъ лишь пристойна;
Она прилична мнѣ, и къ оной осужденъ
Я былъ еще предъ тѣмъ, какъ бѣдственно рожденъ.
Такъ, боги, щедро ливъ несчастья и печали
На жизнь Эдипову, вы жертву украшали,
Вы руку на меня назначили простерть.
Первосвященный жрецъ, веди меня на смерть!
Но дай, позволь почитать послѣднимъ цѣлованьемъ
Тотъ мечъ, которымъ я разстануся съ страданьемъ!
*(Первосвященникъ, принявъ мечъ, который одинъ изъ жрецовъ
держалъ на блюде, хочетъ вручить оный Эдипу, но Поли-
никъ вырываетъ изъ рукъ его).*

Полиникъ.

Подай сей мечъ, подай: онъ мнѣ принадлежитъ!

Первосвященникъ.

Какой, о Полиникъ, злой замыслъ въ сердцѣ скрытъ?

Эдипъ.

О, Полиникъ! ты здѣсь? Пришелъ ли ты ругаться
Моею смертію и ею наслаждаться?
Или уже ничто, ни часть плачевный сей,
Ни вѣры торжество, ни святость алтарей,
Не сильны удержать твой ярый духъ и злобу?

Полиникъ.

Твой сынъ пришелъ сюда искать путей ко гробу.
Тобой отверженный и проклятый тобой,
Гнушаюсь жизнью я, гнушаюсь я собой.

Коль смерти не дають разгнѣванные боги,
То пусть ко смерти мнѣ откроетъ мечъ дороги.

Эдипъ.

Самоубійствомъ ли ты осквернишь сей храмъ!

Полиникъ.

Въ отчаяннѣ оно едино средство намъ.

Эдипъ.

Какимъ неистовствомъ твой нынѣ духъ встревоженъ!

Полиникъ.

Безчеловѣченъ былъ, пусть буду и безбоженъ!
Такъ, здѣсь, у ногъ твоихъ я совершу ударъ
И, кровь проливъ, тебѣ я возвращу твой даръ:
Жестокостью своей знавъ сына умерщвленнымъ,
Ступай потомъ къ богамъ путемъ окровавленнымъ!
(Упадаетъ къ ногамъ Эдипа).

Эдипъ.

Иль всѣ возможныя я бѣдства соберу?
Возстань, несчастнѣйшій!

Полиникъ.

Не встану, но умру.

Эдипъ.

Ахъ, если бы тебя раскаянье терзало!

Полиникъ.

Чѣмъ сердце бы инымъ жестоко толь страдало?
Раскаянье въ душѣ... Ахъ, что я говорю?
Оно въ крови моей, снѣдаемъ имъ, горю!
И Фурій мстительныхъ терзающія руки,
Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки,
Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ.

Антигона.

Родитель, вспомни ты, что Полиникъ мнѣ братъ,
Внимай, какъ въ истинномъ раскаяньи стенаеть!

Эдипъ.

Возстань, несчастный сынъ: отецъ тебя прощаетъ *).
Прійди въ объятія, и примирайся со мной,
Ты примириться тщишь съ богами и съ собой.
О, боги, коихъ я, во гнѣвѣ огорченный,
Къ отмщенью призывалъ, на сына раздраженный!
Раскаянье теперь когда въ немъ зрите вы,
Проклятіе мое сложите съ сей главы!
Вамъ добродѣтельный не столько мужъ пріятель,
Какъ тотъ, кто кается, бывъ злобенъ и развратенъ.
(По нѣкоторомъ молчаніи).

Но боги ждуть меня; насталь уже мой часъ.
Гдѣ ты, о дочь, прійди и дай еще мнѣ разъ
Прижать къ груди моей твою главу любезну!
Съ тобой въ терпѣніи чрезъ жизнь прошелъ я слезну
И, предназначенный свершая нынѣ путь,
Благодарю тебя: благословенна будь!
О, Полиникъ, тебѣ сестру я здѣсь ввѣряю:
Сокровища мои всѣ съ нею поручаю.
Дни драгоцѣнные, покой ея храня,
Ты помни, какъ она покопла меня!
Гдѣ мечъ? Подай!
(Принявъ мечъ отъ Первосвященника и поцѣловавъ оный).

Жрецы, орудіе пріймите!

Въ послѣдній разъ отца, о дѣти, обоймите!

Полиникъ.

Жестокій часъ!

*) При сихъ словахъ, Полиникъ роняетъ мечъ и бросается въ объятія отца; одинъ изъ жрецовъ поднимаетъ сей мечъ.

АНТИГОНА.

www.libtool.com.cn Тебя ль я буду лишена!

Эдипъ.

Ты вспомни, что намъ жизнь другая суждена.

(Къ жрецамъ).

Ведите вы меня на жертвоприношенъе!

(Тезей стремительно входитъ и останавливаетъ Эдипа, который, опираясь на Антигону и Полиника, шель ко внутренней части храма).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, Тезей, Креонъ (обезоруженный) и воины Аѳинскіе.

ТЕЗЕЙ.

Остановись, народъ! Какое преступленъе
Ты хочешь совершить предъ правдою боговъ?

АНТИГОНА.

Конечно, намъ она даруетъ твой покровъ!

ПОЛИНИКЪ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

ЭДИПЪ.

Ахъ, дай мнѣ смерть пріять: будь мужъ, богамъ послушный!
Кровь царскую пролить здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ:
Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.
Такъ, смертію моею жизнь дщери сохраняю
И тишину тебѣ и граду возвращаю.

АНТИГОНА.

Я радостно умру къ спасенію отца.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай меня разить священный мечъ жреца!

Тезей.

www.libtool.com.cn
Нѣтъ, не умрете вы: ни ты, о мужъ почтенный,
Ни нѣжна дочь твоя, ни сынъ, тобой прощенный!
Не съ тѣмъ судьбы, не съ тѣмъ васъ привели сюды,
Чтобы надъ вами днесъ усугубить бѣды.
Онѣ готовили вамъ тишину, отраду:
За вашъ покой даютъ побѣду намъ въ награду.
Къ спасенью сей страны самъ прежде кровь пролью,
Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.
Но нѣтъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна
Для жертвы никогда не можетъ быть угодна!
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставить гнѣвъ.

(Громъ сильный раздается).

Первосвященникъ (къ Тезею).

Громъ подтверждаетъ рѣчь. Сей родственникъ царевъ
Противъ отечества крылъ замыслы лукавы!
Посломъ здѣсь испровергъ общенародны правы;
Онъ врагъ самихъ боговъ и къ смерти осужденъ:
Твоей рукой на казнь онъ имъ приведенъ.

(Къ Креону).

Умри, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій
И отъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій!

Креонъ.

Въ странѣ сей, призрѣнныхъ я зря моихъ враговъ,
Терзаюсь и принять смерть лютую готовъ.

(Жрецы уводятъ Креона).

Эдипъ.

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!

(Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона, вошедшаго во внутренность храма).

Первосвященникъ

Внемлите, что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы:
Неистовый Креонъ сей видѣть свѣтъ престалъ,
Небесный громъ сразилъ и адъ его пожралъ;
Богини въ слѣдъ ему изъ храма удалились.
Эдипъ, твои бѣды отнынѣ прекратились.
Но вы, цари, народъ, въ день научитесь сей,
Что боги въ благости и въ правдѣ къ намъ своей
Невинность милуютъ, раскаянью прощаютъ,
И, къ трепету земли, безбожниковъ караютъ.

П. ФИНГАЛЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ, СЪ
ХОРАМИ И ПАНТОМИННЫМИ БАЛЕТАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Старнъ , царь Локлинскій.	Карилъ , воинъ Старновъ.
Моина , дочь его.	Жрецы.
Фингалъ , царь Морвенскій.	Барды или свальды Старновъ.
Уллинъ , бардъ Фингаловъ.	Барды Фингаловы.
Колла , наперсникъ Старновъ.	Воины Локлинскіе.
Морна , наперсница Моины.	Воины Морвенскіе.
Верховный жрецъ Одиновъ.	Народъ Локлинскій.
Дѣва Локлинская.	Дѣвы Локлинскія.

Дѣйствіе происходитъ въ земль Локлинской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ палату, открытую сводами въ садъ; вдали видны
на возвышеніяхъ храмъ Одиновъ и холмъ могильный.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Моина сидящая, **Морна**, **Уллинъ**, **Барды** и **Дѣвы Локлинскія**.

Хоръ Бардовъ и Локлинскихъ дѣвъ.

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей!
Сердечъ, умовъ очарованье,
Веселье пламенныхъ очей

И нѣжныхъ душъ любовь-отрада
Отъ твоего родится взгляда.

Одна изъ дѣвъ Локлинскихъ.

Цвѣти, о красота Моины,
Какъ въ утро раннее, весной,
Цвѣтутъ прелестныя долины
Благоуханной красотою!

Хоръ Бардовъ и дѣвъ.
Фингала сердце ты плѣнила
И тишину намъ возвратила.

Моина.

О, дѣвъ и бардовъ сонмъ, не славьте красоту,
Сю обманчиву, прелестную мечту!
Она... какъ слабый цвѣтъ, который украшаетъ.
Видъ утренній пустынь и въ полдень увядаетъ.
Гордиться можно ли Моинѣ красотою?
Единымъ только духъ гордиться можетъ мой,
Единымъ... О, Уллинъ, Фингаловъ бардъ любимый,
Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый
Во званіи мудраго и мирнаго посла,
Воспой геройскія Фингаловы дѣла!
Со дня, какъ мой отецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
Морвенскаго царя уважилъ добродѣтель,
Вручить меня ему священный далъ обѣтъ,
Желаю я, Уллинъ, чтобы мнѣ цѣлый свѣтъ
Вѣшалъ, гласилъ, твердилъ о имени Фингала,
Чтобъ слава лишь его Моину восхищала.
Прими же арфу, бардъ, воспламени свой духъ
И дщери Старновой увеселяй ты слухъ!

Уллинъ.

Умолкни все въ странѣ подлунной,
Чтобъ гласы арфы златострунной

По холмамъ дальнимъ пронеслись,
Въ пустыняхъ гуломъ раздались!
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юныхъ дней.
А вы, почившіе герои,
Покрытые сырою землею,
Возстаньте отъ могилъ безмолвныхъ,
На высотахъ явитесь холмныхъ!

Хоръ Бардовъ.

Ударили въ мѣдяный щитъ,
Ко брани гласъ обыкновенный:
Во браню ратникъ облеченный,
Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кишить;
Дубы столѣтні загорѣлись,
И тучи заревомъ одѣлись.

Уллингъ.

Встаетъ Морвена вождь, Фингаль;
Оружье грозное пріять;
Стрѣла въ колчанѣ роковая;
На груди рдяна сталь видна:
Кошье, какъ сосна мѣловая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ
И вся подернута туманомъ.

Хоръ Бардовъ.

Мелькаютъ, сѣются, падутъ
Враги предъ нимъ, какъ легки тѣни,
Или, какъ робкіе елени,
Отъ мстительной руки бѣгутъ;
И стала вокругъ него равнина,
Какъ смерти мрачная долина.

Уллинъ.

www.libto...
Падуть... и не избѣгъ судьбинъ
И ты, Тоскаръ, о Старновъ сынъ,
Локлинскихъ чадъ стѣна надежна!
Закрyla смерть твой юный взоръ.
Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба свѣжна,
Съ крутыхъ отторгнутая горъ:
Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
Высокій холмъ поколебался.

Моина (*встаетъ и прерываетъ
пѣснь Уллина*).

Какую смерть, о бардъ, напоминаешь мнѣ?
Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
Фингаловымъ мечемъ, мнѣ стоилъ слезъ довольно.

Уллинъ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ невольно.

Морна.

Онъ прелестей твоихъ еще тогда не зналъ.

Моина.

Конечно, предо мной невиненъ въ томъ Фингалъ:
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной.
Ахъ, еслибъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забить, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ!
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни бардовъ пѣніе, ни арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ, питаемая его тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зреть, ловитву забываетъ.
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Уныніе въ душѣ и дума на челѣ...
Но онъ идетъ: въ сей день покоить ли Моину?

www.libtool.com.cn ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Старнъ, Колла и прежніе.

Старнъ (*Моинъ*).

О, дочь! Фингалъ преплыль чрезъ синихъ волнъ пучину,
Ладей его ничѣмъ удержанъ не былъ бѣгъ,
И съ утренней зарей на нашъ вступилъ онъ берегъ.

(*Къ Уллину*):

Уллинъ, Фингаловыхъ пѣвецъ сраженій дивныхъ,
Ты, присланный ко мнѣ для предложеній мирныхъ,
Ты, зрѣвшій здѣсь луной свершенны три пути,
Къ Фингалу можешь ты во срѣтеніе идти.

(*Даетъ знакъ бардамъ, чтобы удалились*).

А ты, о дочь, во храмъ будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова!
Онъ требовалъ, чтобъ я вручилъ тебя ему
Въ тотъ день, какъ взору онъ предстанетъ моему:
Къ нетерпѣливости моей насталь день нынѣ.

Моина.

Въ сей самый день? Восторгъ... благодарю судьбинѣ.

Старнъ.

Такъ ты Фингаловой отвѣтствуешь любви?

Моина.

Ахъ, неизвѣстный огонь пролить въ моей крови
Со дня, мнѣ памятна, какъ вождь племень Морвена,
Намъ ужасомъ грозивъ иль смерти или плѣна,
Всѣ холмы, всѣ лѣса наполнивши войной,
Разсыпавъ рать твою, сей овладѣлъ страной,
Предсталъ передъ меня въ моемъ уединеніи!
Мгновенно сердца мнѣ прервалися біенія;
Какъ вепря дикаго, его страшилась зрѣть;
Отчаянна, блѣдна, желала умереть...

Но очи юношу прекраснаго узрѣли;
Хотѣла укорять... уста мои нѣмѣли.
Подъ шлемомъ видѣ любви блисталь въ его чертахъ,
Прешель къ моей душѣ и мой, разсѣяль страхъ.
Съ тѣхъ самыхъ дней мои Фингаломъ мысли полны.
Спокойствіе мое онъ уносилъ чрезъ волны,
Когда окончивъ брань, плѣненіе твое,
Отплыль отъ сей страны въ отечество свое.
За нимъ желанія неслись нетерпѣливы...
Настали наконецъ Моиинѣ дни счастливы:
Фингалъ, предъ алтаремъ соединясь со мной,
Почтитъ въ тебѣ отца, какъ сынъ нѣжнѣйшій твой...
Но ты смущаешься, блѣднѣешь и трепещешь;
На дочь, вокругъ себя, ты взоры гнѣва мещешь,
И вздохи горести твою стѣсняють грудь...

Старнѣ *(по нѣкоторомъ молчаніи
и скрывая свою ярость)*.

Ахъ, нѣтъ... безъ гнѣва я; спокойна духомъ будь!
Какъ ты, я веселюсь Фингаловымъ приходомъ,
И вскорѣ мой восторгъ явится предъ народомъ.
День онъ, можетъ быть, счастливѣйшій мнѣ день...
Иди, чело свое покровами одѣнь!

Моина.

Твоей лишь радостью могу я быть спокойна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Старнѣ и Колла.

Старнѣ.

О, малодушная, дочь Старна недостойна!
Злодѣя моего ты возлюбить могла,
У коего въ плѣну глава моя была,
И чье оружье кровь Тоскара проливало:
Къ несчастью моему сего не доставало.

О, Колла, ты, кѣмъ Старнѣ былъ прежде въ славѣ зримъ.
Сей счастливый отецъ, сей вождь непобѣдимъ,
Ты зришь, ко гробу онъ склоняетъ жизнь позорну.

Колла.

Въ Моинѣ вижу дочь родителю покорну;
Готовая предстать ко брачнѹ алтарю,
Не сердце ль нестѣ должна Морвенскому царю?

Старнѣ.

Но сердце, Колла, въ ней моею бьется кровью:
Такъ можетъ ли оно къ нему горѣть любовью?
Нѣтъ, злобу, и вражду, и ненависть, и месть,
Вотъ все, что дочь должна во бракъ Фингалу нестѣ!
Когдабъ она меня достойной быть хотѣла,
Проникнуть замыселъ мой она давнобъ умѣла;
Умѣла бы узнать, что мой жестокий гнѣвъ
Не радости врагу, готовить смерти зѣвъ,
Готовить горести и всѣ мученья, казни
И всѣ терзанія свирѣпой непріязни.
О ты, на облакахъ носящаяся тѣнь,
Тѣнь сына моего! Насталъ, насталъ тотъ день,
Въ который ты, узрѣвъ надъ мрачною могилой
Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой.
Тоскливая донесъ, отдохнешь въ тѣ часы,
Какъ нива сохлая отъ майскія росы,
И, съ торжествомъ вступивъ въ могилу, твой родитель
Къ тебѣ преидетъ, какъ паръ, во горнюю обитель.

Колла.

И вотъ обычная твоя со мною рѣчь!
Не ищешь, государь, ты горести развлечь.
Два раза по лѣсамъ листь хрупкій устилался,
И дернъ ужъ двѣ весны на холмахъ обновлялся
Со дня, когда погибъ твой храбрый сынъ Тоскаръ,
И ты забытъ печаль...

Старнѣ.

Печаль забыть, сей даръ,
Одинъ, оставленный сердца въ несчастной долѣ?
Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
О, Колла, безъ нея, съ того плачевна дня,
Какъ сынъ въ бою погибъ, вокругъ Старна, вокругъ меня
Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
Съ ней предельсть нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;
Со мною говорить и вѣтровъ страшный ревъ,
И моря грозный шумъ, и томный скрипъ деревь:
Во всемъ мнѣ слышится сыновнія стenanья.
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганья,
Подъ коими лежитъ Тоскара хладный прахъ;
И онъ мнѣ зрится самъ, со блѣдностью въ чертахъ,
На персяхъ тяжкую указываетъ рану:
Отмщенія, гласить, и казнь, и смерть тирану,
Котораго рукой намъ бѣдствія неслись!

(За театромъ слышенъ шумъ).

Но плески въ воздухѣ народа раздались:
Конечно, къ симъ мѣстамъ царь шествуетъ Морвена.
Иди во храмъ къ жрецу великаго Одина,
Передъ кумиромъ чьимъ бракъ должно совершать:
Скажи, чтобъ шель въ чертогъ со мною совѣщать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старнѣ, Фингалъ, Уллинъ, воины Фингала, Барды Старновы и
Фингаловы, народъ Локлинскій.

Фингалъ.

О, мужественный Старнѣ, ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцахъ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!

Краснорѣчивымъ быть мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возвращень, воспитанъ на щитахъ...
Мое искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ.
И такъ не жди, о Старнѣ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Мойнѣ:
Кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ.
Но испытайте меня, скажи своихъ враговъ,
Скажи, въ который край иль отдаленну землю
Ити сражаться мнѣ; оружіе пріемлю,
И страхъ врагамъ: сей мечъ главы ихъ долженъ стерть.

Старнѣ (въ изступленіи).

Такъ, страхъ моимъ врагамъ, имъ страхъ и люта смерть!

(Пришедъ въ себя).

Но въ сей ли день, Фингалъ, утѣхъ и восхищенья
Мнѣ называть враговъ достойныхъ отомщенья,
Виновниковъ моихъ пролитыхъ втайнѣ слезъ?
Я, видя здѣсь тебя, щедротой чту небесъ:
Рукою ихъ ко мнѣ ты прислапъ въ утѣшенье!
И пусть трепещетъ свѣтъ, зря наше примиренье!

(Къ предстоящимъ бардамъ).

Зовите дочь мою! Вручивъ тебѣ ее,
Тѣмъ обѣщаніе исполню я мое.
Но, государь, страны, законами различны,
Къ обрядамъ отческимъ отъ давнихъ лѣтъ привычны.
Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцевъ
Оставлено донесъ безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы кромольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ божество,
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
И такъ я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмъ дочь мою его рука пріяла.

Фингалъ.

www.libtool.com.cn

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ
И храмъ и жертвенникъ Тому, Кто создалъ міръ,
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать тѣсна и высота небесна;
Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу;
Безъ нихъ несемъ Ему съ зарей, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ онѣи мнѣ съ Моиною вступить.
Такъ, къ дочери твоей въ любви неизъясненной,
Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной.
Хотя собери во храмъ кумировъ всей земли,
Ихъ всѣхъ жрецовъ, и мнѣ поклясться повели,
Предъ всѣми ими тамъ, предъ небомъ и землею,
Въ любви ручаюся я жизнию моею;
Моинѣ жизнью сей пожертвовать готовъ.
Но вотъ она... Какихъ желаешь клятвъ и словъ?
Ахъ, взглядъ ея, луны полночныя свѣтлѣе,
Для сердца въ вѣрности всѣхъ клятвъ моихъ сильнѣе!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежніе, Моина, Морна и Дѣвы Локлинскія.

Старнѣ.

Утѣха Старнова, о дочь моя, приходи!
Съ Фингаломъ нашъ союзъ согласьемъ утверди,
Чтобы въ твоей красѣ нашелъ родитель средства
Изгладить навсегда съ души прошедши бѣдства!

Моина.

Ты сердца моего читалъ во глубинѣ,
Сколь долженъ сей союзъ желателенъ быть мнѣ.
Ты знаешь, государь, твоей причастна славы.

Въ союзѣ вижу семъ оплотъ твоей державы;
Но что еще лестнѣе для сердца моего,
Надежду вижу въ немъ покоя твоего.
Коль на землѣ дано намъ счастья совершенство,
Какое днесъ съ моимъ сравняется блаженство!

Фингалъ.

Моина, ахъ, повѣрь, что счастья твоего
Священнѣе имѣть не буду ничего!
Запечатлѣть обѣтъ готовъ моею кровью.

Старнъ.

Я восхищаюся взаимной сей любовью.
Чтобъ ускорить давно желанный мною часъ,
На время въ сихъ мѣстахъ оставить долженъ васъ.
Во храмѣ принеся моленіе обычно,
Устрою празднество, тебѣ, Фингалъ, прилично.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Фингалъ, Моина, Уллинъ, Морна, Барды, Дѣвы и всѣ бывшіе
въ предъидущемъ явленіи.

Фингалъ.

О, небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори пріятность словъ твоихъ!
Скажи, что, моему ты не противяся счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ!
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!...
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ переѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И, огонь, палящій огонь проливъ въ моей крови,

Мнѣ даль почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утѣлялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
Твое дыханіе и легкій шумъ шаговъ,
Какъ вѣшній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ,
И все, что ты, плѣня мое воображенье,
Въ разлукѣ множило любовное мученье,
Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселить.
Пусть счастье мое Моина подтвердить!

Моина.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жъ искренны, сколь искренна она.
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть души высокія отрада:
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣеть,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣеть,
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ.
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжело опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.

Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, бѣющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.
Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ, передъ Моиною:
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингалъ.

Не столько звуки арфъ въ вечерній тихій часъ
Пріятны при зарѣ, сколь твой пріятенъ гласъ.
Сколь каждую рѣчь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мнѣ, донинѣ неизвѣстну!
Но я, блаженствуя въ моей теперь судьбѣ,
Не знаю, чѣмъ и какъ воздать могу тебѣ,
Которой долженъ я толикою отрадой!

Моина.

Люби лишь можетъ быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингалъ, и, чувство то храня,
Въ родителѣ моемъ покой, утѣшь меня!
Ты зрѣлъ, какъ очи въ немъ подъ брови углубленны,
Какъ всѣ черты лица печалью измѣненны,
И какъ чело его наморщила тоска,
Которую развлекъ моя слаба рука!
Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ
И стонетъ, какъ волна при берегѣ пустынномъ.
Стараніемъ, Фингалъ, соединишь со мной,
Чтобъ прежній возвратитъ душѣ его покой
И сына нѣжнаго чтобъ замѣнить потерю!
По симъ стараніямъ любовь твою измѣрю
И, сердце раздѣливъ межъ Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингалъ.

Не ошибался я; судьба моя надежна:
Супруга та вѣрна, которая дочь нѣжна,

Священнымъ долгомъ чтить родителей покой.
Моина, мнѣ отцемъ родитель будетъ твой.
Любовь моя внушить мнѣ пѣжныя старанья,
Чтобъ въ Старнѣ облегчить душевныя страданья,
Чтобы тоску, его снѣдающую, развлечь,
Чтобъ радости слезу изъ глазъ его извлечь,
Чтобъ видѣть, наконецъ, намъ духъ его спокойнымъ,
И мнѣ содѣлаться твоей любви достойнымъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Прежніе и Бардъ Старновъ.

Бардъ.

Морвенскія страны непобѣдимый царь!
Ко браку твоему готовъ уже алтарь.
На жертвенникѣ огонь усердія пылаетъ,
И мудрый Старнъ тебя съ Моиной ожидаетъ.

Фингалъ.

Пойдемъ, любезная! Во храмѣ счастье ждетъ.
Чету, которую любовь туда ведетъ.

Хоръ Бардовъ.

Иди во храмъ, чета прелестна!
Вѣнчай свою взаимну страсть!
Душамъ чувствительнымъ извѣстна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь въ сердцахъ пылаетъ
И бракъ веселый страсть вѣнчаетъ.

www.libtool.com. ru ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет внутренность храма Одинова, отверстаго сверху; кумиръ божества поставленъ посреди, предъ нимъ жертвенникъ курящійся. Черезъ сводъ дикихъ камней видны холмъ могильный и палата перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Старнъ (*одинъ передъ кумиромъ*).

О, древне божество обширныхъ странъ полнощныхъ,
Надежда страждущихъ, и сила, крѣпость мощныхъ,
Одинъ, котораго невидимой рукой
Природа держится и кругъ вращаетъ свой!
Ты, воля коего быстрѣе вѣтровъ горныхъ,
И мечь мрачнѣе бурь, висящихъ въ тучахъ черныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь!
Яви свой ярый гнѣвъ въ торжественный сей день!
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго рука кумиръ твой потрясала,
Котораго мечемъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельстилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я сталъ безъ чадъ моихъ, безъ чести,
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ мести,
На старости моей въ печальномъ сиротствѣ!
Мой врагъ передъ тебя явится въ торжествѣ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,
Предзнаменующи могущаго паденье!
Чтобъ онъ, какъ лютый звѣрь, страшилище лѣсовъ,
Гонимый ловчими, преслѣдованъ отъ псовъ,
Въ разставленную сѣть стремился торопливой,
И веселился бѣ Странъ добычею счастливой!
Внесу тогда, Одинъ, я въ капище твое
Его булатный мечъ, огромне копье,
И щитъ, и шлемъ, крыломъ орлинымъ осѣненной.

И весь дрсѣхъ его, чтобы вѣщаль вселенной,
Изъ рода въ споздній родъ, отъ вѣка въ дальній вѣкъ,
Сколь слабъ передъ тобой сильнѣйшій человекъ!
Мечтавъ не знать себѣ въ величествѣ примѣра,
Онъ палъ, и три шага.... его жилищу мѣра.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Старнъ и Колла.

Старнъ.

Благопріятну ли несешь мнѣ, Колла, вѣсть?
Готовы ль войны мою исполнить мечь?
Могу ль надѣяться на ихъ неустрашимость?

Колла.

Колеблеть, государь, ихъ мысли нерѣшимость:
Еще имъ памятенъ неизъяснимый страхъ,
Который разсѣваль Фингаловъ мечъ въ бояхъ,
Какъ цѣлыя ряды имъ были низложены,
Иные ранены, другіе бывъ плѣненны,
И всѣ въ Фингалѣ зрятъ какъ браней божество,
Которому что бой, то ново торжество.
Оснадцать ратниковъ тебѣ, о Старнъ, послушны,
Страшатся прочіе...

Старнъ.

Страшатся? Малодушны!

Что сей Фингалъ доднесъ ни кѣмъ не побѣжденъ,
Безсмертнымъ развѣ онъ отъ матери рожденъ?
Иль грудь его тверда, какъ камень древнихъ башенъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ быть, не можетъ быть тотъ стра-
шенъ,

Котораго прервать блестящій можетъ вѣкъ
Кинжаломъ иль мечемъ отважный человекъ,
Который, такъ какъ мы, и времененъ, и тщетенъ,
Который такъ же слабъ, который такъ же смертенъ.

Фингаловы отцы, подобные мечтѣ,
Прешли и скрылися въ могильной темнотѣ.
Проходятъ роды всѣ, и возстаютъ другіе,
Какъ съ вѣтромъ по морю идутъ валы сѣднє,
Иль какъ осенній листъ отъ древа отнесетъ
И листомъ по веснѣ зеленымъ замѣненъ.
Подобно и мой родъ со мною пресѣчется.

Колла.

Почто же мыслишь ты, что родъ съ тобой прервется,
Родъ славный, сей страной владѣвшій столько лѣтъ?
Онъ утвердится вновь и снова процвѣтетъ.
Имѣешь дочь еще...

Старнѣ.

Нѣтъ, Колла, не имѣю.

Моинну дочерью не признаю моею,
Коль въ сердцѣ ко врагу питаешь нѣжну страсть.
Фингалъ мнѣ горести устроилъ полну часть
И, окруживъ меня убійствомъ и прельщеньемъ,
Мой домъ содѣлалъ мнѣ глухимъ уединеньемъ.
Не остановится въ послѣдній жизни часъ
На дѣтяхъ мысль моя и умиленный глазъ:
И вознесенный холмъ надъ Старновой могилой
Вѣкъ будетъ, такъ какъ я, безмолвный и унылой.
Никто на гробъ ко мнѣ цвѣтовъ не принесетъ,
И путникъ знаковъ слезъ на камняхъ не найдетъ.
Гробъ хладно молчаливъ умершихъ безъ семейства.
Но я отмщу врагу за всѣ его злодѣйства.
Фингаловой крови Тоскаровъ жаждетъ прахъ,
Онъ на могилу ждетъ, и тамъ ждетъ плачь, ждетъ страхъ,
И ждетъ конецъ его мучителенъ, ужасенъ.
Одиновъ жрецъ со мной во мнѣніи согласенъ.

Колла.

Ужели, государь, во ярости твоей
Ты отъ обычаевъ страны отступишь сей?

Гостепріимство здѣсь законъ всегда священный.
Хотя къ намъ врагъ приди: чрезъ три дни угощенный,
Какъ въ домѣ собственномъ спокоенъ долженъ быть.
Обычай древній сей кто можетъ преступить,
Въ толикомъ же у насъ позорѣ и презрѣннѣ,
Какъ воинъ боязливъ, бѣгуцій во сраженнѣ.
Гостепріимство ли, знакъ нравовъ чистоты,
Во гнѣвѣ, государь, нарушить хочешь ты?
Ужель не посвятишь трехъ дней на угощенье?
Потомъ ужъ можешь ты свое исполнить мщенье.

Старнѣ.

Что, Колла, говоришь? Чтобы три дни я ждалъ?
Чтобъ зрѣніемъ врага еще три дни страдалъ?
Чтобъ, съединившись съ нимъ, несчастная Мойна,
Въ домъ Старновъ привела врага на мѣсто сына?
И жажду мщенія могу ль таить? Едва
Не измѣняютъ мнѣ мои къ нему слова.
Не отвѣчаю я, чтобъ могъ скрываться долѣ.
Чрезъ три дни смерть его въ моей не будетъ волѣ.
Пуškai винять меня народъ и цѣлый свѣтъ!
Какъ мертвъ, безъ сына бывъ, мнѣ пужды въ ономъ нѣтъ.
Надежда отомстить и муки зрѣтъ Фингала
Одна жизнь Старнову донинѣ подкрѣпляла.
Надеждой сей дышалъ, для мести только жилъ:
И хочешь, чтобъ я смерть Фингала отложилъ,
Чтобъ случай потерялъ для сохраненія славы!
Померкни блескъ вѣнца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пускай погибну самъ,
Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мертвъ къ моимъ ногамъ,
Лишь на челѣ бѣ его я зрѣлъ погасшу смѣлость,
Глубокихъ язвъ болѣзнь и смерти цѣпенѣлость,
И къ радости моей чтобъ я услышать могъ
Изъ устъ трепещущихъ тотъ тяжкій, томный вздохъ,
За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.

Но раздается шумъ... Фингалъ идетъ, конечно,
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взоромъ избирать то мѣсто, гдѣ разить,
Чтобъ ни одинъ ударъ не проносился мимо!
Для ярости моей притворство нестерпимо...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Старнъ, Фингалъ, Моина, Морна, Колла, Первосвященникъ,
Жрецы, Варды Фингаловы и Старновы войны обоихъ царей и
народъ Доклинскій.

Фингалъ.

Доволенъ ли ты, Старнъ, покорностью моей?
Во храмъ предстою по волѣ я твоей,
Во храмѣ, коего отцы мои чуждались.

(Указывая на кумиры).

Такъ, симъ богамъ твоимъ они не поклонялись;
Но я и сихъ боговъ хочу теперь призвать.
Познай чрезъ то, тебѣ какъ мысля угождать,
И сколь желаю я, чтобы отецъ Моины,
Раздора прежняго забывъ межъ насъ причины,
Въ преданности моей увѣренъ нынѣ былъ;
Чтобъ къ сердцу своему Фингалу путь открылъ;
Былъ мною навсегда утѣшенъ, успокоенъ;
Чтобъ сына именемъ я былъ имъ удостоенъ!

Старнъ (съ притворною радостію).

О ты, Комгаловъ сынъ! На старости моей
Къ утѣшенію моихъ послѣднихъ дней,
Когда осталась мнѣ единая Моина,
То какъ тебя въ сей день мнѣ не признать за сына;
Не помышляю я о дѣтяхъ никогда,
Чтобъ о тебѣ, Фингалъ, не помышлять всегда:
Ты думы моя давно уже предметомъ;
Давно желаетъ Старнъ явить предъ цѣлымъ свѣтомъ

Тѣ чувства, къ тебѣ которыя хранить,
И прежній нашъ раздоръ какъ мною позабытъ!
(Къ жрецамъ).

Служители боговъ, воспойте пѣснь священну
Предвѣчному творцу, великому Одину!
Пусть именемъ его верховный храма жрецъ
Благословитъ союзъ сихъ искреннихъ сердець!
Ничто предъ божествомъ цари съ ихъ властью мощной.
Какъ огонь, носящійся надъ тундрой полунощной.
Ихъ блескъ мечтателевъ, ихъ замыслы какъ дымъ,
Стремящійся изъ горнъ и бурей разносимъ.
Передъ Фингаломъ, я объѣтъ мой исполняю,
Но подтвержденія Одина ожидаю.

Хоръ жрецовъ.

Властитель неба и земли,
О ты, единый, вѣчный, сильный,
Источникъ благъ обильный!
Возванью нашему внимли!
Свѣтилами лазурь украсилъ ты небесну,
Чтобы свою премудрость доказать;
И въ знакъ щедротъ любовь и красоту прелестну
Благоволилъ на землю ниспослать.
Соедини союзомъ нѣжнымъ
Сію любезную чету,
И мирныхъ дней ихъ долготу
Исполни счастьемъ безмятежнымъ!

(Въ продолженіе пѣнія юноши и дѣвы Локлинскіе составляютъ балетъ; приносятъ вѣнцы и цѣпи изъ цвѣтвъ, украшаютъ Моину и Фингала, и ведутъ ихъ къ жертвеннику предъ кумирь Одиновъ).

Фингалъ.

Одинъ, Локлинцевъ богъ! коль нынѣ въ первый разъ
Ты Каледонина во храмѣ слышишь гласъ,

Не удивись тому... ты божество Моины.
Предъ жертвенникомъ ждетъ она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почитать,
И, въ пламенной любви клянясь ей вѣрнымъ быть,
Сихъ клятвъ хочу имѣть свидѣтелемъ Одина.
Мнѣ будь свидѣтелемъ и ты, племень Морвена,
Отцевъ Фингаловыхъ, могуще божество!
Ты, коего весь міръ являетъ существо,
Но смертные умомъ кого не постигаютъ,
Кого именовать уста мои не знаютъ!
Ты, исполняющій вселенную собою,
И въ храмъ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды
Не будутъ находить въ глазахъ моихъ отрады,
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесъ горю; то накажи меня:
Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ быліе долинъ, во цвѣтѣхъ изсуши;
Чтобъ бесполезный царь, противъ любви безчестенъ,
Влачилъ я мрачну жизнь и умеръ безъизвѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ;
Въ дому моихъ отцовъ чтобъ щитъ мой не висѣлъ,
И мечъ, мой тщетный мечъ, притупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечъ царей безъ славы!
Жрецы, народъ, и ты, о мудрый Старнъ, въ сей часъ
Свидѣтелями клятвъ я поставляю васъ.

Моина.

А я клянуся здѣсь...

Верховный жрецъ.

Остановись, царевна!

Тѣнь брата твоего, являясь въ тучахъ гнѣвна,

Черезъ меня претить обѣтъ произносить:
(Указывая на Фингала).
www.libtool.com.cn
И ты супругою ему не можешь быть.

Фингалъ.

Не можетъ быть?

Моина.

О, рокъ!

Старнъ (въ сторону).

Рѣшительно мгновенье!

Фингалъ.

О, ты, коварный жрецъ! Какое дерзновенье
Ты принялъ на себя, чтобы умершихъ гласъ
Отъ горнихъ слышать мѣсть, смущать здѣсь онимъ насъ!
Оставь всѣ хитрости, жрецовъ обычны свойства,
И въ гробъ сущаго не нарушай спокойства!

Верховный жрецъ.

Ты лучше самъ почти умершаго покой!
Пронзивъ Тоскару грудь свирѣпою рукою,
Сю ль сестрѣ его ты предлагаешь руку?
Или и въ гробъ ему пренести ты хочешь муку?
Нѣтъ, прежде ты къ его могилѣ поспѣши,
Отдай тамъ праху долгъ и тризну соверши,
Потщися съ тѣнью Тоскара примириться:
Тогда лишь можешь ты съ Моиною съединиться.

Фингалъ.

Съ терпѣньемъ слушалъ я твою лукаву рѣчь.
Ты мыслишь ею здѣсь раздоръ опять возжечь:
Напомнишь намъ объ участи Тоскара.
Такъ, въ полѣ онъ погибъ отъ моего удара,
Но не измѣною: онъ палъ, какъ вождь-герой.
Межъ нами смерти споръ рѣшилъ кровавый бой.

И подвергался я его ударамъ равнымъ.
Коль жизнь вѣнчаетъ вождь концемъ толико славнымъ,
Коль за отечество онъ можетъ умереть,
Не будетъ тѣнь его о жизни сожалѣть,
Не будетъ въ облакахъ ни гнѣвна, ни смущенна.
Могила храбраго отечеству священна:
И старцы на нее должны сыновъ водить,
Чтобъ въ юнцхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить.
Но чуждо для жрецовъ высокое толь чувство:
Раздоръ воспламенять ихъ главное искусство.

(Указывая на Моину).

Ты не успѣешь въ томъ... Прими ея обѣтъ
И совершай свой долгъ!

Верховный жрецъ.

Не принимаю, нѣтъ!

Когда Тоскаровъ прахъ почитать не хочешь нынѣ,
Супругомъ быть тебѣ нельзя тогда Моинѣ.
Одина именемъ я запрещаю ей
Надеждѣ и любви отвѣтствовать твоей,
И симъ же именемъ я Старна разрѣшаю
Отъ слова даннаго. Я зрю, что прогнѣвляю
Твой гордый духъ... иду отъ гнѣва твоего.

Фингалъ.

Остановите вы, о воины, его!

Старнъ.

Иль ты пришелъ во храмъ надъ святостью ругаться?

Фингалъ.

Иль за крамольнаго Старнъ можетъ здѣсь вступаться?

Старнъ.

Почти, Фингалъ, почти его священный санъ!

Фингалъ.

Къ сплетены ль хитростей ему былъ оный данъ?

Старнъ.

Онъ данъ ему на то, чтобъ слышать гласъ небесный,
Чтобъ оный возвѣщать.

Фингалъ.

Какой сей даръ чудесный!

И какъ предъ нами онъ небесный слышалъ гласъ,
Которому никто не можъ внимать изъ насъ!

Что въ вашемъ храмѣ я, мнѣ должно ль лицемѣрить?

Старнъ.

Ты вѣрь ему иль нѣтъ, но мы привыкли вѣрить.
И дочери моей не отдаю тебѣ,
Когда противенъ бракъ разгнѣванной судьбѣ.

Фингалъ.

Что слышу?

Мойна.

Небеса!

Колла (*тихо Старну*).

Себѣ ты измѣняешь.

Фингалъ.

Меня ль...

Старнъ (*съ притворною ласкою*).

Почто, Фингалъ, почто не послѣшаешь
Союзу нашему препятство отвратить,
Одина и судьбу съ симъ бракомъ примирить
И возвратить покой Тоскара тѣни гнѣвной?
Съ какимъ веселіемъ и радостью душевной
На холмѣ смерти я Фингала буду зрѣть!

Фингалъ.

Ты бѣ должень былъ меня въ душѣ своей презрѣть,
Когда бѣ увидѣлъ здѣсь толико малодушнымъ,
Чтобы твоимъ жрецамъ я сдѣлался послушнымъ,
Чтобы ихъ гласъ считалъ за гласъ самихъ боговъ.
Тоскара гробъ почитать я бѣ былъ, о Старикъ, готовъ,
Но какъ союзникъ твой, но какъ супругъ Моины,
И долгъ сей совершить имѣлъ бы я причины:
Что волей сдѣлалъ бы, неволей никогда.

Старикъ.

Почто жъ, о гордый вождь, ты прибылъ къ намъ сюда?

Фингалъ.

Ты прежде дай отвѣтъ, почто надеждой льстивою
Ты вызвалъ по морямъ мой бѣгъ нетерпѣливой!
Когда чрезъ барда я союзъ сей предложилъ,
Почто условій мнѣ своихъ не объявилъ?
Я въ правѣ отъ тебя потребовать отвѣта.

Старикъ.

Царь, равнымъ мнѣ царямъ я не даю отчета.

Фингалъ.

Царь, измѣняешь ли ты слову своему?
Когда не вѣрить намъ, то вѣрить ли кому?

Старикъ.

Фингалъ, теряется уже мое терпѣнье.

Фингалъ.

О, Старикъ, угрозы мнѣ я чту за оскорбленіе.

Старикъ.

Ты въ областяхъ моихъ.

Фингалъ.

www.libtool.com.cn

Я здѣсь не въ первый разъ.

Моина.

Фингалъ, остановись, и мой услыши гласъ,
Коль можетъ мнѣ внимать духъ, гнѣвомъ распаленный!
Опять ли видѣть мнѣ раздоръ возобновленный
Межъ тѣми, коихъ я дороже чѣмъ всего?
Опять отечества увижу ль моего
Пожарны заревъ и быстры токи крови?
Гдѣ увѣренія, Фингалъ, твоей любви?
Давно ль еще предъ симъ ты лестью страстныхъ словъ
Моину увѣрялъ, что облегчить готовъ
Въ родителѣ ея сердечны огорченія?
Тѣ страстныя слова забылъ въ своемъ киченьи...
Забылъ, духъ вспыльчивый, отъ ярости смущень,
Что долженъ мой отецъ Фингалу быть священь.
Ты жизнью хотѣлъ пожертвовать Моинѣ,
И самолюбіемъ не жертвуешь мнѣ нынѣ.

Фингалъ.

Ужель, въ волненіи сего несчастна дня,
И ты, жестокая, и ты противъ меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.
Но не довольно ли уже явилъ покорства,
Когда въ противный храмъ предсталъ съ тобою я?
Во храмъ сей пагубный вела любовь моя.

Моина.

Сію любовь свою ты докажи мнѣ болѣ
И, Стариковъ въ сей часъ ты повинуюсь волѣ,
Иди на братній холмъ, обряды соверши,
Яви величество твоей, Фингалъ, души!
Моя рука въ сей день наградой снисхожденію.

Фингалъ.

www.libtool.com.cn
Меня ли привести ты хочешь къ униженью?

Моина.

Несправедливый другъ, въ любви къ тебѣ моей
Могу ль не дорожить я честію твоей?
Когда былъ милымъ тотъ, кто быть возмогъ безчестенъ?
Ты храбростью своей въ лѣтахъ младыхъ извѣстенъ,
И кто подумаетъ, чтобы Фингалъ въ сей день
Былъ робостью ведомъ почитать Тоскара тѣнь!

(По нѣкоторомъ молчаніи).

Жестокій, ты молчишь и взоры потупляешь:
Я слышу твой отказъ, хотя не отвѣчаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и стена,
Что ты обманывалъ и не любилъ меня,
Что издѣвался здѣсь ты надъ моею страстью.
Оставь меня, бѣги, предай меня несчастью,
Межъ нами положи обширности морей!
Ты возмутить пришелъ моихъ спокойство дней,
Ты погубилъ меня. Я не снесу разлѣки,
И вскорѣ, вскорѣ смерть мои окончитъ муки;
Она съ спокойствіемъ Моину примиритъ
И съ сердца видъ сотретъ, меня прельстившій видъ.

Фингалъ.

О, какъ души моей ты слабости узнала!
И какъ, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли безъ тебя быть счастливъ на земли?
Надгробно празднество готовить повели,
О, Старикъ! Одинъ, жрецы, ихъ гласъ, твои угрозы
Безсильны надо мной: ея лишь сильны слезы;
Ея любви одной я предаюся весь.

Моина.

Премѣна счастлива!

Старнъ (*тихо Колмъ*).

www.libtool.com.cn Я торжествую днесь.

(*Къ Моинъ*):

О, дочь, принесшая родителю отраду,
Получишь вскорѣ ты достойную награду,
И чувствіямъ твоимъ готовлю я покой.

(*Къ Колмъ*):

Иди на грустный холмъ и торжество устрой!

(*Къ Фингалу*):

А мы, Фингалъ, союзъ чтобъ ускорить счастливый,
Чтобъ наконецъ возмогъ мой взоръ нетерпѣливый
Тебя на холмѣ зрѣть, къ могилѣ поспѣшимъ!
(*Хочетъ его вести, но при видѣ воиновъ Фингаловыхъ оста-
навливается*).

За нами ли итти симъ воинамъ твоимъ?
Иноплеменники обрядовъ нашихъ чужды:
Ихъ любопытный духъ...

Фингалъ.

Мнѣ въ нихъ не будетъ нужды.

Къ чертогу царскому они пускай идутъ
И возвращенія вождя ихъ тамо ждуть!
(*Воины Фингаловы уходятъ*).

Старнъ.

(*Въ сторону*):

Пусть тщетно ждуть!...

(*Къ Фингалу*):

Фингалъ, пойдемъ къ могилѣ сына!

Фингалъ.

Прійди со мной, прійди, любезная Моина!

Старнъ.

Ахъ, нѣтъ, чувствительный ея не долженъ взглядъ
Зрѣть смерти празднество, надгробный зрѣть обрядъ,

Печальна для нея могила будетъ брата.
Въ семь храмѣ пусть она ждетъ нашего возврата!

Фингалъ.

И такъ опять съ тобой я расстаюсь теперь!
Моина, страсть мою послушностью измѣрь!
*(Старикъ и Фингалъ уходятъ, за ними слѣдуютъ всѣ пред-
стоявшіе во храмѣ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Моина и Морна.

МОРНА *(по нѣкоторомъ молчаніи)*.

Виновица въ сей день намъ прочнаго покоя,
Ты, удержавшая стремленіе героя,
За конемъ, можетъ быть, для нашея страны
Возобновились бы злосчастія войны,
Когда все льститъ тебѣ, когда ты торжествуешь,
Когда твой вѣренъ бракъ, на что ты негодуешь?
Почто веселю свой духъ не предаешь,
Хранишь молчаніе, вздыхаешь, слезы льешь?
Иль новыхъ бѣдъ какихъ еще намъ ждать?

Моина.

Не знаю.

Нéволею грущу и слезы проливаю.
Предчувство ль томное мнѣ нѣкія бѣды,
Или въ крови моей оставило слѣды
Въ семь храмѣ бывшее несчастное волненье?
Иль, можетъ быть, обрядъ и тризны совершенье,
Напоминающе всему ковецъ и смерть,
По сердцу моему могло печаль простерть.
Увы! не смѣю я еще ласкаться бракомъ:
Часть будущій судьба отъ насъ сокрыла мракомъ.
Кто знаетъ, счастливъ ли онъ намъ опредѣленъ!
Сей вѣрный, Морна, бракъ еще не совершенъ,

Еще я не зовусь супругою Фингала,
Еще союзъ не твердъ. Уже я испытала,
Какъ вѣрностью надеждъ нельзя ласкаться намъ!
Когда веселая съ Фингаломъ шла во храмъ,
Могла ль предвидѣть я, что нашъ обрядъ вѣнчальный
Премѣнится въ обрядъ надгробный и печальный?
Что вмѣсто храма гробъ, жреца намѣсто тѣнь
Къ союзу нашему представятся въ сей день?
Кто, Морна, вѣдаетъ мнѣ рокъ опредѣленный?
Но шумъ... вступаютъ въ храмъ. Уллинъ идетъ смущенный...
Боязнь въ его чертахъ...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Прежніе и Уллинъ.

Уллинъ.

Царевна, гдѣ Фингалъ?

Моина.

Ко гробу братнему съ царемъ онъ путь пріялъ,
И, можетъ быть, теперь уже надъ мрачнымъ холмомъ.

Уллинъ.

Но воиновъ своихъ сопровожденъ ли сонмомъ?

Моина.

Одинъ пошелъ... но что?...

Уллинъ.

О, горестъ! о, бѣда!
Онъ гибнетъ, можетъ быть; бѣгу къ нему туда.

Моина.

Постой, Уллинъ, постой! Чѣмъ столько ты смущаешь,
И гибелью Фингалъ какою угрожаемъ?

Уллинъ.

Твой яростный отецъ, презрѣвъ и долгъ и честь,
И все, что на землѣ священное ни есть,
Быть можетъ, въ сей же часъ Фингала умерщвляетъ
И смерть Тоскарову измѣной отомщаетъ.

Моина.

Не вѣрь, Уллинъ, не вѣрь: сего не можетъ быть.
Измѣною ль цари обиды будутъ мстить?

Уллинъ.

Едва повѣрить могъ... Но, освобожденный плѣна,
Карилль, со мною сюда приплывшій изъ Морвена,
Сей храбрый воинъ вашъ, котораго Фингалъ
Любилъ отважный духъ и въ плѣнѣ отличалъ,
Остановилъ меня, когда въ веселомъ ходѣ
Ко храму съ торжествомъ за вами шелъ въ народѣ.
Онъ все повѣдалъ мнѣ, и, способъ чтобъ найти
Доклинскія страны падущу честь спасти,
Онъ самъ въ числѣ убійць... Еще ли усомнишься?
Но медлю здѣсь, бѣгу на холмъ.

Моина.

Куда стремишься,

И что противъ убійць предпримешь ты одинъ?
Сонмъ воевъ у чертогъ. Спаси царя, Уллинъ!

(Уллинъ постыжно уходитъ).

Увы, несчастная, и я на холмъ послала...
И, можетъ быть, на смерть любезнаго Фингала!
Остановленный бракъ, смятеніе жреца,
Веселье мрачное жестокаго отца,
Когда Фингалъ итти согласенъ былъ ко гробу,
Все Старнову явить могло мнѣ скрытну злобу:
И ничего, увы, не зрѣлъ мой страстный взоръ!
О, Морна, успѣшимъ предупредить позоръ!

Когда жъ не отвращу измѣну толь поносну,—
У самыхъ ногъ отца окончу жизнь несносну.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ дикій лѣсъ съ разсыянными камнями. Посреди холмъ, подъ коимъ погребенъ Тоскаръ. Гробница, по обычаю, означена четырьмя большими камнями по угламъ. На холмѣ посажено дерево, на которомъ виситъ щитъ, мечъ и стрѣлы погребеннаго паревича. У дерева жертвенникъ воздвигнутъ изъ камней. Въ отдаленіи видно море, и на берегу его храмъ Одиновъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Старнъ, Фингалъ, Колла и барды Старновы.

Старнъ (*остановясь съ Фингаломъ у холма*).

Фингалъ, ты видишь холмъ, подъ коимъ скрытъ Тоскаръ,
Подъ коимъ сына прахъ, твоей руки мнѣ даръ!
На холмѣ мрачномъ семь, на камняхъ сихъ надгробныхъ,
Провелъ теченіе я дней моихъ прискорбныхъ,
И утро`каждое, и каждый вечеръ дня
Встрѣчали въ рощѣ сей стѣнящаго меня.
Тоскара грустна тѣнь со мною здѣсь стонала:
Она тебя, Фингалъ, къ могилѣ призывала
Отъ странъ твоихъ отцовъ, изъ-за пучинъ морей.
Тѣнь сына! отдохни отъ горести твоей
И болѣ не скорби Фингаловой побѣдой!
Утѣшить вскорѣ онъ тебя своей бесѣдой,
И радость принесетъ онъ сердцу моему.

Фингалъ (*обращаясь къ холму*).

О, храбрый юноша, миръ праху твоему!
Въ твоихъ молодыхъ лѣтахъ ты былъ примѣромъ воевъ,
И смертью кончилъ жизнь, достойною героевъ.

Съ почтеніемъ на холмъ взираю я въ сей часть.

Ахъ, миръ, миръ храброму еще единый разъ!

(Къ Старну):

Я горести твоей, о мудрый Старнъ, повѣрю.

Въ немъ сдѣлалъ ты, народъ, чувствительну потерю,
Которую судьба ничѣмъ не замѣнить.

Отважный сынъ царевъ отечественный щить:

На немъ основано народное спокойство.

Я самъ, сражаясь, чтить Тоскарово геройство,

Я прослезился самъ о юношѣ твоёмъ,

Когда въ бою погибъ подъ роковымъ мечемъ,

Когда, какъ твердый дубъ, отъ бури преломленный,

Онъ палъ, и воспумѣлъ сонмъ воевъ удивленный.

(Къ бардамъ):

Воспойте, барды, пѣснь Тоскару въ похвалу!

Глазъ мудраго пѣвца могилъ проходитъ мглу,

Тѣнь храбрыхъ веселить и предаеть въ потомство

Согласной звучностью ихъ доблесть и геройство.

(Финалъ садится на камень по одну сторону театра, а Старнъ по другую. Барды подходятъ къ холму и поютъ хоромъ безъ оркестра).

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Надежда бывшая сихъ странъ,

Отъ насъ взятый судьбою гнѣвной!

Ты былъ своимъ народамъ данъ,

Какъ въ мѣсяцъ зимній лучъ полудневной.

Блеснувъ на часъ, ты вдругъ исчезъ

И сталъ предметомъ нашихъ слезъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и служитель Старновъ, несущій чашу пиршества.

Колла.

Для изліянія по волѣ, Старнъ, твоей

Изъ сотовъ пчельныхъ медъ несется въ чашѣ сей.

Старнѣ.

www.libtool.com.cn

Внеси на холмъ, поставь на жертвенникъ могильный:

Тамъ примиренія прольется токъ обильный.

Когда возьметъ Фингалъ тамъ чашу праздника,

Ты, Колла, знакъ подай къ свершенью торжества.

(Колла, принявъ чашу отъ принесшаго, идетъ съ нею на холмъ).

Хоръ Бардовъ.

Во мракѣ тучъ какъ грозный громъ
Ты не носись въ странахъ воздушныхъ;
Но преселися въ горній домъ
Твоихъ отцовъ великодушныхъ,
Сидящихъ въ радужныхъ кругахъ,
Съ спокойствомъ свѣтлымъ на челахъ!

Фингалъ.

Нѣтъ, гласамъ никогда надгробнымъ я не внемлю,
Чтобъ мысль не возвращалъ въ отеческую землю,
Гдѣ возвышенный рядъ родительскихъ могилъ
Служилъ источникомъ моихъ душевныхъ силъ;
Гдѣ часто при зарѣ, надъ молчаливымъ холмомъ,
Подъ облачной грядой, бесѣдовалъ я съ сонмомъ
Почюющихъ отцовъ... Казалось, гласъ зывалъ,
Который мужество мнѣ въ душу проливалъ,
Унылы высоты теперь остались холмы,
И тѣни въ облакахъ печальны и безмолвны,
Съ вечерней тишиной, при уклоненіи дня,
По холмамъ страстную искать вотще меня.
Я удалился вась и оныхъ мѣстъ священныхъ
За волны шумныя, въ страну иноплеменныхъ,
Куда меня влекла могучая любовь.
Но вы не сѣуйте! Она и вашу кровь,
Въ весенній возрастъ дней, какъ огнь, воспламеняла;

Улыбка красоты и вась равно плѣняла.

Вы были счастливы; но я...

(Впадаетъ въ задумчивость).

Старнѣ *(тихо Коллѣ).*

Еще ли ждать?

Въ немъ духъ унылъ: намъ знакъ не въ сей ли часъ подать?

Колла.

Доколѣ, государь, свой мечъ Фингалъ имѣть,
Противостать никто изъ воиновъ не смѣетъ.

Старнѣ *(Коллѣ).*

Я способы найду его меча лишить.

(Къ Фингалу):

Не время ли, Фингалъ намъ къ играмъ приступить,
Почтить сраженіемъ умершаго героя?
Отборны воины готовы здѣсь для боя.
Но чтобы большее въ нихъ мужество возжечь,
Наградой лестною имъ предложи свой мечъ:
Потщатся воины быть онаго достойны.

Фингалъ.

Надъ гробомъ храбраго сраженія пристойны;
Отрадою и въ жизнь ихъ почиталъ твой сынъ.
Я побѣдителямъ не только мечъ одинъ,
Но и мой звучный рогъ наградой предлагаю.
Познай, о Старнѣ, какъ прахъ Тоскара почитаю!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

www.libtool.com.cn
Презніе и восемнадцатъ воиновъ Старновыхъ (во всеоруженіи выходятъ изъ-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняютъ оружіе. Между ними идетъ Карилль. Потомъ изображаютъ они сраженіе, въ которомъ Карилль и другой воинъ, оставшіе побѣдителемъ надъ прочими, сражаются между собою, Карилль обезоруживаетъ своего противника и оба являються предъ Старномъ, который подводитъ ихъ къ Фингалу для полученія назначеннаго награжденія.

Старнъ.

Фингалъ, какъ судія, какъ славный самъ боецъ,
Ты награди теперь отважность ихъ сердецъ!
Сему принадлежитъ твой рогъ далеко звучный,
А сей, предъ прочими въ бою благополучный,
Пусть приметъ мечъ отъ рукъ, Фингалъ, твоихъ!

Фингалъ (*къ воину, отдавая свой рогъ*).

Прими мой рогъ: всегда онъ воиновъ моихъ
Къ сраженіямъ призывалъ, и призывалъ ко славѣ.

(*Къ Кариллу*):

А ты, искусѣйшій изъ всѣхъ, который въ правѣ
Носить Фингаловъ мечъ... Что вижу я! Карилль,
Ты ль мужествомъ въ бою награду заслужилъ?
Въ отважности твоей увѣренъ былъ и прежде.
Вотъ мечъ: отвѣтствуй ты всегда моей надеждѣ!
Но ты колеблешься и не берешь его...
Смущенье на челѣ зрю духа твоего...
Что значитъ то?

Старнъ (*постынно взявъ Фингаловъ мечъ, къ Кариллу*).

Почто безмолвнымъ остаешься?

Иль недостойнымъ ты награды признаешься?

(*Въ полосу*).

Прими, бѣги и скрой страхъ слабыя души!

(Къ Фингалу):

www.libtool.com.cn

Иди, Фингалъ, на холмъ и тризну доверши!

(Фингалъ восходитъ на холмъ и беретъ чашу, поставленную на жертвенникъ. Въ сіе самое время, ударяютъ въ щитъ).

Фингалъ.

Я слышу браней гласъ...

Старнъ.

И смерть тебѣ, злодѣю!

Воины (устремаются къ холму).

Умри, Фингалъ!

Фингалъ (бросая чашу).

И я оружья не имѣю!

(Увидѣвъ висѣщій на деревѣ мечъ, срываетъ его).

Тоскаровъ вижу мечъ: защитой мнѣ будь!

Старнъ (остановившимся воинамъ).

Чего робѣете? Врага пронзайте грудь?

Фингалъ.

Лишь шагъ... и будетъ Старнъ моею первой жертвой.

Старнъ.

Не бойтесь угрозъ! Пускай паду я мертвой:

Лишь кровію его спокойте сына прахъ!

Фингалъ.

Кто смѣетъ приступить!

Воины (устремаются еще разъ).

Умри!

Старнъ.

Разите!

Колла.

www.libtool.com.cn

Страхъ!

Фингала воиновъ ведетъ сюда Моина.

(Воины удаляются къ сторонѣ Старна).

О, ярость, не могу я отомстить за сына!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе. Моина, Уллинъ и воины Фингала.

Фингалъ *(бросается къ Моинѣ)*.

Моина, нынѣ жизнь твоей любви мнѣ даръ!

Моина.

О, радость! я могла тотъ отклонить ударъ,
Который нанесла невольно на Фингала!
Тебя, на холмъ пославъ, на смерть я посылала.
Но если счастливо спасенъ ты нынѣ мной,
Останется ль отецъ виновнымъ предъ тобой?

Фингалъ.

Достойнъ твой отецъ... но не окончу слова:
Взирай, страдаетъ какъ его душа сурова!
Но не раскаяньемъ сія душа полна:
Отмищеньемъ, злобою терзается она.

Старнъ.

Ты наконецъ позналъ мои сердечны чувства!

Фингалъ.

Познай и ты тщету коварнаго искусства!
Въ разставлену мнѣ сѣтъ ты самъ, о Старнъ, упалъ,
И, саномъ возвышенъ, ты сердцемъ столько малъ,
Что нынѣ жизнь твоя отъ рукъ моихъ зависить.

Старнъ.

Здѣсь жизнь...отъ рукъ твоихъ?...Фингалъ легко то мыслить.

Фингалъ.

Моиими войсками отвсюду окружень,
По слову одному ты можешь быть сражень:
И ты, и ратники, служители лукавства,
Всѣ могутъ казнь пріять достойную коварства.
По справедливости измѣну наказавъ,
Предъ всей твоей страной, предъ свѣтомъ буду правъ.
Но безоружнаго разить одинъ безчестный:
Съ моими мыслями поступокъ несовѣстный.
Сколь сердцу Старнову всегда пріятна месть,
Миѣ столько же всегда священна будетъ честь.
Обиды отъ враговъ свирѣпый отомщаетъ,
Духъ кроткій ихъ простить, великій забываетъ!
Ты мстилъ,—забуду я: вотъ разность между насъ.
Ты плѣнникомъ моимъ уже одинъ былъ разъ,—
Теперь въ моихъ рукахъ; но будь опять свободенъ!
Миръ искренній со мной когда тебѣ не сроденъ,
Позволь ты дочери моей супругой быть,
И съ нею поспѣшу отъ сей земли отплыть.

Моина.

Какъ можешь рѣчь къ отцу толь обращать жестоку?

Фингалъ.

Быть твердымъ надлежить, какъ говоришь пороку.

Старнъ (по нѣкоторомъ молчаніи).

Сердечны чувства и мой свирѣпый нравъ
Въ сей самый день, Фингалъ, въ несчастный день познавъ,
Ты хочешь, чтобъ я дочь тебѣ вручилъ супругой?
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой
Ты право получилъ? Или мой плѣнъ, позоръ...
Иль, лучше, на сей холмъ ты, обратя свой взоръ,
На холмъ, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви миѣ право и причину!
Печаль мою, и правъ, и мщеніе прючь,

И докажи отцу, что долженъ нынѣ дочь
На самомъ холмѣ семъ, надъ прахомъ здѣсь сыновнимъ,
Тебѣ въ супруги дать согласіемъ виновнымъ!
Нѣтъ, нѣтъ, Фингалъ, межъ насъ несбыточентъ союзъ:
Отмищеніе... другихъ мнѣ нѣтъ съ тобою узъ.
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть твоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью... страданьемъ.
Не храмъ, готовилъ гробъ, не брачныхъ свѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійственныхъ мечей.
Хотѣлъ, чтобы погибъ ты смертію безчестной,
И не моею рукою, рукою неизвѣстной;
Чтобы къ страданію по смерти ты возлегъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ, чтобы ты вкусилъ въ тѣ смертныя минуты
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Одинъ, судьба и дочь, мнѣ измѣнило все:
Не измѣнить теперь отчаянье мое.
(*Вынимаетъ изъ пояса кинжалъ и стремится на Фингала.*
Моина, примитившая движеніе его руки, бросается спасти
Фингала).

Моина.

Что дѣлаешь, отецъ?

Старнъ.

Еще ль останавлиешь?

(*Поражаетъ ее кинжаломъ.*)

Несчастная, умри, коль долгу измѣняешь:

И пусть со мною здѣсь погребетъ весь мой родъ!

(*Закалывается.*)

Фингалъ (*хочетъ устремиться на*
Старна, и воины Фингала
за нимъ также устрем-
ляются.)

Злодѣи!

www.libtool.com.cn Моина.

Постой, Фингалъ! Остановись, народъ!
Мой горестный отецъ самъ нынѣ гнѣва жертва.

(Къ Фингалу).

О, радость, за тебя я упадаю мертва!

Фингалъ.

Увы, она прешла!... Неистовый отецъ!

Старнъ.

Ты страждешь горестью... И такъ, я наконецъ
Доволенъ... отомщенъ... и счастливъ умираю...

(Колла относитъ его на камень).

Фингалъ.

Моины нѣтъ! Увы, я съ нею все теряю!
О, злополучіе! о, горестный ударъ!
И я живу еще!... И жизнь Моины даръ,
Сей злополучный даръ виной ея кончины!
И я живу еще! Жить долженъ безъ Моины!
И всякій день въ мечтахъ ее я буду звать!
И будетъ всякій день мнѣ сердце отвѣчать,
Что я, лишень ея, остался на мученье!
Мнѣ ждать ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву...

(Вырываетъ изъ рукъ Уллина мечъ и хочетъ заколоться).

Уллинъ (останавливаетъ руку Фингала).

Фингалъ, тебѣ ль принадлежать они?

Ты царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесъ гласу ты внимли!

www.libtool.com.cn

Фингалъ.

Увы, жестокий долгъ! Мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;
Но, въ облегченіе моей тоски душевной,

(Указывая на тѣло Моины).

Возьми ты сей предметъ, чтобы я каждый день
Изъ гроба вызывалъ Моины легку тѣнь.

(Въ отчаяніи упадаетъ къ Уллину; воины подходятъ къ тѣлу
Моины; занавѣсъ опускается).

III. ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

<i>Дмитрій</i> Димитрій , великій князь Москов- скій.	Бояринъ Московскій. <i>Восток</i>
<i>Князь</i> Князь Тверскій.	Посоль Мамаевъ.
<i>Князь</i> Князь Вѣлозерскій.	Воины.
<i>Князь</i> Князь Смоленскій.	Князья Русскіе.
<i>Ксенія</i> Ксенія , княжна Шлигородская.	Бояре Московскіе.
<i>Иабрана</i> Иабрана , напереница Ксеніи.	Рынды.
<i>Михайль</i> Михайль Бренской, оружено- сецъ Димитрія.	Войско Русское.
	Татары , пришедшіе съ посломъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ шатеръ великаго князя Московскаго.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и прочіе Россійскіе князья, бояре, военачальники
сидящіе и составляющіе совѣтъ.

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?

Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей

Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;

Близъ двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,

Какъ враны алчныя, какъ волки ненасытны,

Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.

Къ отмщенію нашему я созвалъ нынѣ вась:

Вѣды платить врагамъ настало нынѣ время.

Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,

Лежала въ цѣлости на Россіихъ раменахъ,

И расцѣвала вкругъ уныніе и страхъ;

Теперь отъ тягости распалася на части.

Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,

Которыми предъ симъ Россійская страна

До разслабленія была доведена,

Прешли въ сію орду. Возникши новы ханы

Отторглись отъ нея; но алчныя тираны,

Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.

Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай

Задонскія орды властитель злочестивой,

Возсталъ противу насъ войной несправедливой.

Онъ къ намъ уже сѣѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ

Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.

Но, видя Россіихъ силъ внезапно соединенье,

Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;

Посольство предъ собою рѣшилъ къ намъ прислать.)

Друзья Дмитрія, разсудите-ль принять?

Иль, твердыми пребывъ въ намѣренн геройскомъ,

Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,

Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ

Раздался по землѣ и ужаснулъ Татаръ?

Тверскій.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!

Никто изъ васъ, князя, меня не можетъ болѣ

Желать отмщенія врагамъ свирѣлымъ симъ.)

Чей родъ во бѣдствіяхъ сравнивается съ Тверскимъ?)
Мой дѣды и прадѣды мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подѣ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ пастъ скуды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но, древностію лѣтъ, не въ силахъ выйти въ поле
Свою отважную рать моей довѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ,
Или за вѣру пастъ и лечъ за Русску землю.
Когда наградою я Ксенію приѣмлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцомъ ея мнѣ быть супругой суждена,
На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но соединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
И въ даръ ея отцу dospѣхъ врага нести.
Всѣ Русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной;
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь Татаръ быть искренной могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единокруну ревность!
И такъ, въ отверстыи гробъ мою склоняю древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду нести,
Что возстановится страны Россійской честь,

Вѣстанъ Что возвратится ей могущество и слава.
О, тѣнь Владимира, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ Русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія соединенная.

Дн *Зп*
(Къ Димитрію).

Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И Бѣлозерскихъ силъ я, давній предводитель,
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.//
Изъ Русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участія въ брани: //
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
набн Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ.✓
Иль лучше имя ихъ пускай перейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять Татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,
Плата Мамаю дань...

(Всѣ князья изъявляютъ негодование).

Димитрій.

сид О, Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?

БѢЛОЗЕРСКИЙ.

1 м. 15
Чтобъ падали кровь бездѣнну христіанску. "
Мамаю побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегися, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собою ихъ хановъ раздѣляетъ. ✓
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ Татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали,
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, цестройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ. ✓
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ нагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины,
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

ДИМИТРІЙ.

*Смерть
въ бою — миръ
въ мирѣ — смерть*
Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной! ✓
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татаряхъ видѣли орудіе небесно,
Чему противится безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ. ✓
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О, Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Только разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,

Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!

О, ты, который намъ, священной рукой

Явивъ, благословилъ сей подлежащій бой!

Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,

Внуши мои слова: тобою вдохновенны,

Они воспламенятъ Россійскія сердца

Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца,

Такъ лучше жить престать, иль вовсе не родиться,

Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,

Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбы лстить.

Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?

Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,

Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.

Но ханскаго посла согласенъ я принять

И ввестъ предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать

Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,

Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;

Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,

Содрогся бъ и пренесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близъ шатра рѣшенья ожидаетъ,

Ты, Бренской, приведи прибывшихъ къ намъ Татаръ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Все прежніе, исключая Бренскаго.

Бѣлозерскій.

Твоимъ младымъ лѣтамъ приличенъ, свойственъ жаръ,

Съ которымъ, государь, стремишься на сраженье:

Любви къ отечеству похвальное внушенье!

Ахъ, далъ бы Богъ вѣнчать свободой намъ бой!...

Но я исполнилъ долгъ. Покрытый сѣдиной,

Я почерпнулъ совѣтъ не въ пылкости сердечной,
Всегда рѣшительной минутой скоротечной,
Но въ долгихъ опытахъ прожитыхъ мною лѣтъ,
И, старецъ, въ правѣ я нелестивый дать совѣтъ.
Онъ робкимъ кажется, но смѣлость нужно вою;
Въ совѣтахъ истиной вѣщать хочу одною.
Посолъ вступаетъ къ намъ, Димитрій, не забудь,
Что предлежитъ тебѣ избрать надежный путь,
Которымъ возвести отечество обязанъ,
Что Русскій весь народъ съ твоимъ глаголомъ связанъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Русскіе князья сидящіе, посолъ Мамаевъ, сопровождаемый нѣ-
сколькими Татарами.

Посолъ.

Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ,
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею напестъ вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благодати простерть:
Остановляетъ опъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны Татары.
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей ¹⁾,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей ²⁾,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна среди боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати боевъ,
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,

¹⁾ По исторіи, см. Штриттера.

²⁾ Одно несчастіе Мамаевъ сокрушаетъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ.

Ломоносовъ, въ трагедіи: „Темира и Селимъ“.

Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю✓
Я ~~именем~~ его вамъ милость общаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить.
И вашу жизнь еще позволить вамъ продлить.

Димитрій.

О, дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости Татаръ!
Но жить еще кому, иль намъ, или Мамаю;
Оружіе рѣшить; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливымъ Богъ, *Ветеранъ*
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей роги;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла. *Дм*
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не серебромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатныя и стрѣлы каленныя.
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ!

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, дома
И все имущество стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.✓

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамаю непокорствомъ!

Димитрій (встаетъ и за нимъ встаетъ
князь).

Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова. ✓
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу Русскій князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. ✓ Но знай, о князь высокомерный,
Что будетъ надъ тобой Мамаю гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты, иль нѣтъ,
Но * Ханъ Димитрію пощады не даетъ;
Для Русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится:
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренской (*берется за мечъ*).

Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій (останавливая Бренскаго).

www.libtool.com.cn

Оставь его безумство!

Престола хищника послу прилично буйство.

(Къ послу):

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:

Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой.

(Подаетъ знакъ, чтобы татаръ вывели).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Всѣ прежніе, исключая татаръ.

Димитрій.

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню.

Россіи мира нѣтъ, доколь ее въ пустыню

Свирѣпостью своей враги не превратятъ,

Иль, къ рабству приучивъ, сердецъ не развратятъ

И не введутъ межъ насъ свои злочестны нравы

Отъ нашей храбрости намъ должно ждать управы,

Въ крови враговъ омытъ прошедшихъ лѣтъ позоръ

И начертать мечемъ свободы договоръ.

Тогда поистинѣ достойными отцами

Мы будемъ Россіянь, освобожденныхъ нами.

Бѣлозерскій.

Я прежде, государь, противился войнѣ:

Теперь согласнымъ быть съ тобою должно мнѣ.

Какой Россійскій князь пребудетъ равнодушень,

Словами посла внимавъ, и, сердцемъ рабъ послушень,

Захочетъ въ страхѣ жить и дни, каѣ цѣпи, влечь?

Кто склонится на миръ, когда убійства мечъ

Главѣ вожда князей паденьемъ угрожаетъ?

Пусть ханъ тебѣ дастъ миръ, иль всѣхъ насъ поражаетъ!

Тверскій.

Но ждать ли, чтобъ Мамай Непрядву перешелъ?

И нашей храбрости сія ль рѣка предѣль?

Коль въ полѣ боевомъ намъ суждена свобода,
Во станѣ ль заключась, Ордынцевъ ждать прихода?
Отважною, князья, предупредимъ ихъ трудъ!
Посольскіе слѣды къ ихъ стану насъ ведутъ:
Смятеніе принесемъ для нихъ внезапнымъ боемъ
И ханскіе шатры ихъ трупами покроемъ!

Димитрій.

Такъ, тамъ вранамъ степнымъ ихъ предадимъ тѣла! VV
Но вечерѣетъ день, и храбрыя дѣла
Должны ль сокрыты быть въ покровахъ ночи мрачной?
Ахъ, нѣтъ: чрезъ рядъ вѣковъ, какъ бы чрезъ токъ прозрачной,
Они должны сіять въ блестящей ихъ красѣ.
При первомъ свѣтѣ дня, по утренней росѣ,
Слѣды горячіе къ безсмертію проложимъ
И явностію дѣлъ ихъ славу мы умножимъ! V
Тверскій, видъ мужества носящій на челѣ,
Начальствуй завтра ты на правомъ войскъ крылѣ.
Крыло же лѣвое пускай ведетъ Смоленскій!
А ты, почтенный мужъ, князь мудрый Бѣлозерскій,
Извѣстный доблестями, ты полкъ веди большой,
Съ сторожевымъ за лѣсъ пусть братъ засядетъ мой
И, выждавъ случай тамъ къ внезапну нападенію,
Способствуетъ враговъ къ сугубому смятенію!)
Но полкъ передовой я завтра самъ веду.

Бѣлозерскій.

Какую, государь, вѣщаешь намъ бѣду!
Тебѣ ль въ опасности вдаваться нынѣ можно
И несть свою главу врагамъ неосторожно?
Для Россовъ, счастливыхъ правленіемъ твоимъ,
Младой, цвѣтущій вѣкъ твой долженъ быть хранимъ;
И подданныхъ покой въ твоей хранится длани.

Димитрій.

Мой долгъ: въ день мира судъ, и мужество въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,

Коль духу мой примѣръ, ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ въ Своемъ благомъ совѣтѣ
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитесь? (Средь вражескихъ полковъ,
Пріосѣнить меня, какъ щитъ, (Его покровъ.) VV
Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ!) Ихъ ярость возбудите,
Пролейте мести жаръ въ ретивы ихъ сердца!
Кто надъ могилою иль дѣда, иль отца,
Не плакалъ о бѣдахъ Россійскаго народа?
Днесъ мщеніе предстоитъ, наградою свобода;
Надеждой вѣрною Богъ крѣпости и силъ,
Чей духъ Израиля въ пустынѣ предводилъ,
И былъ кто нѣкогда поборникъ Маккавею.
Одушевите рать отраженностью своею!

(Всѣ князья уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій и Бренской.

Бренской.

Сыновъ отечества для радостныхъ сердецъ
Какое чувствіе, раздору зря конецъ,
Который раздѣлялъ Владимира потомство!
Однихъ поистинѣ мужей великихъ свойство
Соединять умы, поставить цѣлью честь
И мысли всей страны своею мыслью вестъ.
Бояре и князья, народъ и воеводы
Черезъ тебя горять желаніемъ свободы;
Разноначальственна Россійская земля
Покорна одному, твоимъ словамъ внемля.

Димитрій.

Счастливы стократъ, кто, въ неизвѣстной долѣ
Рожденіемъ сокрытъ, въ своей свободенъ волѣ
И можетъ чувствами души располагать!

Бренской.

www.libtool.com.cn
Прилично ль на судьбу Димитрію роптать!
Иль хочешь возвѣстить, что мы увидимъ вскорѣ
Отечественный край вновь гибнущимъ въ раздорѣ,
И что, души твоей ниспедъ во глубину,
Усматриваешь ты въ ней тайную вину,
Рушительницу впредь Россійскаго спокойства?

Димитрій.

Вседневно рѣчь твоя.

Бренской.

Вседневно безъ притворства
Гласъ дружбы будетъ мой о должности твердить,
Стараться страсть твою несчастну истребить.

Димитрій.

Ты не успѣешь въ томъ: нѣтъ власти столько сильной;
И огонь погаснетъ мой лишь въ хладности могильной.
Мой другъ, видъ Ксенія, прелестнѣйшій сей видъ
Всѣ помышленія, весь духъ во мнѣ живить;
Имъ сердце страстное въ Димитріи бѣется,
И смертію одной любовь въ душѣ прервется.
Не осуждай ея: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблестенный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Бренской.

И такъ, геройскій жаръ, который произвести
Должны бы званія, верховный долгъ и честь,
Въ тебѣ случайный жаръ, отъ взора порожденный!
И такъ, не зрѣвъ княжны, Димитрій униженный
Подъ игомъ у Татаръ спокойно бѣ дни провелъ
И память съ жизнію во тлѣнный гробъ низвелъ!
Нѣтъ, нѣтъ, твои слова любви лишь искусство,

И болѣ тебя твое я знаю чувство,
И сколь къ отечеству твой преданъ вѣрный духъ!
Не зора страстнаго могъ ожидать мой другъ,
Чтобы отважиться на подвигъ благородной:
Довольно для него и горести народной,
Довольно храбрости, носимой имъ въ крови.
Но я бь не осуждалъ сей пылкія любви,
Когда бь не видѣлъ въ ней несчастійшихъ послѣдствій,
Междоусобій вновь, и вновь пародныхъ бѣдствій.
Ты самъ рѣши: Тверской, тебя предупредивъ,
Родителя княжны согласье получивъ,
Потерпѣть ли еще любовь ему совмѣстну?

Димитрій.

Почто напоминать души печаль извѣстну!
Такъ, Ксенія ему въ супруги суждена.
Но коль союзъ съ княжной любовь свершать должна;
Когда взаимна страсть даетъ права надъ нею;
О, Бренской, я одинъ всѣхъ болѣ правъ имѣю;
Всѣхъ болѣ люблю, всѣхъ болѣ любимъ.
Ты не былъ въ храмѣ томъ, гдѣ вдругъ глазамъ моимъ
Предстала Ксенія въ день перваго свиданья.
Во мнѣ то жаръ, то хладъ, невольны трепетанья,
И вся душа въ очахъ, чтобъ зрѣть ея красы,
Явили, что люблю. Въ тѣ самые часы
Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетлѣнны,
Предъ коими и дочь и мать преклоненны
Молили премѣнить на милость гнѣвъ небесъ.
Скорбь матери была виной дочернихъ слезъ,
Виной пріѣзда ихъ во градъ первопрестольный.
Съ какою прелестью мой страстный духъ, довольный,
Чувствительность княжны въ слезахъ ея читалъ!
Влекомъ надеждою, молчанье я прервалъ:
Предъ матерью ея признался въ страсти нѣжной,
Ахъ, взоръ родившія, сей взоръ всегда прилежной,

Въ дочерниной душѣ взаимность чувствъ открылъ,
И, ею ободренъ, ужъ я въ надеждѣ былъ,
Что бракъ, противный бракъ съ Тверскимъ, не совершится,
Что страстный пламень мой достойно наградится.
Но сей отрады лучъ блеснулъ на краткій часъ
И съ жизнію, увя, княгини онъ погасъ.
Болѣзнь медлительна, въ груди носима ею,
Свела ее во гробъ съ надеждою моею.
Я предпріялъ тогда къ родителю княжны
Дочь грустну проводить до Низовой страны,
И тамъ, въ любви нашедъ языкъ краснорѣчивый
Склонить отца на бракъ ея со мной счастливый.
Возсталъ Мамай и, огнь военный воспала,
Насъ вызвалъ съ местию въ Задонскія поля,
Гдѣ образъ Ксеніи, въ душѣ изображенной,
Предъ мною носится среди грозы военной;
Гдѣ я надежды всей дотолѣ не лишень,
Доколь ея союзъ съ Тверскимъ не совершенъ.

Бренской.

Надежда тщетная: иль Ксеніи родитель
Обѣтовъ предъ концемъ престанетъ быть хранитель?
Когда Россіянинъ рѣшился слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.
Иноплеменникамъ, корысти лишь послушнымъ,
И сила клятвъ мала; но Россамъ добродушнымъ
И слова честнаго довольно одного.
Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того,
Что князь Тверской во станъ невѣсту ожидаетъ,
Гдѣ Ксеніи отецъ для дочери желаетъ
Предъ взорами Татаръ воздвигнуть брачный храмъ.

Димитрій.

Не мысли, чтобъ княжна могла пріѣхать къ намъ!
Въ Москвѣ, гдѣ вѣрность мнѣ любви сохраняетъ,

Судьбы и сей войны рѣшенія ожидаетъ.
~~Но вижу война: какую слышать вѣсть!~~

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій, Бренской и воинъ.

Воинъ.

Великій государь, спѣшу тебѣ донести,
Что князя мудраго земли Нижегородской
Младая дочь во станъ къ намъ прибыла Задонской.
Патры шелковые средь Низовыхъ полковъ
Раскинуты ея.
(Димитрій, въ удивленіи и впадая въ задумчивость, хранитъ молчаніе).

Бренской.

(Къ воину): *(Къ Димитрію):*

Иди!... Но ты безъ словъ
При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вздыханья тяжкія въ груди своей скрываешь,
И горестъ мрачная въ чертахъ твоихъ видна.
Предъ дружбой не таишь: хоть съ строгостью опа
Въ часы спокойствія о страсти разсуждаетъ,
Въ часы страданія молчитъ и сострадаетъ.
Но можешь коль еще совѣтъ услышать мой:
Отъ вида Ксеніи ты взоръ избави свой!
Нашъ къ утру бой рѣшенъ: приуготовься къ бою
И съ поля съ славою, приличною герою,
Спѣши въ Москву дѣлать народно торжество,
Вѣнецъ трудовъ князей!

Димитрій.

Чтобъ брачно празднество
Сопернику свершить дозволилъ я спокойно!
Чтобъ ярости моей не предался достойно!
Невѣрной Ксеніи измѣну бы терпѣлъ!...

По клятвахъ, кон я въ любви ея имѣлъ,
Хочу въ послѣдній разъ предстать передъ невѣрной,
Чтобъ укорять ее любовью лицемѣрной;
Чтобъ при соперникѣ въ измѣнѣ обличить
И ревностью его веселье помрачить;
Чтобы Тверской, моимъ примѣромъ наученный,
Не вѣрилъ также ей, сомнѣніемъ смущенный...
Пойдемъ, увѣримся, что я ужъ не любимъ!
Но завтра бой... конецъ мученіямъ моимъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Оно происходитъ предъ шатрами Нижегородской княжны Ксеніи).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ксенія и Избрана.

ИЗБРАНА.

Какое зрѣлище для Россскихъ воевъ ново!
Средь стана шумнаго, гдѣ чувствіе сурово
Одной питается военною грозой,
Увидятъ мирный храмъ и ходъ блестящій твой,
Который брачными свѣщами озарится.

КСЕНІЯ.

Избрана, никогда сей бракъ не совершится,
И въ храмѣ для меня свѣщей печальный свѣтъ
Лишь долженъ освѣтить монашества обѣтъ,
Мнѣ долженъ быть зарей желаннаго спокойства!
Пріѣздъ въ Задонскій станъ послѣдній долгъ покорства,
Чѣмъ я родителю обязана была.
Но, руку чтобъ мою Тверскому въ храмъ неслла
И тамо клятвою, съ душею несогласной,
Я бъ утвердила бракъ для обоихъ несчастной,
Сказала бъ, что люблю, что буду ввѣкъ любить,

Какъ сердце о другомъ не престаётъ твердить,
Когда Димитрія сіе мнѣ сердце страстно
Не престаётъ являть повсюду и всечасно,
Нѣтъ, клятвою такой у брачныхъ алтарей
Языкъ бы мой солгалъ предъ небомъ и землей,
И произнести ее во мнѣ не будетъ силы.
Обитель тихая, подобіе могилы,
Меня пусть скроетъ въ сѣнь священной тишины!

ИЗБРАНА.

Увы, и тамъ сердца страстей не лишены;
И тамъ любезный видъ, отъ мыслей неотступный,
Писать твой будетъ огонь, предъ званіемъ преступный.

КСЕНІЯ.

Но тамъ хотя могу свободно въ день страдать,
Свободно въ ночь мой одръ слезами орошать,
Которая бъ должна передъ супругомъ гнѣвнымъ
Въ груди удерживать съ усиліемъ душевнымъ,
И горести предъ нимъ, какъ таинство, хранить.
Но мыслить не хочу, чтобъ небо оскорбить
Могла, любовью я старая безнадежно.
Ахъ, не оно ли намъ даруетъ сердце нѣжно,
Даетъ чувствительность, несчастія печать,
И въ храмы насъ зоветъ, чтобъ скорби облегчать?
Тамъ вѣра кроткая къ несчастливимъ вѣщаетъ,
Что Богъ утѣшитель и слабостямъ прощаетъ;
И тамъ среди подругъ мой будетъ томный гласъ
Желанный призывать послѣдній жизни часть.
Какъ сельно быліе, отъ зноя изсушенно,
Такъ сердце, отъ тоски любовной сокрушенно,
Прерветъ біенія въ груди прискорбной сей,
И вскорѣ сопрягусь съ могилою моей.

ИЗБРАНА.

Ужели молодость погубишь ты во цвѣтѣ?
Тебѣ ль съ весеннихъ дней имѣть лишь смерть въ предметѣ?

Ахъ, лучше, Ксенія, совѣтъ приѣмля мой,
Сердечны чувства родителя открой!
И уповаю я...

Ксенія.

Нѣтъ, упованье ложно!

Родитель слово далъ; то слово непреложно.
Спросился ли меня, иль съ сердцемъ онъ моимъ,
Когда предположилъ мой грустный бракъ съ Тверскимъ?
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы;
Подъ игомъ у Татаръ мы заняли ихъ нравы,
Родимся, чтобы нести въ терниіи яремъ
Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ,
Которое всегда отцовъ рѣшится властью
И рѣдко счастливо четы взаимной страстью.
Еще бъ надѣялась, когда бы нѣжна мать
Могла плачевну дочь любовью защищать;
Но у меня ее отъяла смерть сурова.
О, мать добрая, на свѣтѣ безъ покрова
И беззащитную оставила ты дочь!
Ахъ, въ мертвой тишинѣ, черезъ глубокую ночь,
Которая тебя въ могилѣ покрываетъ,
Внеми ты ей: здѣсь мнѣ никто не отвѣчаетъ;
Здѣсь грусть мою цѣнить не можно никому:
И смертный тотъ одинъ, чье сердце моему
Моглобъ отвѣтствовать, кто чувство раздѣляетъ,
Того мнѣ строгій долгъ забыть повелѣвать.
О, другъ единственный, отъ смерти пробудись
И тѣню легкою вокругъ меня носись;
Пролей во грудь мою отраду упованья:
Скажи, что ждешь меня къ скончанію страданья;
Скажи, что скоро ждешь; скажи, что близокъ часъ,
Который съединитъ во гробъ долженъ насъ!

ИЗБРАНА.

Ахъ, нѣтъ, поднесъ еще толь мрачныя печали
Ни взоры, ни уста твои не выражали!

Ксенія.

Увы! чѣмъ ближе день, въ который я должна
Съ моимъ любезнымъ быть навѣкъ разлучена,
Тотъ день, въ который долгъ мнѣ повелить стараться
И самой мыслию съ Димитріемъ разстаться,
Тѣмъ болѣе тоска тягчить мой слабый духъ!
И здѣсь, во станѣ семъ, гдѣ все вѣщаетъ вкругъ,
Сколь прочихъ смертныхъ онъ душою превосходитъ,
Гдѣ къ славѣ Россіянъ онъ доблестью предводитъ,
Гдѣ все гласитъ, что онъ достоинъ быть любимъ,
Гдѣ съ нимъ теперь дышу я воздухомъ однимъ,
И все, что восхищать могло бъ любовь счастливу,
Все душу то мою терзаетъ здѣсь тоскливу.
Но ты велѣла ли Тверскому объявить,
Что вечера сего хочу съ нимъ говорить;
Что жду его сюда? Ахъ, завтра же, Избрана,
При утренней зарѣ я выйду изъ стана!

ИЗБРАНА.

Съ пріѣзда, воина послала я къ нему.
Но между тѣмъ къ шатру я вижу твоему
Въ сопровожденіи Димитрія идуща.

Ксенія.

Минута тяжкая и горести несуща!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрій, Ксенія, Вренской и Избрана.

Димитрій *подошедъ къ Ксеніи, по
нѣкоторомъ молчаніи.*

Я вижу Ксенію, и сей свиданья часть
Печалень, молчаливъ и утомляетъ насъ;

Тебя моимъ очамъ смущенною являетъ,
Мнѣ бѣдствіемъ грозитъ и страхи подтверждаетъ:
Такъ, нѣтъ сомнѣній, отвергнуть пламень мой;
Другой уже любимъ... Увы, но кто другой,
Но кто изъ смертныхъ всѣхъ любить такъ можетъ страстно,
Какъ я тебя любилъ, какъ я люблю, несчастной!

Ксенія.

Но ты несправедливъ.

Димитрій.

Несправедливъ... Скажи,
Моихъ сомнѣній мнѣ неправость докажи!
Чтобъ голосъ нынѣ твой, веселье, прелесть слуха,
Спокоилъ, утолилъ во мнѣ смятенъе духа!
Одинъ лишь можетъ онъ мою тоску развлечьъ;
Какъ даръ живительный, твоя мнѣ будетъ рѣчь.
Скажи, что любишь ты, какъ ты любила прежде;
Увѣрь и утверди меня въ моей надеждѣ,
Что насъ никто, никакъ, ничѣмъ не разлучить!

Ксенія.

Могущею рукой насъ всѣхъ судьба влачить:
И, покоряясь родительской я волѣ,
Во станъ сей прибыла...

Димитрій (*прерывая рѣчь ея*).

Чего мнѣ слушать болѣ!

Отцу покорна ты: и такъ мой рокъ свершенъ;
Страшиться нечего, мой страхъ уже рѣшенъ.
Но презрѣть страсть мою тебѣ казалось мало:
Жестокости твоей того не доставало,
Чтобы свидѣтелемъ Димитрію здѣсь быть,
Какъ будешь ты собой соперника дарить.
Но столько жъ правъ, какъ онъ, я надъ тобой имѣю,
Его избралъ отецъ; я избранъ былъ твоею

Умершей матерью передъ концемъ ее;
И болѣе еще согласіе твое,
Обѣтъ твоей любви даютъ права безспорны.
Но укоризнѣ не жди за клятвы тѣ притворны:
Мнѣ укорять тебя недостаетъ рѣчей.
Но бракъ остановить довольно здѣсь мечей;
Къ защитѣ правъ моихъ довольно рукъ, готовыхъ
Противъ тирановъ стать безчувственныхъ, суровыхъ,
Располагающихъ любовію твоей.
И горе будетъ имъ! Такъ, въ ярости моей,
На брань, на люту брань пойду, мой станъ подвигну.
И твоего отца я местию достигну.

Ксенія.

Постой, о государь, куда стремишься ты?
И ревности куда влекутъ тебя мечты?
Иль хочешь ты, въ своемъ свирѣпомъ изступленьѣ,
Къ несправедливости прибавить преступленья?
Иль хочешь, пагубный воспламеня раздоръ,
Явить татарамъ здѣсь отечества позоръ,
Приготовить имъ побѣду несомнѣнну,
Россію подъ яремъ вести окровавленну?
О, ты, поставленный щитомъ ея, главой!
Ахъ, нѣтъ: предъ страшною напастью таковой,
Предъ тѣмъ, какъ Россю вожь безславьемъ посрамится,
Пускай рука твоя сразить меня стремится!
Не дай увидѣть мнѣ безчестья твоего!
Ты, небо, вѣдаешь, любила ль я его!
Внимало вздохамъ ты, мой считало слезы,
И слышишь нынѣ мнѣ Дмитрія угрозы:
Жестокій, дочь губивъ, отцу грозить возмогъ!

(Къ Дмитрію):

Но мщенію какой ты можешь дать предлогъ?
Обѣтомъ ли съ тобой мой былъ родитель связанъ;
Отчетомъ ли тебѣ о дочери обязанъ;

Не властенъ ли всегда онъ мной располагать?
Хотя несправедливъ, тебѣ ли обвинять?
Несправедливъ ко мнѣ, къ своей единокровной:
Одна я жертвою, и жертвою безмолвной.
Но сколь ты самъ неправъ, сколь ты жестокъ, познай...
Тверскій сюда идетъ, умѣря гнѣвъ, внимай!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Всѣ прежніе и Тверской.

Тверской.

О, мила Ксенія! О, день стократъ счастливый,
Въ который взоръ, тебя узрѣть нетерпѣливый,
Остановляется на красотѣ твоей;
Въ который можетъ онъ, отъ чувствъ души моей,
Безъ рѣчи выражать любовь и восхищенье!
Любовь...

Ксенія.

Прерву твое любовно изъясненье;
Гордиться онымъ я напрасно не хочу
И слово на предметъ важнѣйшій обращу.
Объщана тебѣ еще въ такіе годы,
Какъ выходила я едва изъ рукъ природы,
Когда едва себя я знать еще могла;
Вражда противъ татаръ той связію была,
Которая нашъ родъ съ Тверскими согласила;
Намъ общая вражда нашъ бракъ предположила:
И мудрый мой отецъ, въ тебѣ потомка зрѣвъ
Князей, которыхъ гналъ татаръ свирѣпый гнѣвъ,
Рѣшился чрезъ меня, предъ русскимъ всѣмъ народомъ,
Соединить свой родъ съ достойнымъ вашимъ родомъ.
Не могъ того свершить во время тишины;
Онъ бракъ назначилъ нашъ среди шумныхъ войны,
Среди случайностей кровопролитныхъ боевъ,

Предъ сонмомъ всѣхъ князей, предъ сонмомъ храбрыхъ воевъ,
Чтобъ радостный ихъ кликъ насъ къ храму провожалъ
И новымъ бѣдствіемъ ордынцамъ угрожалъ,
Чтобы сей громкій кликъ, намѣсто пѣсенъ брачныхъ,
Врагамъ предвѣстникъ былъ дней горестныхъ и мрачныхъ.

Тверской.

Какъ счастливъ твой приѣздъ: намъ къ утру сказано бой.
И я надѣюсь, что завтра сей рукой,
Ордынцевъ кровію рукою обогрешной,
Ко браку поведу тебя во храмъ священной,
И тамъ, увѣнчаннымъ мой видя страстный жаръ,
Я снова поклянусь въ враждѣ противъ татаръ!

Димитрій (*въ сторону*).

О, гнѣвъ! Мнѣ должно ли еще хранить молчанье!

Ксенія (*къ Тверскому*).

Не все сказала я: умножь свое вниманье!
Враждою, государь, предположенный бракъ
Полезнымъ можетъ быть, но радостнымъ никакъ:
Взаимная любовь въ немъ счастье утверждаетъ
И узы брачныя весельемъ облегчаетъ.
Но безъ нея, увы, для связанныхъ сердецъ,
Союзъ, какъ тяжка цѣпь, и бракъ терновъ вѣнецъ,
Вѣнецъ вздыханія и долгой муки лютой,
Котора кончится лишь смертною минутой!
И я бы коварною передъ тобой была,
Когда бы за страсть твою во храмъ тебѣ несла
И руку трепетну, и сердце чувствомъ холодно,
И въ домъ бы твой ввела прискорбье безотрадно.
Нѣтъ, государь, познавъ, что никогда душей
Я не могу любви отвѣтствовать твоей,
Укроюсь навсегда въ священную обитель.

Димитрій.

Что слышу!

Тверской.

www.libtool.com.cn

Небеса! Иль слово твой родитель...

Ксенія.

Онъ слово данное исполнилъ предъ тобой.
Всю власть, природою врученну надо мной,
Онъ истощилъ уже твоей въ угодность волѣ:
И робку дочь его ты зришь во бранномъ полѣ.
Но власть отцовская, какъ оставляемъ свѣтъ,
У вратъ обители слабѣетъ и падетъ;
Обѣты на устахъ остановить безсильна;
И насъ тамъ вѣры сѣнь, какъ темна ночь могильна,
Скрываетъ навсегда отъ всѣхъ мірскихъ властей.
Я бы могла предъ тѣмъ еще прибѣгнуть къ ней,
Какъ путь несчастливый въ станъ здѣшній предпріяла,
Но оправдать отца передъ тобой желала.
Не осуждай его, одну вини меня:
Одна я рушу бракъ... и съ завтрашняго дня
Ко гробу для живыхъ путь грустный предпріемлю.

(Къ Дмитрію):

А ты, свидѣтель здѣсь, какъ покидаю землю,
Какъ покидаю все, что сердцу льстить могло,
Чтобъ не краснѣлося родителя чело,
Повѣдай нынѣ всѣмъ, что я виной разрыва,
Что жизнь для Ксеніи была какъ тоща нива,
На коей гибнетъ злакъ, на коей сохнетъ цвѣтъ,
На коей для меня надежды болѣ нѣтъ!
Повѣдай, что сняла одежды я вѣнчальны
И премѣнила ихъ во вретѣща печальны,
Что въ гробовой союзъ преобратила бракъ
И сана свѣтлый блескъ въ смиренный скрыла мракъ!
Повѣдай, что иду въ обитель, не къ покою,
Но чтобъ свободнѣе бесѣдовать съ тоскою,

Съ тоскою... коей здѣсь обременяю васъ...

Иду, чтобы скрыть мой плачь отъ вашихъ глазъ.

(*Ксенія и Избрана уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Тверской и Бренскій.

Димитрій (*тихо Бренскому*).

Рѣчь каждая ея мнѣ сердце раздираетъ.

Бренской (*тихо къ Димитрію*).

Скрывай свою печаль: соперникъ примѣчаетъ.

Тверской.

Какъ громомъ пораженъ!... Рѣши, Димитрій, мнѣ:
Что видѣлъ, слышалъ я, то въ явѣ ль, иль во снѣ?
Ты взоровъ, словъ княжны свидѣтель безпристрастенъ,
Скажи, увѣрь меня, я точно ли несчастенъ?
Я точно ль не любимъ, и въ горестный сей день
Надежда вся моя исчезла ли, какъ тѣнь?
Меня ли Ксенія, о небо, оставляетъ!

Димитрій.

Тебя ли одного, свѣтъ цѣлый покидаетъ.
Ея отцу, тебѣ, землѣ Россійской всей
Осталось жалѣть и слезы лить о ней.

Тверской.

Лить слезы и сносить ея премѣны права!
Отъ даннаго отцомъ мнѣ отступиться права!
Терпѣть ея отказъ и вмѣстѣ съ нимъ мой стыдъ,
Который на себя всѣхъ взоры обратить!
Нѣтъ, нѣтъ: и Ксенія напрасно онимъ льститя;
Нашъ бракъ назначенъ здѣсь, онъ здѣсь и совершится.

Димитрій.

Что предприемлешь ты?

www.libtool.com.cn

Тверской.

Что раздраженна честь
И оскорбленна страсть велятъ мнѣ произвести.
Моею плѣнницей здѣсь Ксенію оставлю;
И завтра, съ бою спедѣ, здѣсь брачный храмъ поставлю;
И завтра, въ торжествѣ передъ лицомъ небесъ,
И не смотря на грусть и токи горькихъ слезъ,
Любимъ иль не любимъ, и волей или силой,
Съ моей судьбой свяжу я вѣкъ ея унылой.

Димитрій.

Не помышляешь, князь, въ намѣренъи своемъ,
Что ты препятствія найдешь во станѣ семъ;
Что здѣсь для Ксеніи защитники явятся,
Которы ярости твоей не устрашатся.

Тверской.

Кто будутъ дерзкіе? И кто...

Димитрій.

Я.

Тверской.

Ты?

Димитрій.

Я самъ.

Не потерплю, чтобъ велъ ее кто силой въ храмъ;
И, помня честь и долгъ, ея приличны роду,
Димитрій защитить готовъ ея свободу.

Тверской.

Но кѣмъ она была тебѣ поручена?
Сужденна мнѣ отцомъ и мнѣ обручена,
Одинъ располагать могу ея судьбою
И не обязанъ въ томъ отчетомъ предъ тобою.

Тебя главой призналъ Россійскій сонмъ князей;
Но, въ брани вождь, ты мнѣ не можешь быть судьей.
Съ какихъ же хочешь правъ?...

Димитрій.

Съ какихъ я правъ?... Довольно
И ясно я сказалъ, что ты княжну невольно
Во храмъ не поведешь... Приими сей мой совѣтъ!
Прости!

(Хочетъ идти).

Тверской (останавливая Димитрія).

Постой и мнѣ свой объясни отвѣтъ!
Дай болѣ мнѣ причинъ тебя возненавидѣть!
Скажи, соперника ль въ тебѣ я долженъ видѣть?

Димитрій.

Коль тайну ты проникъ, не скрою, что люблю:
Суди чрезъ то, какъ я отъ словъ твоихъ терплю!

Тверской.

Угодна ль Ксеніи любовь толь чрезвычайна?

Димитрій.

Угодна или нѣтъ, ея то лична тайна.

Тверской.

Такъ тайну мысль мою, Димитрій, ты познай!
На полѣ боевомъ насъ завтра ждетъ Мамай:
Судьба твоей главы должна въ бою рѣшиться;
Но силою моей коль хочешь подкрѣпиться,
Склони ты Ксенію на бракъ ея со мной,
Чтобъ мнѣ вручилась соперника рукой!
Увѣренъ, что надъ ней власть полную имѣешь
И убѣдить ее, конечно, ты успѣешь:
Не то, въ сію же ночь, съ полками отступлк'.

Димитрій.

Я помощи твоей безчестьемъ не куплю.
Одну ль мою несу я завтра въ бой судьбину?
Несу отечества колеблему годину!
Коль слабъ душой, иди, умножь число князей,
О коихъ вся молва, что жизнью своей
Безъ пользы обществу тягчили только землю;
Иди! удерживать тебя не предприѣмлю.
Довольно сильныхъ рукъ и храбрыхъ здѣсь сердець,
Готовыхъ раздѣлить побѣдный мой вѣнецъ.

Тверской.

И такъ покину станъ, коль ты того желаешь.
Но самовластвовать ты рано начинаешь.
Пойду и всѣмъ князьямъ нашъ объявлю раздоръ:
Брегися, мой примѣръ открыть имъ можетъ взоръ.
(Тверской уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій и Бренской.

Бренской.

Чего страшился я, то нынѣ совершилось:
На край гибели отечество склонилось.
Что сдѣлалъ, государь?

Димитрій.

Скажи ты лучше мнѣ,
Чего не сдѣлалъ я? Тверской грозилъ княжнѣ:
И я, противъ угрозъ любовникъ хладнокровенъ,
Остался бѣ терпѣливъ, остался бы безмолвенъ,
И здѣсь, въ глазахъ моихъ, позволилъ бы ему
Предаться наглости и гнѣву своему?
Ахъ, нѣтъ! Не отъ него ль, въ свои цвѣтущи годы,
Несчастна Ксенія лишается свободы,
Въ обитель кроется и покидаетъ свѣтъ?

Но, Бренской, ей нельзя позволить сей обѣтъ:
~~Ее погубить онъ, меня погубить съ нею,~~
И сердцемъ жизнь ея сопряжена съ моею.
Мнѣ должно Ксенію отъ мысли сей отвлечь.
Пойдемъ... Ее склонить, любовь, внуши мнѣ рѣчь!

Бренской.

Не внемлетъ болѣ мнѣ, своей предавшись страсти.
О, небо, отвори грозящи намъ напасти!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляет шатеръ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тверской, Бѣлозерскій и прочіе князья.

Тверской.

О, Бѣлозерскій князь! о, храбрые друзья!
Въ угодность только вамъ сюда вступаю я,
Въ шатеръ Димитрія, кого я ненавижу,
Кого въ послѣдній разъ здѣсь, можетъ быть, увижу.
Довольно гордый духъ извѣстенъ мнѣ его,
Чтобъ примиренья съ нимъ могъ ждать я моего.
Не покорить себя онъ вашему совѣту.

Бѣлозерскій.

Предъ всѣмъ отечествомъ подвергнется отвѣту,
Когда, любовь свою вмѣняя намъ въ законъ,
Еще упорствовать въ неправдѣ будетъ онъ,
Коль Ксеніи судьбу твоей не ввѣритъ волѣ.

Тверской.

Не должно бы о ней и помышлять мнѣ болѣ,
Коль, мнѣ сужденная родителемъ своимъ,
Могла, забывши долгъ, прельщенна быть другимъ,

Коль, сердцемъ невѣрна и мыслью малодушна,
Любовной слабости является послушна,
Когда за страсть мою наносить мнѣ позоръ.
Спокойно бѣ долженъ былъ мой нынѣ видѣть взоръ
Остановленный бракъ и торжество вѣнчально,
Ея къ обители отшествіе печально,
Къ обители, гдѣ грусть, снѣдающа ее,
Ей поношеніе отмщала бы мое,
Гдѣ бѣ о любезномъ мысль ея всякій день отмщала,
Гдѣ бѣ красота ея день всякій увядала,
Гдѣ бѣ блескъ ея очей съ тоски погасъ, исчезъ,
И на чертахъ слѣды бѣ отлились горькихъ слезъ.
Но для соперника того къ страданью мало:
Чтобъ въ грусти ничего ему не доставало,
Чтобъ въ полной мѣрѣ духъ исполнить въ немъ тоской,
Хочу, чтобъ видѣлъ онъ союзъ здѣсь брачный мой,
И пылкой въ немъ души чтобъ помыслы ревнивы
Являли дни мои, любовію счастливы;
Мои веселія въ умѣ бѣ своемъ считалъ,
Воображалъ бы ихъ и ими бы страдалъ.
Познайте изъ сего, что не любовь, но мщеніе
Въ семъ бракѣ для меня предвидѣть восхищеніе.
Хоть въ ономъ не найду я нѣжностей отрадъ,
Но въ грудь Дмитрія пролью мученья ядъ.
А вы, въ моемъ лицѣ всѣ нынѣ оскорбленны,
Вы будете, какъ я, достойно отомщенны,
И самовластію преткнете первый шагъ.

Смоленскій.

Конечно самъ Мамай, жестокій Россовъ врагъ,
Толико для князей не можетъ быть ужасенъ,
Какъ тотъ изъ-между насъ намъ долженъ быть опасенъ,
Кто властолюбіемъ свой духъ возмогъ прельстить
И насъ подъ свой яремъ желаетъ покорить.
Ордынецъ въ алчности, горя любостыжаньемъ,

На злато Россіянъ свой взоръ стремить съ вниманьемъ;
~~Но самовластному не~~ злато лишь предметъ:
На всё дѣянія цѣпь тяжкую кладеть;
Пути скрытными находитъ онъ искусство
Поработить и мысль, поработить и чувство,
И мы бѣ увидѣли въ однѣхъ его рукахъ
И собственность, и жизнь, и милость намъ, и страхъ.
Ахъ, нѣтъ: не для того сражаться мы готовы,
Чтобъ намъ перемѣнить несомыя оковы,
Чтобы владычества перемѣнить кумиръ!
И лучше отъ Татаръ принять хочу я миръ,
Чѣмъ родомъ равнаго себѣ владыкой видѣть.

Бѣлозерскій.

Какъ ты, Смоленскій князь, я бѣ долженъ ненавидѣть
Верховну надъ собой, самодержавну власть,
Подъ кою, о князя, страшитесь вы подпасть;
Но къ избавленію страны отцовъ отъ бѣдства
Безъ власти сей для насъ надежнаго нѣтъ средства.
Славянски племена, столь сильныя числомъ,
Столь храбрыя душой, зрятъ нынѣ надъ челомъ,
Попикшемъ въ горести, яремъ иноплеменный,
Гнетящій ихъ главы, несчастно раздѣленны.
Но вспомните, друзья, Россійску прежню мощь,
Какъ съ внѣкомъ Рюрика подвинулась полнощъ
На земли южныя, на полуденны воды,
Гдѣ предковъ мужеству поддалися народы!
Тогда одинъ былъ вождь странъ Россійской всей,
Теперь князей числомъ считаемъ мы вождей;
Тогда въ владычествѣ мы дани налагали,
Теперь мы платимъ дань и въ цѣпи рабства впаи;
Тогда Россіянинъ, достойно гордъ и смѣлъ,
Отважности своей знавалъ ли въ чемъ предѣлъ?
Теперь ни засѣки, лѣса непроходимы,
Ни стени дикія, вокругъ неизмѣримы,

Гдѣ водныя струи не повстрѣчаютъ глазъ,
Отъ напости враговъ не защищаютъ насъ.
Съ блестящимъ вѣкомъ тѣмъ сравнивь нашъ вѣкъ печальной,
Не должноль власти намъ желать одноначальной?

Тверскій.

Иль рѣчью таковой ты хочешь намъ внушить,
Что предъ Димитріемъ мы должны преклонить
Главы послушныя присвоенной имъ власти
И чтить въ молчаніи его порывныя страсти?

Бѣлозерскій.

Ахъ, нѣтъ, тѣмъ менѣ онъ быть можетъ извиненъ,
Что, съ свойствами души геройскими рожденъ,
Насъ могъ бы уловить подъ сѣнь своей державы;
Спаси отечество, возвестъ на степень славы;
И онъ, неправдою намъ власть знаменовавъ,
Явилъ, что уважать не хочетъ нашихъ правъ.
Когдажъ вину свою усилить онъ упорствомъ,
То первый я готовъ послать съ моимъ покорствомъ
Къ Мамаю гордому платиму прежде дань.

Тверскій.

А мнѣ, хоть честь велить прервать съ Мамаемъ брань,
Въ сраженіе не входить и выступить изъ стана;
Но честь сильнѣйшая не позволяетъ хана
О мирѣ мнѣ просить, владычество признать
И данникомъ его съ позоромъ отступать.
Московскій князь мнѣ врагъ: обиженъ имъ несносно,
Сражаться за него мнѣ было бы поносно.
Татаринъ Россамъ врагъ, и мира никогда
Мнѣ отъ него принять не можно безъ стыда,
Не измѣнивъ отцамъ несчастно убіеннымъ,
Которыхъ прахъ въ гробу лежитъ неотмыщеннымъ.
И тѣмъ виновнѣе Димитрій предо мной,
Что случая меня лишитъ моей рукой,

Рукою яростной Ордынцевъ здѣсь постигнуть.
И мести памятникъ изъ ихъ могилъ воздвигнуть.

Смоленскій.

Прервемъ мы нашу рѣчь; идетъ Димитрій къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Всѣ прежніе, Димитрій и Бренской.

Димитрій (*не видѣвъ Тверскаго*).

Сподвижники мои, я возвѣщаю вамъ,
Что, въ ночи скрывъ свой ходъ и насъ предупреждая,
Къ намъ вражески полки приблизились Мамаея.
Неизмѣриму степь палящи ихъ огни
Являютъ, столь числомъ несчетны сѹтъ они.
Но сердце робкое число враговъ считаетъ,
А храбрый никогда о томъ не вопрошаетъ;
И брата моего къ засадѣ я пошлать,
Чтобъ онъ Мамаевы движенья наблюдалъ.
Тѣмъ болѣ подлежатъ намъ мѣры осторожны,
Что части нашихъ силъ лишиться нынѣ должны:
Тверскій...

Тверскій.

Онъ здѣсь еще. Не повторяй того,
Что знаютъ ужъ они отъ гнѣва моего!

Димитрій.

Коль знаютъ, такъ почто жъ отечества любезна
Межъ истинныхъ сыновъ зрю сына бесполезна?

Тверскій.

Ты болѣ дивись, что сонмъ князей, познавъ
Твой самовольный духъ и твой надменный нравъ,
Не отступилъ еще; что здѣсь одинъ средь стана
Не остаешься ты на жертву мести хана.

Бѣлозерскій.

Такъ, не отступимъ мы, когда Димитрій вновь
Докажетъ намъ свою къ отечеству любовь;
Когда явить въ сей день намъ опытъ несомнѣнной,
Что всѣмъ онъ жертвуетъ для сей любви священной.

Димитрій.

О, Бѣлозерскій князь, что значить рѣчь сія?

Бѣлозерскій.

Что нынѣ чрезъ меня всѣ требуютъ князя,
Чтобъ распрю ты съ Тверскимъ, возженную киченьемъ,
Окончилъ искреннимъ и скорымъ примиреньемъ,
И бракъ его съ княжной былъ оному бѣ залогъ.

Димитрій.

Кто? Я чтобы сей бракъ ему позволить могъ?
Чтобъ взоръ иль мысль моя ко храму провожали
Плачевну Ксенію, влекомую въ печали,
Гдѣ горестной княжны соперникъ будетъ мой
Всѣ слезы примѣчать, пролитыя тоской?
Чтобы за каждый стонъ, за каждое вздыханье,
Ея въ супружествѣ усугубить страданье?
Нѣтъ, примиренія, предложеннаго съ нимъ,
Нельзя мнѣ утвердить несчастнымъ бракомъ симъ,
Котораго отъ васъ онъ требуетъ для мести,
Который допустить не должно вамъ изъ чести.
Такъ, вѣрьте, что хотя бѣ я Ксеніи не зналъ,
Въ ней счастья моего хотя бѣ не полагалъ;
То честь, для храбрыхъ душъ источникъ чувствъ обильный,
Внушила бѣ мнѣ союзъ остановить насильный
И, къ избавленію отъ горестей и мукъ,
Исхититъ Ксенію изъ ненавистныхъ рукъ.
Для сильныхъ на землѣ долгъ первый, знаменитой
Невинныхъ охранять и слабыхъ быть защитой.

Смоленскій.

www.libtool.com.cn
Но какъ намъ Ксенію невинною признать,
Коль чувствъ своихъ отцу не хочетъ покорять
И отвергаетъ бракъ, его противясь волѣ?

Димитрій.

Ея родителя вы въ томъ вините болѣ,
Который противъ чувствъ сей бракъ назначить могъ

Смоленскій.

Коль онъ несправедливъ, ему судья въ томъ Богъ;
Но дѣтямъ на отцовъ межъ нами нѣтъ расправы,
Не намъ его винить.

Димитрій.

Обидными чту правы,
Которы дѣлають тирановъ изъ отцовъ,
И вводятъ ихъ дѣтей въ роптаніе рабовъ.

Бѣлозерскій.

Тѣ правы, государь, суть первыя въ природѣ,
Священны тамъ еще, гдѣ нравственность въ народѣ.
Чтобы о нихъ судить, ты прежде будь отцомъ,
И святость оныхъ правъ познаешь ты потомъ
Не разсужденіемъ, холодныхъ душъ искусствомъ,
Но вѣрнымъ, истиннымъ, горячимъ сердца чувствомъ,
Безъ коего нельзя измѣрить силу словъ
Отца, приведшаго во цвѣтѣ шесть сыновъ,
Въ которыхъ Богъ судилъ родительскому взору
Зрѣть старости моей отраду и опору,
И въ коихъ нынѣ я къ сраженію Татаръ
Сокровище отца несу гражданамъ въ даръ.
И ты ль отечеству, о, князь неправосудной!
Откажешь жертвовать любовью безразсудной?

Димитрій.

Не ясно ли, князья, я вамъ ужъ объявилъ,
Что если бъ Ксенію и страстно не любилъ;
То чести мнѣ одной довольно бъ было нынѣ,
Чтобы противостать грозящей ей судьбинѣ.
Чтобъ быть защитникомъ несчастныя княжны,
Какая нужда въ томъ для Русскія страны:
Получить ли Тверскій сію княжну въ супруги,
Иль сердце склонное найдетъ иной подруги,
Иль, бесполезно живъ, безбрачный кончитъ вѣкъ?
Вниманья общества достоинъ человекъ,
Когда заслугами былъ оному полезенъ;
Того и самый родъ отечеству любезенъ.
Но чѣмъ любовь гражданъ соперникъ заслужилъ?
Иль тѣмъ, что нынѣ насъ своихъ лишая силъ,
И вамъ, отечеству и долгу измѣняя,
Бѣжить, какъ робкій вождь, отъ ярости Мамаю.

Смоленскій

Такъ пусть Димитрій всѣхъ насъ робостью винить;
Всѣ отступаемъ мы... Но не Мамай страшить
Хотя бъ Татарскихъ ордъ съ собой привелъ онъ болѣ,
Хотя бы витязьми покрылъ широко поле,
Безтрепетно сразясь, и въ ихъ упавъ рядахъ,
Потомства бы хвалу привлекъ нашъ славный прахъ;
Но премѣнять почто печальну нашу долю,
Когда готовишь ты намъ пуцую неволю?

Димитрій.

Неволю, вамъ! Не я ль извлекъ свободы мечъ,
Чтобъ вѣковую цѣпь неволи вамъ пресѣчь?

Смоленскій.

И самовластнымъ быть... Что пользы иль нужды,
Что ты съ отечества сорвешь оковы чужды

И цѣпи новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ примѣръ,
Что власти ты своей не полагаешь мѣръ.

Димитрій.

Причина личная сему межъ насъ раздору,
И вашему она не подлежитъ разбору,
Не приглашаю намъ судьбою никого.

Смоленскій.

Но мы оскорблены тобой въ лицѣ его;
Намъ всѣмъ грозить, къ нему являсь неправосуденъ.
Властолюбивому шагъ первый только труденъ;
Но безпрепятственно коль шагъ ступилъ одинъ,
Стремится къ цѣли онъ, и скоро властелинъ.
Иль примиришь съ Тверскимъ, иль нынѣ же съ Мамаемъ
Мы заключаемъ миръ и съ поля отступаемъ.

Димитрій.

Вы властны отступить; но я неколебимъ:
Чѣмъ болѣ мнѣ угрозы, тѣмъ менѣ примиримъ.

Бѣлозерскій.

Когда нашъ общій гласъ безспленъ надъ тобою,
То сжался, государь, хотъ надъ своей судьбою!
Намъ къ миру путь открытъ... Пославъ къ Мамаю дань,
Умолимъ гнѣвъ его, отклонимъ грозну брань,
И въ дома отчески мы съ миромъ возвратимся.
Но что предпринешь ты, коль нынѣ удалимся?
Ордынцамъ можешь ли одинъ противостать,
Иль мира для себя отъ хана ожидать?
Мамай душой свирѣпъ, къ тебѣ неумолимый,
Не возвѣстилъ ли намъ, что врагъ непримиримый
Димитрію онъ сталъ, что гнѣвъ окончить свой
Надъ павшею твоей кичливою главой?
Въ сраженъи смерть найдешь и въ бѣгствѣ гибель равну...

Д и м и т р і й.

Въ сраженіи смерть найду, но смерть завидну, славну
И предпочтительну той жизни, кою стыдъ
Побѣга вашего по гробъ обременить.
Идите: васъ отъ клятвъ я нынѣ разрѣшаю;
Сложите вѣрность мнѣ, покорствуйте Мамаю,
Влачите на себѣ неволю и позоръ!
Но, вѣрные рабы, свершите приговоръ,
Сего властителя надъ мною изрѣченной:
Купите миръ главою, имъ къ смерти осужденной,
Сей даръ ему отъ васъ достойно удружить.
Тверскій, твоей рукѣ сей даръ принадлежитъ:
Сорви мою главу, коль смѣлости довольно,
И, сердце ты свое увеселивъ крамольно,
Слѣвши къ Мамаю съ ней и данью похвались!
Иль лучше съ оною предъ Ксеніей явись!
Заставь ее надъ сей главою окровавленной
Произнести обѣтъ любви принужденной!
Но знай, и здѣсь тебѣ предъ всѣми я клянусь,
Что искры жизненной доколѣ не лишусь,
Доколь главу ношу, ты Ксенію дотолѣ
Не поведешь, Тверскій, ко храму поневолѣ.

Т в е р с к і й.

Димитрій, долго здѣсь терпѣніе храня,
Слова твои сносилъ обидны для меня;
Съ намѣреніемъ молчалъ и время далъ свободно
Въ рѣчахъ твоихъ излить тебѣ киченье сродно:
И сердца гордостью судьбу свою рѣшилъ,
Всю мѣру ты моей надежды совершилъ.
Доволенъ, не хочу здѣсь оставаться долѣ;
Терпѣнье, можетъ быть, въ моей не будетъ волѣ:
Иду отсель. Но вѣрь, что безъ руки моей,
Паденье скорое найдешь главѣ своей.
Мечемъ Татаръ моя изгладится обиды;

И блѣдная глава, безмолвна и безъ вида,
Вонзена на копье, къ смиренію сердець,
Покажетъ гордости погибель и конецъ.

(Уходитъ).

Смолвинскій.

Почтожъ и намъ, друзья, здѣсь долѣ оставаться?
Склонить Дмитрія не тщетно ли стараться?
Его гордынею отвергнуть нашъ совѣтъ;
Стремится въ пропасть онъ: пусть въ оную падеть!
Отъ участи его мы отдѣлимся нынѣ
И покоримъ главы Мамаю и судьбинѣ!
(Уходитъ, за нимъ всѣ князья слѣдуютъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Димитрій, Бѣлозерскій и Бренскій.

Бѣлозерскій.

И такъ свободы лучъ, сей даръ благой небесъ,
Намъ временно блеснулъ и молніей исчезъ!
И храбры воины, съ надеждою пріятной
За Донъ стремившися, предпримутъ путь возвратной
Съ печалію въ душѣ, съ позоромъ на челахъ,
И въ дома принесутъ смущеніе, и страхъ,
И цѣпи тяжкія сугубыя неволи!
Такой ли, государь, ждала Россія доли,
Подъ знамена твои собравъ своихъ сыновъ
На пораженіе давнишнихъ ей враговъ,
Къ завоеванію и чести и свободы,
По коихъ, рабствуя, вздыхаетъ многи годы,
И кои были ей терпѣнія предметъ?
Но въ день, но въ часъ одинъ, надежду столькихъ лѣтъ.
Опровергаешь ты неистовымъ упорствомъ,
Ты, первый вождь ея, ты, коего геройствомъ
Одушевились князья, народъ, весь край,

Кого во брани самъ вострепеталъ Мамай,
Покрывъ тотъ трепеть свой гордынею суровой.

Димитрій.

Коль, смерть въ бою принявъ, возмогъ бы жизнью новой
Россію жертвовать, пожертвовалъ бы вновь,
И въ даръ отечеству пролить въ сраженьи кровь
Не только долгомъ чту, за первую чту славу.
Но Ксенію предать насильственному праву
И безпокровной здѣсь въ защитѣ отказать,
Не для отечества, Тверскому угождать,
И вамъ, колеблемымъ сомнѣньемъ неизвѣстнымъ:
Такою слабостью я бѣ сдѣлался безчестнымъ.
А въ чести, князь, моей не властенъ я и самъ.
Примѣръ принадлежитъ потомству и вѣкамъ.
И только я могу Мамаю встрѣтить въ полѣ
И мстивши умереть.

Бѣлозерскій.

Димитрій можетъ болѣ:

И, волею своей полки соединивъ,
Россію свободить, Мамаю побѣдивъ.
Съ Московскимъ воинствомъ противъ Татарской силы
Не мщеніе найдешь, но вѣрныя могилы,
Могилы хладныя, гдѣ бесполезну смерть
Изъ памяти должны текущи годы стерть.
Но мужъ, отечеству доставившій свободу,
Благотворителемъ останется народу,
Доколѣ стогны сель, премѣной вѣковой,
Не порастутъ вездѣ пустынною травой,
Или доколѣ сердца, отъ плевель развращеннымъ,
Не будетъ на землѣ ничто уже священнымъ.
Помысли, государь! князей еще на часъ
Удержитъ, можетъ быть, просительный мой гласъ.
Я къ нимъ теперь спѣшу, чтобъ убѣждать ихъ снова,

И буду отъ тебя согласнаго ждать слова.
Не дай, Димитрій, мнѣ на старости моей
Оплакивать конецъ твоихъ цвѣтущихъ дней
И съ мыслью въ гробъ сойти, что вновь, на долго время,
Татарскаго ярма на выѣ Русской бремя,
Что въ глубинѣ могилъ съ отцами будетъ прахъ
Дѣлать отечества и плачъ, и стонъ, и страхъ,
Что прійдутъ сироты и горестны вдовицы
Смущать нашъ смертный сонъ и тишину гробницы.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій и Бренскій.

Димитрій *сидится въ молчаніи и задумчивости.*

Бренскій.

Или ничто тебя не можетъ убѣдить?

Димитрій.

О, Бренскій, ты вотще мнѣ будешь говорить!
Нѣтъ, послѣ слышанныхъ въ сей день рѣчей угрозныхъ,
Я не могу принять ничьихъ совѣтовъ позднихъ.
Но, осуждая нравъ, иль страсть мою вина,
Оставить можешь ты въ погибели меня.
Иди, умножь число крамольныхъ дружины
И дай въ бою искать сужденной мнѣ кончины!

Бренскій.

Совѣтовъ, государь, не стану повторять;
Что дружба нѣжная тебѣ могла сказать,
Вражда и гнѣвъ князей язвительно сказали
И пропасть, подъ тобой лежащу, указали.
Но гдѣ совѣтами скучаютъ наконецъ,
Тамъ скромный другъ молчить, не такъ, какъ подлый лстецъ,
Который свой кумиръ въ несчастьи оставляетъ,

Но такъ, какъ друга тѣнь, съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ.
Стремишься ты на смерть: и я стремлюсь съ тобой
И часть мою съ твоей не разлучу судьбой.

Димитрій, *вставая*.

Прійди въ объятія, о, сердца другъ надежный,
Во счастья строгій мнѣ и въ злополучьи нѣжный!
Погибнемъ вмѣстѣ мы среди враговъ въ бою,
Но жизнь въ цѣнѣ драгой имъ отдадимъ свою!
Чтобы ихъ тѣлѣ вокругъ насъ не могъ и взоръ исчислить;
Погибнемъ... Но почто намъ унывать и мыслить,
Что неизбежна смерть въ сраженьи предлежитъ?
Я съ воинствомъ еще: такъ пусть Мамай дрожитъ!
Мой братъ Серпуховской остался долгу вѣренъ,
Полковъ Московскихъ духъ чрезъ опыты измѣренъ,
Противъ Татарскихъ ордъ не первый ихъ походъ;
Иду, чтобы собрать бояръ и воеводъ
И возвѣститъ князей постыдно отступленье.
А ты иди къ княжнѣ, и ревности стремленье,
Которымъ Ксенію я столько огорчилъ,
Прощенья коему еще не получилъ,
Ты оправдай предъ ней моимъ о томъ страданьемъ,
Чтобы утѣшила она меня свиданьемъ,
Въ которомъ съ строгостью отказываетъ мнѣ.
Скажи, о, вѣрный другъ! изобрази княжнѣ,
Съ какимъ отчаяньемъ паду мечемъ Мамай,
Подъ гнѣвомъ Ксеніи несчастно умирая.
Но духъ коль ободритъ хоть взоромъ лишь однимъ,
Могу любить я жизнь и быть непобѣдимъ.

www.libtool.com.cn ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляет сборное мѣсто среди лагеря и близъ шатра Дмитрія. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ ночи, передъ разсвѣтомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и воинъ.

Д и м и т р і й.

Допрошенъ ли ужъ былъ начальникъ полоненныхъ,
Отъ войскъ сторожевыхъ отрядомъ приведенныхъ?
Извѣстна ль мысль его, и кто ордынецъ сей?

В о и н ъ.

Отъ рода знатнаго, онъ изъ числа князей,
Пришедшихъ на грабежъ подъ бунчуки Мамаю;
Неосторожными найти насъ уповая,
Для поисковъ ночныхъ онъ предводилъ татаръ:
Вотъ все, что знаю я. Но сонмъ твоихъ бояръ,
Предъ коимъ, можетъ быть, ордынецъ сей признался,
Окончивъ думы часъ, въ патрѣ твоємъ собрался.

Д и м и т р і й.

Введи бояръ сюда! (*Воинъ уходитъ*). Здѣсь общалъ я ждать
Возврата Бренскаго. Надежду ли терять?
Ночь клонится къ концу, и близокъ часъ разсвѣта,
Кровавый битвы часъ; и Бренскій мнѣ отвѣта
Еще не могъ принести; еще не знаю я,
Мила ли Ксеніи печальна жизнь моя,
Иль, равнодушень ей и вовсе злополучной,
Въ сей день желать конца я долженъ жизни скучной,
И безъ надежды мнѣ стремиться должно въ бой,
Чтобы отчаянье скрыть ночью гробовой?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

www.libtool.ru ~~Димитрій~~ и Московскіе бояре.

ДИМИТРІЙ.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтнѣйшій духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своею на васъ,
Цѣнителъ доблестей и часто справедливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью итти во срѣтеніе Мамаю?

БОЯРИНЪ.

Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

ДИМИТРІЙ.

Какую жъ тайну вамъ ордынецъ сей открылъ?

БОЯРИНЪ.

Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколѣ сей главы не сокрушить въ конецъ.
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленной.

Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклонялся словами Алькорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружіемъ умереть!

Димитрій.

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падеть сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ.
И вашъ ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ Самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ то же:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь.

Бояринъ.

Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство Россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставлены большею войска частью,
Не уstraшаемся грозящей намъ напастью:
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя, народъ
Въ владыкахъ зрѣть любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ, не такъ какъ ихъ рабы,
Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,

О жизни молятъ лишь и не стыдятся илѣна;
Но такъ какъ дѣти ихъ, ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костями готовы лечь:
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

Димитрій.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не проживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачатъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ.
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
И праху мыслию потомки поклонялись.
Грядущи времена сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитой.
И коль свободы днесъ мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьи погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почитите!
Бояре мудрые! вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ наступить часъ,
Пусть битву возвѣстятъ воинскій трубный гласъ!
(Бояре уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Димитрій (одинъ).

Когда надежды нѣтъ, отечество любезно,
Чтобъ было мужество мое тебѣ полезно,
Коль рабствовать еще тебѣ назначилъ рокъ:
Надъ бѣдствіемъ твоимъ пролью не слезный токъ,
Но съ жизнію моею послѣдню каплю крови.

А ты, о Ксенія, предметъ моей любви,
Всѣхъ кой бытія сносить бы я не могъ,
Ты въ мысляхъ отъ меня послѣдній примешь вздохъ.
Когда бъ себя межъ васъ дѣлить имѣлъ искусство,
Всю жизнь отечеству и Ксеніи все чувство
Я съ восхищеніемъ навѣки бъ посвятилъ;
Ахъ, что я говорю: я бъ ихъ не раздѣлилъ;
Но вмѣстѣ вы въ душѣ моей соединены,
Вы вмѣстѣ милы мнѣ, вы вмѣстѣ мнѣ священны,
И въ роковой сей день покинуть я отъ васъ!
Но шумъ... Зрю Ксенію: благополучный часъ!
Мамай, вострепещи: я съ жизнью примираюсь!...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Ксенія, Бренской и Избрана.

Ксенія.

Къ тебѣ, о, государь, въ отчаяннѣ являюсь.
Скажи, правдива ль вѣсть, правдивъ ли общій слухъ,
Которымъ сокрушенъ мой слабый нынѣ духъ?
То правда ль, что отъ всѣхъ Димитрій оставляемъ,
Что клонятъ всѣ князья главы передъ Мамаемъ,
Что въ бой, на вѣрну смерть, стремишься ты одинъ,
Что гордый сей Мамай, свирѣпый властелинъ,
Надъ русской храбростью раздоромъ торжествуетъ,
И въ грусти Ксенія всѣ бѣдства испытуетъ?

Димитрій.

Увы, къ стыду князей, та справедлива вѣсть!
Строптивость ихъ сердецъ, забывъ и долгъ и честь,
Предъ ханомъ рабствуетъ и предо мной кичится.
Но торжествомъ еще Мамай не долженъ льститься,
Доколь среди татаръ не упаду я мертвъ,
И крови лишь цѣной, и тысящами жертвъ,
И смертью витязей, и страхомъ смерти близкой,

Онъ купить торжество надъ храбростію Россійской.
~~Но если Ксенія иль слово, или взглядъ~~
Отчаянну любовь надеждой оживять;
Коль общаешь мнѣ, отвергнувъ мысль жестоку,
Не сокрывать себя въ обитель ту глубокую,
Гдѣ тяжкій твой обѣтъ насъ долженъ разлучить,
Гдѣ долженъ онъ съ тобой навѣки заключить
Веселіе души и дней моихъ отраду;
Коль общаешь ты за подвигъ мнѣ въ награду
Даръ сердца твоего, любви нѣжнѣйшій даръ:
То храбрости моей придашь ты новый жаръ,
Рукъ моей придашь чудесной силы свойство.
Не смерть тогда найду: нѣтъ, всѣхъ татаръ героизмъ
Передъ мечемъ моимъ преткнется и падетъ,
И яростный Мамай въ побѣгъ унесетъ
Въ безлюдныя страны и въ дальнія пустыни
Разбитія позоръ и казнь своей гордыни!

Ксенія.

Нѣтъ, съ участію моею не пріобщай къ себѣ
Всѣхъ злополучій тѣхъ, которыми судьбѣ
Усѣять на землѣ мой путь угодно было.
Ахъ, небо грусть и плачъ мнѣ щедро удѣлило,
И по слѣдамъ моимъ вездѣ текутъ бѣды!
Едва, едва прибыть успѣла я сюды:
И надъ Россіей рокъ опять ожесточился;
Геройскій жаръ погасъ, раздоръ воспламенился;
Вновь къ узамъ руки всѣ князя спѣшатъ простерть,
И облегли тебя измѣна вокругъ и смерть.

Димитрій.

Пуškai князя свою измѣну совершаютъ:
Сердца дворянъ, бояръ усердно пребываютъ.
Тотъ безопасенъ князь средь ревностныхъ гражданъ,
Гдѣ сонмъ бояръ премудръ, гдѣ вѣренъ сонмъ дворянъ.
Не будемъ обвинять судьбы опредѣленье!

Быть можетъ, что она Россіи освобожденіе
Предоставляетъ мнѣ со славой произвести
И мнѣ единому предоставляетъ честь
И хана поразить, и витязей коварныхъ,
И снять оковы съ рукъ князей неблагодарныхъ.
Честь оная перейдетъ въ позднѣйши времена:
И Россовъ въ торжествѣ свободны племена
Воспомяніемъ почтутъ меня надгробнымъ.

Ксенія.

Безстрашіемъ твоимъ, отчаянью подобнымъ,
Я нынѣ болѣе должна еще страдать.
Ты хочешь въ бой итти? Что можетъ слаба рать,
Противъ татарскихъ силъ толико ненадежна?
Въ сраженіи ждетъ тебя погибель неизбежна.
Но что я говорю? Несчастлива, увы!
Въ побѣгѣ равная ждетъ смерть твоей главы,
И ею алчутъ днесъ свирѣпыя татары.
О, гнѣвная судьба! ты собрала удары,
Чтобъ ими поразить чувствительный мой духъ!
Лишившись матери, мнѣ оставался другъ,
Для коего сносить я жизнь еще хотѣла:
Но ты разстаться съ нимъ мнѣ грозно повелѣла.
Я шла къ обители и покидала міръ,
Чтобъ въ тайнѣ сердца скрыть любви моей кумиръ,
Чтобъ съ мыслию о немъ въ убѣжищѣ скитаться,
Тамъ именемъ его и славой утѣшаться
И тамъ съ восторгами моленіямъ внимать,
Въ которыхъ будетъ клиръ его благословлять:
Но ты и сихъ оградъ меня лишить желаешь;
Послѣдню связь мою съ землеюрываешь
И смертію его грозишь мнѣ сиротствомъ.
Нѣтъ, государь, тебѣ съ толь малымъ войскъ числомъ
Нельзя стремиться въ бой. Князей сюда сзываю
И, можетъ, быть...

Димитрій.

www.libtool.com Что ты ждешь отъ нихъ?

Ксенія.

Не знаю;

Но, чтобъ спасти тебя, чтобъ гибель отвратить,
Я всё старанія должна употребить.
Коль полу нашему природныя законы
Не дали силъ другихъ, какъ только плачъ и стоны,
Я ихъ употребляю. Раздора я виной;
Пускай князья свой гнѣвъ свершаютъ надо мной;
Пускай меня разятъ, лишь бы тебя спасали!
Мнѣ благомъ будетъ смерть: она конецъ печали!

Димитрій.

И буду я терпѣть, чтобъ ими ты была
Оскорблена при мнѣ?

Ксенія.

Коль я тебѣ мила,
Коль ты любовію горишь неллицемерной,
Терпѣніемъ своимъ яви залогъ мнѣ вѣрной!
Въ бѣдахъ отечества что значить жизнь моя?
Ихъ сонмъ сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Всѣ прежніе, Тверской, Вѣлозерскій, Смоленскій и прочіе
князья.

Ксенія.

О, мудрые князья!

Возникшей распри здѣсь причиной бывъ несчастной,
Вашъ призываю судъ: пусть будетъ безпристрастной!
И ты, Тверской, и ты, столь раздраженный мной,
Плачевной Ксеніи будь грознымъ судіей!
Объщанна тебѣ, твою отвергла руку,

И тайную печаль, и тайну сердца муку
Въ обители сокрытъ отъ всѣхъ хотѣла глазъ.
Но ты проникъ, чему мой приписать отказъ;
Проникъ, что страсть въ душѣ къ другому я имѣю:
Я подтвердить о томъ тебѣ предъ всѣми смѣю.
(Указывая на Димитрія).
Вотъ тотъ, кого любовь мнѣ другомъ избрала!

Тверской.

На поруганье ль ты меня сюда звала,
Готовивъ торжество сопернику надъ мною!

Ксенія.

Ахъ, нѣтъ: винить себя хочу передъ тобою!
Негодованію чтобы не знаяши мѣръ,
Ты казнь мою свершилъ для слабыхъ душъ въ примѣръ;
Чтобы онѣ моимъ проступкомъ изумились,
Содроглись казни сей и такъ любить страшились!
Не оправдаюсь тѣмъ, что, слова не дававъ,
Твоихъ я надъ собой не признавала правъ,
И быть рукъ моей еще свободной мнила
Искать супруга мнѣ по сердцу болѣ мила;
Не извинюсь и тѣмъ, что нѣжная мнѣ мать
Позволила любовь къ Димитрію питать:
Конечно, тѣнь ея страдаетъ вкругъ безмолвно
За сердце дочери, передъ тобой виновно.

Тверской.

Виновно, и ничто не можетъ оправдать.
Родитель могъ одинъ тобой располагать,
И съ обрученіемъ имъ право то священо
Мнѣ было надъ тобой по смерти твою вручено.
Ты не должна съ того торжественнаго дня
И мысли бы имѣть, сокрытой отъ меня.

Ксенія.

www.libtool.com.cn
Такъ правомъ пользуйся, что далъ тебѣ родитель,
И въ наказаніе назначь мою обитель,
Обитель строгую, среди пустынныхъ мѣстъ,
Гдѣ бы въ трудахъ несла я тяжкій жизни крестъ!
Назначь хоть въ той странѣ, гдѣ часть большую года
Безъ солнечныхъ лучей печалится природа;
Гдѣ бурь порывистыхъ мнѣ будетъ грозный ревъ
На память приводить твой справедливый гнѣвъ!
Но гнѣвъ довольствуй сей ты казню моею!
И васъ, князя, о томъ молить я нынѣ смѣю!
Для имени супругъ, сестеръ и дочерей,
Всего, что мило вамъ быть можетъ въ жизни сей,
Моею казню прервите огонь раздора;
Соединитесь вновь къ изглаженью позора
И рабства блѣдности съ Россійскаго чела!
Я распрю между васъ съ собою принесла:
Извергните меня, въ безлюдный край ссылайте,
Но лишь стѣнящее отечество спасайте!

Тверской.

Какъ ни обиденъ былъ твой, Ксенія, отказъ,
Я снисходительнымъ еще хочу быть разъ.
Вражда ль противъ татаръ, которыхъ жажду крови,
Иль память о моей предъ симъ къ тебѣ любви,
Внушаютъ мнѣ теперь забыть проступокъ твой,
Простить обиды всѣ, итти въ кровавый бой,
И вновь Дмитрію союзникомъ быть вѣрнымъ,
Какъ духомъ я его ни оскорбленъ надменнымъ;
Но для забвенія моихъ отъ васъ обидъ,
Чтобы твой бракъ со мной предъ войскомъ стеръ мой стыдъ,
Клянись, что въ сей же день пойдешь къ вѣнцу: и снова
Союзный мечъ принять рука моя готова.

Ксенія.

Ахъ, ты неумолимъ ко мнѣ, какъ гнѣвный рокъ!
Будь менѣ жалостливъ, иль менѣ жестокъ!
Ты хочешь пощадить и сердце раздираешь.

Бѣлозерскій.

Подумай, Ксенія, что, можетъ быть, спасаешь
Ты должнымъ бракомъ симъ честь Русскія страны,
Свободы ждущія плодомъ сея войны.
Какой примѣръ подашь! Чье сердце оробѣтъ,
Коль сердце Ксеніи любовь преодолѣтъ
И болѣе нежель жизнь на жертву принесетъ?
Но ты молчишь. Скажу ль, что оный бракъ спасетъ
Того, къ кому вся мысль твоя стремится тайно;
Что дни Дмитрія...

Димитрій.

Какое чрезвычайно

Усердіе за дни, покинуты отъ васъ!
Такъ, Ксенія теперь согласье иль отказъ
Рѣшать мою судьбу, и чувства, и желанья;
Но вашего избавьте состраданья!
Погибну или нѣтъ, что нужды до того?

Смоленскій.

Предъ слабостью княжны, предъ гордостью его
(Указывая на Дмитрія).

Не тщетно ли слова и время мы теряемъ!
Проходитъ ночи мракъ, и миръ еще съ Мамаемъ
Не совершенъ у насъ. Къ предупрежденью бѣдствъ,
Пошлемъ дань собранну, коль нѣтъ надеждъ и средствъ
Къ разсудку преклонить Дмитрія упорство,
Которо Ксенія питаетъ непокорство!

Тверскоі.

Смущаюся стыдомъ, о, твердые друзья!
Что могъ унизиться еще прошеньемъ я.

Но предъ отцомъ княжны и предъ Россіей всею
Я несомнѣнныхъ въ вѣсть свидѣтелей имѣю.

Вашъ голосъ возвѣститъ отечеству въ слезахъ,
Кого должно винить оно въ своихъ бѣдахъ,
Надъ чьей главой возлечь должно негодованье.
И пусть позоръ гражданъ и общее страданье
Виновныхъ поразятъ; пусть Ксеніи отецъ,
Внимавъ стенанію всѣхъ ропщущихъ сердецъ,
И ждавшій отъ нея предъ гробомъ утѣшенья,
Клянетъ преступницы и самый день рожденья.

(Хочетъ идти).

Д и м и т р і й.

Что смѣешь ты вѣщать?

К с е н і я, *останавливая Тверскаго.*

Жестокій князь, постой!

Отъ страшныхъ сихъ угрозъ весь духъ содрогся мой.

Кто, я, отечествомъ въ несчастьяхъ обвиненна,
Я буду клятвою отца обремененна,
Сей клятвой тяжкою, которую и смерть
Съ главы уже моей не въ силахъ будетъ стерть,
Отъ коей самый прахъ въ могилѣ не избѣгнетъ,
И съ коей тѣнь мою тѣнь матери отвергнетъ?
О, мысль ужасная! Избавь отъ клятвы сей!
И можешь коль еще желать руки моей,
Котору не любовь, но трепеть предлагаетъ;
Прійми, и пусть меня отецъ не проклинаятъ!

Д и м и т р і й.

Несчастлива Ксенія, что дѣлаешь?

К с е н і я.

Мой долгъ,

Природы стонъ велитъ, чтобъ гласъ любви умолкъ.
(Димитрій въ отчаяніи склоняетъ голову на перси Бренскаго).

Т В Е Р С К І Й.

Души твоей, княжна, побѣдѣ удивляясь,
Довольствуюсь рукой, на время полагаясь,
Что и любви твоей достойнымъ буду я.

(Къ князьямъ)

О битвѣ помышлять намъ слѣдуетъ, друзья!
Нашъ храбрый духъ предъ симъ обидою былъ связанъ;
Она отомщена: Дмитрій самъ наказанъ;
(При семь стихъ, Дмитрій отъ унынія переходитъ къ
ярости).

И Ксенію во храмъ...

Д и м и т р і й.

Во храмъ не поведешь,
Искать сраженія ты далѣ не пойдешь.
(Хочетъ обнажить мечъ и бросаясь къ Тверскому):
Чтобъ мечъ рѣшилъ...

Бѣлозерскій, останавливая Дмитрія.

Постой! Соперникъ безоруженъ.

Д и м и т р і й.

Пусть мечъ велитъ подать!

Ксенія становится между Ди-
митріемъ и Тверскимъ.

Нѣтъ, мечъ ему не нуженъ;

Ему противъ тебя моя защитой грудь.
Рази и въ ярости законы всѣ забудь!
Счастлива, коль спасу дни будуща супруга.

Т В Е Р С К І Й.

Дмитрій, пощадимъ взаимно другъ мы друга!
Обычай боевъ сихъ, въ странахъ иныхъ законъ,
Въ простые нравы къ намъ донинѣ не введенъ;
Намъ мечъ противъ враговъ отечество вручаетъ:
И врагъ его, Мамай, насъ въ битву вызываетъ.

Тамъ храбрыхъ воиновъ сіянье ждётъ вѣнцовъ;
Но плачь и стонъ семействъ преслѣдуютъ бойцовъ.
Пойдемъ и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достойнъ болѣ!

*(Тверскій ведетъ Ксенію, за ними слѣдуютъ Избрана и
предстоящіе князья).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій и Бренскій.

Д и м и т р і й.

Недвижимъ... Ксенію позволилъ я отвезти!
Какую можетъ въ насъ несчастье произвести
Безчувственность души! Я мыслить не способенъ;
Весь умъ разсѣянъ мой; и я теперь подобенъ
Тому несчастному, кто друга въ смертный часъ
Ловилъ слова, и вдругъ... прервался томный гласъ:
Своей печали онъ мгновенно не измѣрить;
Другъ смертью похищенъ, и смерти онъ не вѣрить.
О, рокъ, какой ударъ судилъ мнѣ испытать!

Б р е н с к і й.

Уклонимся въ шатеръ, чтобъ вмѣстѣ тамъ стенать!
Здѣсь любопытный взоръ быть можетъ привлекаемъ.
Сей грустью, коей ты жестоко толь терзаемъ.

Д и м и т р і й.

Пускай все воинство и вся Россія пусть
Познаютъ, коль хотятъ, любовь мою и грусть.
Лишь Ксенія признать любви сей не хотѣла;
Всея горести моею она не пожалѣла,
Сей вѣчной горести...

(За театромъ слышны трубы).

Но трубный слышу гласъ...

Б р е н с к і й.

Въ сраженъе, государь, онъ призываетъ насъ.
Прииди опять въ себя, и мужествомъ, пристойнымъ
Димитрія душѣ, явися ты достойнымъ
Надежды общія отечества всего!

Д и м и т р і й.

О, часъ, желанный часъ для сердца моего,
Которо въ ярости обманутой любви
Пылаеть алчностью къ пролитю нынѣ крови!
Васъ встрѣчу наконецъ, Мамай иль Челубей,
Свирѣпы, ищущи мечемъ главы моей!
Пойдемъ и ихъ искать!

(Отходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается).

Но, не владѣвъ собою,

Не въ силахъ учредить моихъ полковъ я къ бою;
Ихъ погубить могу отчаяньемъ моимъ.
О, Бренскій, вѣрный другъ, подъ знаменемъ большимъ
На мѣсто стань мое, и мужествомъ спокойнымъ
Ты рати предводи ко подвигамъ достойнымъ;
Ты замѣни меня въ рѣшительный сей день,
И знаки княжески и шлемъ ты мой надѣнь!

Б р е н с к і й.

Чего ты требуешь? Какая мысль сурова...

Д и м и т р і й.

Въ сей день приличенъ видъ мнѣ воина простого:
Сіянiе сихъ бармъ всѣхъ Русскихъ собереть
И отъ главы моей погибель отженеть,
А я опасностей и смерти лишь желаю.

Б р е н с к і й.

Съ слезами, государь, еще къ тебѣ взываю:
Позволь опасности съ тобою мнѣ дѣлать!
Когда погибнешь ты, какъ возмогу я жить?

Передъ отечествомъ мой будетъ стыдъ безмѣрный,
Что пережилъ тебя оруженосецъ вѣрный.

Д и м и т р и й.

Для друга дни свои ты долженъ сохранить;
Они полезны мнѣ по смерти могутъ быть.
Вотъ цѣпь, которая груди моей касалась;
Вручи ее княжнѣ! Когда она являлась
Или очамъ моимъ, иль мысли лишь моей,
Грудь билась пламенна подъ скромной цѣпью сей:
Залогомъ ей отдай, когда меня не станетъ,
Какъ сердце ужъ мое и биться перестанетъ,
Но коль любовника оплачетъ хоть слезой,
Ту радость принеси на гробъ печальный мой!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ долину между горъ, покрытую лѣсомъ. Съ правой стороны, срубленное дерево лежитъ надъ большимъ камнемъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Ксенія и Избрана.

К с е н і я.

Что далѣе бѣжать? Дай Ксенія унылой
Въ пустынныхъ сихъ мѣстахъ собраться съ новой силой!
Иль лучше будемъ здѣсь свирѣпыхъ ждать татаръ.
Чтобъ ихъ кровавыхъ рукъ убійственный ударъ
Достигъ, сразилъ меня, и смерть моя бы слезна
Платила днесъ за смерть Дмитрія любезна!

И з б р а н а.

Ужель извѣстна ты, что онъ въ бою убить,
Иль кто вѣщалъ?...

К с е н і я .

www.libtool.com.cn

Никто; но все о томъ гласитъ.

Разстройство нашихъ войскъ, стремительно ихъ бѣгство,
И дикій крикъ Татаръ, которыхъ нагло звѣрство
До стана нашего, и даже въ самый станъ,
Преслѣдуетъ мечемъ несчастныхъ Россіянъ:
Не все ль Димитрія погибель возвѣщаетъ?

И з б р а н а .

И такъ отечество съ свободою теряетъ
И храброго вождя, главу своихъ князей!

К с е н і я .

День злополучнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ дней,
Въ который я могла всѣхъ бѣдствій быть виною
И руки согражданъ моей сковать рукою!

И з б р а н а .

Но чѣмъ виновна ты? Иль жертва та мала,
Которую ты въ даръ Россіи принесла,
Когда во храмъ итти дала Тверскому слово?
Что насъ спасти могло, коль небо къ намъ сурово?

К с е н і я .

Ахъ, мечъ Димитрія спасти бы насъ возмогъ!
Великому душой покорень въ браняхъ рокъ.
Великимъ небеса Димитрія послали;
Но духъ его упалъ подъ бременемъ печали.
И я источникомъ печали тяжелой сей!
Не могъ, конечно, онъ измѣны снести моей.

И з б р а н а .

Но должность можетъ ли измѣной называться?
И клятвѣ ли отца могла ты подвергаться?

К с е н і я .

Не вѣдаю, увѣ, не клятва ль надо мной
Уже положена десницею роковой?
Но отъ рожденія, Избрана, я несчастна,
И постояннѣ рокъ до дня сего ужасна,
Въ который ярости всю мѣру истощилъ.
Димитрій, можетъ быть, любовь мою винилъ...
О, мысль жестокая! И я не умираю!
Отъ смерти и татаръ изъ стана убѣгаю!
Ахъ, возвратимся въ станъ, чтобы ордынцевъ мечъ
Мое отчаянье могъ съ жизнію пресѣчь!

И з б р а н а .

Зрю Русскихъ воиновъ; бояринъ имъ предводитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Ксенія, Избрана и бояринъ Московскій съ нѣсколькими воинами.

К с е н і я .

Бояринъ доблестный, скажи, ужель приходитъ
Конечна гибель намъ? Неистовый Мамай
Порабощаетъ ли несчастный Русскій край?

Б о я р и н ъ .

Спокойся, о, княжна! Побѣда совершенна;
Разбитый ханъ бѣжитъ; Россія свободженна.

К с е н і я .

О, милосердый Богъ, Ты нашъ услышалъ гласъ!
Не до конца еще прогнѣвался на насъ
И Русскихъ осѣнилъ Ты силою своею!
Ахъ, въ полной радости надѣяться я смѣю,
Что Ты Димитрія въ бою спасти возмогъ,
Чтобъ видѣлъ взоръ его ордынцевъ стертый рогъ.
И восходящее отѣчество изъ плѣна!

(Къ боярину).

Но Расскажи ты мнѣ, какая перемяна
Изъ спасенію Россіянъ послѣдовать могла?

Бояринъ.

Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы!
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго дупей среди самихъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падеть!
Подобно замысли обрушились Мамаея.
Полки Россійскіе, отмщеніемъ старая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги;
Едва завидя ихъ, удвоили шаги:
Но вскорѣ туча стрѣлъ, какъ градъ средь лѣтня зноя,
Спустилась съ свистомъ къ намъ предшественницей боя.
Безмолвно воины межъ тѣмъ идутъ впередъ:
Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ отдастъ;
Ряды сомкнувъ и щитъ о щитъ сомкнувши ближней,
Являли ратники видъ крѣпости подвижной.
Идемъ, и съ нами вдругъ ордынцевъ рать сошлась,
Раздался воевъ крикъ, и сѣча началась.
Внезапно сонмъ бойцевъ татарскихъ показался:
Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.
Какъ вихри бурные, рожденны среди горъ,
Черезъ степь пространную легять въ дремучій боръ,
И слабыя древа порывами ломають,
И сосны твердыя вверхъ корнемъ исторгають,
Такъ два богатыря, Темиръ и Челубей,
Стремятся къ намъ въ полки чрезъ тысячи мечей:
Предъ ними страхъ бѣжитъ, и съ ними смерть летаетъ,
И мертвая града ихъ бѣга слѣдъ являетъ.
Ужъ множество бояръ и сильныхъ воеводъ,
И доблестныхъ князей, какъ рушанный оплотъ,
Въ крови, на грудахъ тѣлъ разсѣянныхъ лежало;
Отъ сихъ богатырей все съ трепетомъ бѣжало;

И Бѣлозерскій князь, чтобъ войско удержать,
Вотще отважности примѣръ хотѣлъ подать:
Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сраженны,
Всѣ шесть смертей душѣ отцовской нанесенны;
Но твердь, изъ глазъ нѣтъ слезъ, изъ устъ неслышенъ стонъ,
Онъ хочетъ вмѣстѣ пасть; и палъ навѣрно бъ онъ,
Коль не явились бы два воина Россійскихъ,
Чтобъ грозну смерть изъ рукъ исхитить богатырскихъ,
Одинъ изъ нихъ чернецъ, извѣстный Пересвѣтъ,
Который, въ мирны дни оставивъ шумный свѣтъ,
Въ обители скрывалъ боярства санъ высокой;
Но гласъ отечества изъ тишины глубокой
Его призвалъ на брань со славой прежнихъ дѣлъ:
Широкъ, могущъ плечыи, душею бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился,
И такъ, какъ глыба съ горъ, съ нимъ вмѣстѣ мертвъ свалился;
Но между тѣмъ вблизи идетъ ужасный бой;
Огромный Челубей и воинъ тотъ другой,
Который прибылъ къ намъ, какъ помощью небесной,
Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ битвою чудесной.

Ксенія.

Но кто сей воинъ былъ? И какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о доблести его?

Бояринъ.

Незнаемъ онъ никѣмъ. Опушено забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало;
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простого воина на немъ являли видъ;
Поязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь, родъ его высокій обличала.
Искусству воина дивится Челубей,
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры,

Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры;
Ордынецъ же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твердый щитъ, или проворный мечъ
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый
И, отступивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ
Булатный длинный мечъ, мечтаетъ, что, напавъ
Съ разбѣга скорого, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской;
Стремится къ воину; сей зрѣть грозу и ждетъ;
Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ;
Но воинъ отступилъ, мечъ въ воздухъ ударяетъ
И тягостью своей ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ навѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ:
Мамай издалека смерть видѣлъ Челубея
И, изумившись ей и страхомъ цѣпенія,
Не вѣдалъ, что начать; въ боязни умъ исчезъ,
Тѣмъ временемъ съ полкомъ, покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Дмитрія въ татаръ ударилъ съ тыла.
Тогда Ордынецъ рать побѣгомъ степь покрыла.
Мамай и витязи, оружье побросавъ,
Отъ напея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ:
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога;
И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!

Ксенія.

Но о Дмитріи ты мнѣ не говоришь:
О, страхъ! Несчастіе ль отъ Ксеніи таньшъ?

Бояринъ.

Объ участи его никто еще не знаетъ;
Сіе невѣдѣнье все войско сокрушаетъ:
Ни онъ не сыщется, ни воинъ храбрый тотъ,
Кѣмъ пораженъ татаръ надежнѣйшій оплотъ.

Въ долину сей князя назначили собраться,
Близъ поля ратнаго чтобъ вѣстѣ совѣщаться,
Какъ имъ Дмитрія и воина найти.
Надѣясь видѣть ихъ, спѣшилъ сюда прійти...

Ксенія.

Увы, чего намъ ждять отъ хладныхъ ихъ стараній!
Но мнѣ сомнѣнія нельзя сносить страданій.
Чтобъ время не терять, бояринъ, въ станъ пойдемъ;
Московскихъ воиновъ и Низовыхъ сберемъ;
Пускай бѣгутъ они, разсѣются повсюды,
Чтобъ мертвыхъ ни одной не пропускали груды,
Гдѣбъ ихъ усердный взоръ вождя ихъ не искалъ,
Быть можетъ, раненый, средь мертвыхъ онъ упалъ
И нужной помощи къ спасенью ожидаетъ;

(къ Избрань):

Быть можетъ, что меня онъ мыслью призываетъ.

(Ксенія уходитъ, и всѣ за нею слѣдуютъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Димитрій раненый, въ видѣ простаго воина показывается на горѣ
при послѣднихъ двухъ стихахъ предыдущаго явленія и, выждавъ,
чтобы всѣ удалились, сходитъ съ горы тихо и опираясь на мечъ.

Димитрій (поднимая забрало шлема).

Я Ксенію ль теперь въ долину видѣлъ сей?
Иль то обманъ моихъ слабѣющихъ очей,
Прельщеніе души, мечта воображенія,
Которою мои сугубятся мученья,
Которая въ сей часъ напоминаетъ мнѣ,
Что въ станѣ брачный храмъ готовится княжнѣ,
Что въ станѣ... Но туда уже не возвращуся:
Уединенный здѣсь кончины я дождуся.
О, язвы тяжкія, благословляю васъ!
Вы приближаете тоски послѣдній часъ.

(Садится на камень).

Сей камень будетъ одръ, гдѣ кончу дни унылы,
И онѣй будетъ кровь Дмитрія могилы:
Счастливъ, что возмогу близъ мѣстъ священныхъ лечь,
Гдѣ поразилъ татаръ отечественный мечъ!

(Прерывающимся голосомъ):

А ты, чью испыталь я дружбу чрезвычайну,
Одинъ повязки сей, хранящей мрачну тайну,
По коей друга ты искать въ сей день хотѣлъ
Средь умирающихъ или умершихъ тѣлъ,
О, Бренскій, поспѣши!...

(Упадаетъ на камень).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дмитрій, лежащій подъ деревомъ, Бѣлозерскій, Тверскій, Ксенія,
Избрана, бояринъ Московскій, нѣсколько князей и бояръ, воины.

Тверскій.

Друзья, сказать не знаю,
Веселье ли теперь, что Ксенію встрѣчаю,
Или предчувствіе надежду подаетъ,
Что наше общее усердіе найдетъ
Того воителя, кѣмъ Челубей суровый,
Какъ горда башня, палъ, и спали съ насъ оковы.
О, праотцы мои! вы днесъ отомщены;
Ордынцевъ кровію поля обагрены;
Возстаньте отъ гробовъ вы всѣ, татаровъ жертвы,
И къ радости тѣла исчислите ихъ мертвы!
Я вами здѣсь клянусь воителя сего
Принять, признать и чтить за брата моего,
Хотябъ роженіе въ немъ родъ простой явило.

Бѣлозерскій.

Когда Всевышнему угодно нынѣ было
Лишить меня надеждъ сраженьемъ сыновей,
Симъ гнѣвомъ посѣтитъ на старости моей,
Не допустивъ отца насъ мертвымъ съ ними въ полѣ;

Ужель откажетъ мнѣ въ своей святой Онъ волѣ
Отмстителя сыновъ чело высоко зрѣть
И съ утѣшенемъ симъ спокойно умереть!

Тверскій (*къ воинамъ*).

Усердны воины, искать его идите!...

Бѣлозерскій.

Но болѣе еще Дмитрія нищте!
Вспомните, друзья, что сей великій мужъ
Воспламенить умѣлъ отважность Русскихъ душъ;
Что первый напу мощь онъ мыслию измѣрилъ!
И славѣ Россіянъ подъ игомъ даже вѣрилъ!
Стремитесь... но племъ и бармы зрю его...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Всѣ **прежніе и воины**, сопровождаемый большимъ числомъ другихъ
воиновъ, приносятъ племъ, бармы и цѣпь великаго князя. Приносятъ
также бунчуки татарскіе.

Ксенія (*увидѣвъ племъ и бармы, упа-
даетъ къ Избранъ*).

Погибъ! Свершилось все для сердца моего.

Тверскій.

О, Ксенія!

Ксенія (*въ отчаяніи*),

Ахъ, слезъ моихъ не сокрываю!
Тебя, о, государь! я ими оскорбляю;
Карай виновницу во гнѣвѣ ты своемъ!
Но и подъ гнѣвомъ смѣю, и подъ твоимъ мечемъ,
Скажу, что слово давъ, тебѣ я измѣняла;
Что я Дмитрія любить не преставала;
Обманывала всѣхъ: его, князей, тебя,
И небо, и людей, и самую себя.

Пусть преступницу рука твоя сражаетъ,
Когда ~~отчаянье~~ ~~меня~~ не убиваетъ!

Тверскій.

Соперникъ мой погибъ: чтобъ съ смертію его
Погасла навсегда страсть сердца твоего
Для тишины моей, а болѣе для чести!

Бѣлозерскій (*къ воину*).

О ты, въ сихъ знакахъ намъ принесшій скорбны вѣсти,
Скажи, Дмитрія въ какихъ мѣстахъ нашелъ?

Воинъ.

Не на Дмитрія я шлемъ княжескій обрѣлъ,
Но между мертвыми лежалъ въ сихъ знакахъ Бренской:
Поблизости его поверженъ князь Смоленской,
И на землѣ вкругъ нихъ татарскихъ гряда тѣлъ
Являетъ, сколь враговъ ихъ мечъ сразить успѣлъ!

Дмитрій (*вставая*).

Ахъ, силы здѣсь мои сонъ нѣсколько поправилъ!
Но Бренскаго не зрю: иль онъ меня оставилъ,
Подобно Ксеніи?...

Бѣлозерскій.

Я слышу чей-то стонъ!

(*Идетъ къ дереву*).

Дмитрій.

(*Опускаетъ голову*).

Внимаю шумъ вблизи.

Бѣлозерскій (*подбѣгаетъ къ Дмитрію*).

О, небо, это онъ,
Тотъ воинъ, чья рука богатыря сразила
И смерть моихъ сыновъ достойно отомстила!
Повязку узнаю. Отъ скорбнаго отца,

О, витязь, не скрывай ты свѣтлаго лица!
Дай взору моему симъ зрѣньемъ насладиться;
Повѣдай имя намъ, которымъ ты гордиться
Въ отечествѣ своемъ отнынѣ долженъ вѣкъ!
Хотябъ судьбою былъ незнатный человѣкъ;
Но, храбростью смиривъ гордыню ханской выи,
Великъ ты именемъ спасителя Россіи.
Молчишь, не внемлешь мнѣ: почтожь меня спасать?
Ахъ, лучшебъ близъ дѣтей ты умереть мнѣ далъ!
(Димитрій поднимаетъ забрало).

Бѣлозерскій.

Димитрій!

Бояринъ (бросаясь на колѣна передъ
Димитріемъ).

Государь!

Тверскій (отступая отъ Димитрія
въ сторону).

Что вижу!

Ксенія (тихо къ Избранъ).
Оживаю,

И слезы радости я первы проливаю.

Димитрій (къ Бѣлозерскому)

Твое прискорбіе меня превозмогло;
Несчастному открылъ несчастнаго чело.

Бѣлозерскій.

Какъ не позналъ тебя по сильнымъ тѣмъ ударамъ,
Съ которыми твой мечъ несъ быстру смерть татарамъ!
Но, государь, твой шлемъ и твой доспѣхъ избить;
Что вижу я: увы, ты ранами покрытъ!

Ксенія.

О, страхъ!

Димитрій.
Онѣ теперь отрадою душевной;
Онѣ мнѣ сократятъ срокъ жизни сей плачевной.

Бѣлозерскій.
Но жизнь Димитрія отечеству нужна.

Димитрій.
Съ лишеньемъ Ксеніи несносна мнѣ она.
Миѣ міръ пустынею, свѣтъ солнца ненавижу;
И только другъ одинъ... Но Бренскаго не вижу:
Гдѣ медлитъ онъ?.. Почто ко мнѣ не поспѣшитъ?
Но вы безъ словъ... Печаль на лицахъ говоритъ;
Она вѣщаетъ мнѣ, что другъ погибъ навѣрно...
Мое несчастье и полно и примѣрно.
И вы, жестокіе, мнѣ предлагать могли
Безъ дружбы и любви скитаться на землѣ!
(Упадетъ на камень).

Ксенія.
Избрана, стонетъ онъ, и доступить не смѣю,
Чтобъ утѣшать его любовію моею.

Тверскій.
О, какъ пронзителенъ гласъ горести его!
Неволею достигъ до сердца моего.
(Подходитъ къ Димитрію)
Димитрій, ободрись! Тверскій къ тебѣ зоветъ.

Димитрій.
При краѣ гробовомъ чей голосъ поражаетъ?
Тверскій, пришелъ ли ты мою кончину зрѣть?
Ужель не дашь ты мнѣ и съ миромъ умереть?
Но доверши вражду; вели прійти невѣстѣ,
И смертію моею вы наслаждайтесь вѣстѣ;
Умножьте радость симъ веселаго вамъ дня!

ТВЕРСКІЙ.

Приблизься, Ксенія, и оправдай меня;
Увѣрь, что не припелъ я грустью веселиться,
Но сердцемъ Ксеніи съ Димитріемъ мириться!

(Къ Димитрію).

Супругу днесъ прійми ты отъ руки моей!
Чегобъ не сдѣлалъ я предъ властію твоей,
То здѣсь я дѣлаю, Россіи гласъ внимая
Предъ побѣдителемъ свирѣпаго Мамаю.

Димитрій *(взявъ за руку Тверскаго).*

Великодушный князь!... Побѣда надъ собою!

(Къ Ксеніи).

Ты превзошелъ меня... Я соединенъ съ тобой...

(Ксенія бросается въ объятія Димитрія).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Всѣ прежніе и воинъ.

Воинъ.

Твой братъ Серпуховской, преслѣдовавшій хана,
Ждетъ, государь, тебя ко воинамъ у стана.
Дивяся доблестямъ и подвигамъ твоимъ,
Всеобщій ратныхъ гласъ назвалъ тебя Донскимъ.
(Воины опускаютъ знамена и бунчуки, на кои складываютъ щиты).

Димитрій *(возвращаетъ)*

Пойдемъ, веселье ихъ щедротами прибавимъ,
Спокоюмъ раненыхъ, къ умершимъ долгъ отправимъ.
*(Поддерживаемый, съ одной стороны, Ксеніей и Бѣлозерскимъ,
съ другой стороны, бояриномъ, приходитъ на средину театра
и упавъ на колѣна):*

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:

Прославь, и утверди и возвеличь Россію!

Какъ прахъ земный, сотри враговъ кичливу выю,

Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ;

Языки, вѣдайте,—великъ Россійскій Богъ!

Эту фразу повторилъ в. в. Озеръ
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ.

Биографическій очеркъ съ критическимъ обзоромъ его литературной дѣятельности.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ родился въ с. Казанскомъ, Тверской губ., Zubцовскаго уѣзда, принадлежавшемъ его отцу. Дѣтство его прошло при неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ онъ рано лишился матери, и отецъ вступилъ во второй бракъ. Воспитаніе онъ получилъ французское, такъ что первое стихотвореніе, написанное имъ, было на этомъ языкѣ. Вскорѣ его отвезли въ Сухопутный Шляхетскій кадетскій корпусъ, подобно многимъ русскимъ писателямъ того времени. По выходѣ изъ корпуса, Озеровъ служилъ въ военной службѣ и даже былъ въ дѣйствующей арміи во время турецкой войны, лично участвовавъ во взятіи Бендеръ Потемкинымъ въ 1789 году. Затѣмъ, нѣкоторое время состоялъ адъютантомъ при директорѣ шляхетскаго корпуса Ангальтѣ, а потомъ перешелъ на службу въ лѣсной департаментъ, и здѣсь, объѣзжая лѣса Симбирской и Казанской губерній, своею неподкупной честностью успѣлъ доставить казнѣ весьма значительныя выгоды, за что и награжденъ былъ чиномъ генераль-маіора.

На литературное поприще Озеровъ выступилъ въ 1794 г., вольнымъ стихотворнымъ переводомъ иронды Колярдо: „Элоиза къ Абеляру“; за ирондой послѣдовали четыре оды, четыре басни и семь посланій, гимновъ, отрывковъ изъ Расиновой Гофоліи и пр. Эти первые опыты, отличаясь гладкостью

стиха и довольно изящной формой, не были отмѣчены никакими особыми достоинствами. Родъ поэтическихъ произведеній, окружавшихъ имя Озерова необыкновеннымъ блескомъ и славой въ глазахъ его современниковъ, была трагедія, въ которой рѣзко обозначился переходъ отъ традицій чистаго псевдо-классцизма къ идеаламъ романтики съ преобладаніемъ сентиментализма. Послѣдній явился прямымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ личной жизни поэта. Сильная и несчастная любовь къ замужней женщинѣ, которая не могла быть подругой его жизни, послужила основнымъ стимуломъ его элегическаго настроенія, которымъ запечатлѣны всѣ его произведенія. Это основное настроеніе въ послѣдствіи усилилось еще подъ вліяніемъ рѣзкихъ нападокъ его завистниковъ и недоброжелателей, о которыхъ Жуковский, въ своемъ стихотвореніи на смерть Озерова, говоритъ:

Чувствительность его сразила,
Чувствительность, которой сила
Монны душу создала,
Пѣвцу погибелью была...

Первою трагедіей Озерова была: „Смерть Олега Древлянскаго“, представленная на петербургской сценѣ въ 1798 г. Этотъ первый опытъ нашего драматурга написанъ въ стилѣ Княжнина и отличается болѣе его недостатками, чѣмъ его достоинствами. Слѣдующая затѣмъ трагедія: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, составляющая частью переводъ и частью передѣлку пьесы французскаго драматурга Дюсси (1733—1816), рѣшительно выдвинула Озерова изъ ряда современныхъ ему драматурговъ. При появленіи своемъ на сценѣ, она поразила всѣхъ изяществомъ формы, блескомъ поэтическаго стиха, полного гармоніи, силы чувствъ и огня. Трагедія надолго стала любимѣйшею пьесой публики: цѣлые монологи заучивались наизусть и произносились въ обществѣ на вечерахъ и собраніяхъ. Автора носили на рукахъ, прославляли на всѣ лады, собирали по подпискѣ деньги, чтобы выбить медаль въ честь автора „Эдипа“ и тѣмъ увѣковѣчить его имя. Основа траге-

діи „Едіпъ въ Аѳинахъ“ взята изъ классической ѳивской легенды о царѣ Лаіѣ и сынѣ его Едіпѣ. Вотъ эта легенда, какъ она изложена въ трагедіяхъ Софокла Едіпъ царь, Едіпъ въ Колоніѣ и Антигона:

Городъ ѳивы пораженъ страшной моровою язвой. Въ бѣдственномъ положеніи своего народа принимаетъ горячее, сердечное участіе царь ѳивскій Едіпъ. Между тѣмъ, Дельфійскій оракулъ возвѣщаетъ, что моровая язва прекратится не прежде, какъ будетъ наказанъ убійца царя Лаія, которому наслѣдоваль Едіпъ. Послѣдній даетъ всенародно торжественную клятву непременно отыскать виновника и предать его заслуженной казни. И вотъ, мало-по-малу, начинается раскрытіе несчастной судьбы Едіпа. Призванный для раскрытія преступника проризатель Тирезій объявляетъ, что преступникъ этотъ самъ Едіпъ; но словамъ его не повѣрили, признавъ ихъ клеветой и злобыми происками враговъ царя Едіпа. Вскорѣ изъ бесѣды со своей женою Іокастой, которая была вдовою Лаія, онъ узнаетъ обстоятельства, при которыхъ совершено было убійство Лаія, и припоминаетъ, что самъ онъ, при совершенно тождественныхъ обстоятельствахъ, учинилъ убійство. Сомнѣнія начинаютъ закрадываться въ душу Едіпа, но отъ совершенной увѣренности его удерживаетъ пока одно обстоятельство. И ему самому, да и всѣмъ извѣстно, что онъ сынъ коринѳскаго царя Полиба, тогда какъ, по предсказанію оракула, Лаія долженъ былъ убить его собственный сынъ. Слѣдовательно, убійцей Лаія не можетъ быть Едіпъ. Правда, Іокаста рассказываетъ, что у нея отъ Лаія былъ сынъ, но, по приказанію отца, его занесли куда-то на неприступную гору, и онъ тамъ погибъ еще младенцемъ. Въ это время, является посолъ отъ коринѳянъ съ предложеніемъ Едіпу занять престолъ, освободившійся за смертью Полиба. Посолъ, между прочимъ, открываетъ, что Полибъ и супруга его Мeroпa не истинные родители Едіпа, а только его воспитатели, что онъ взятъ былъ изъ рукъ какого-то пастуха, пасшаго стада подлѣ горы Кнѳеронской. Чтобы про-

вѣрить это сообщеніе, призываютъ того самого пастуха, который передалъ сына царя Лаіа одному коринѣянину, и онъ подтверждаетъ все разсказанное посломъ. Оказывается, что Лаіи и Іокаста, напуганные предсказаніемъ, по которому ихъ сынъ долженъ убить своего отца и жениться на своей матери, чтобы избѣгнуть столь ужаснаго преступленія, рѣшились отдать младенца пастуху, что бы онъ умертвилъ его; пастухъ же изъ жалости къ невинному ребенку спасъ ему жизнь, отдавъ на руки коринѣянину. Такимъ образомъ, Эдипъ узнаетъ, что онъ убійца своего отца, мужъ родной матери и братъ своихъ сыновей. Неслыханный, хотя и неумышленный злодѣй, въ порывѣ отчаянія, выкалываетъ себѣ глаза, бросаетъ престолъ и въ одеждѣ странника, руководимый своими дочерьми Антигоной и Истменой, отправился странствовать по свѣту. Свергнувъ его съ престола, сынъ Эдипа Полиникъ провозгласилъ себя ѳивскимъ царемъ; но братъ Полиника Этеоклъ, соединившись съ Креономъ, составилъ заговоръ противъ узурпатора и самого его прогналъ изъ ѳивъ. Началась борьба между братьями изъ-за обладанія ѳивскимъ престоломъ, которая перешла вскорѣ въ открытую войну. Оракулы предсказалъ, что побѣдителемъ въ этой войнѣ останется тотъ, на чью сторону перейдетъ Эдипъ. Судьба сжалилась надъ Эдипомъ, позволила ему умереть тихо и спокойно и опредѣлила, что смерть его послужитъ условіемъ побѣды для того народа, земля котораго будетъ ему могилой. Эдипъ, изнуренный годами и страданіями, приходитъ въ Аттику, въ окрестности небольшого селенія Колонна и останавливается въ рощѣ, посвященной Эвменидамъ. Въ этой сторонѣ ему суждено найти пристанище и конецъ жизни. Креонтъ убѣждаетъ Эдипа перейти въ ѳивы и принять въ борьбѣ сторону Этеокла; но Эдипъ отказывается. Возмущенный этимъ отказомъ, Креонтъ отнимаетъ у Эдипа дочерей; но Тезей, царь Аѳинскій, возвращаетъ ихъ Эдипу и проситъ у него позволенія представить челоуѣка, который умоляетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ боговъ дать ему возможность увидѣть Эдипа. Эдипъ

догадывается, что это долженъ быть Полиникъ; онъ не хочетъ и видѣть Полиника и если соглашается допустить его къ себѣ, по просьбѣ любимой дочери своей Антигоны, то только для того, чтобы произнести надъ нимъ проклятіе. „Не ты ли, злодѣй, выгналъ своего отца, не ты ли довелъ меня до нищенства?... И не будь у меня этихъ двухъ дочерей,—я умеръ бы съ голода, и все отъ твоей вины... Нѣтъ, не видать тебѣ никогда Оивскихъ стѣнъ, которыя ты идешь осаждать! Оба вы съ братомъ твоимъ погибнете подъ этими стѣнами, плавая одинъ въ крови другого. Вотъ проклятіе, которое я произношу надъ вами, чтобы научить васъ какъ уважать тѣхъ, кому вы обязаны жизнью, и не презирать вашего отца, потому что онъ слѣпъ и немощенъ“. За этимъ проклятіемъ послѣдовалъ громъ, и Эдипа не стало. Этеоклъ и Полиникъ, по предсказанію Эдипа, дѣйствительно погибли въ междоусобной войнѣ подъ стѣнами Оивъ. Креонъ издалъ повелѣніе, чтобы никто не смѣлъ хоронить трупъ Полиника, какъ врага отечества, но Антигона, несмотря на всѣ убѣжденія Исмены покориться этому повелѣнію, похоронила Полиника, по любви къ брату, слѣдуя не царскому закону, а закону, начертанному самою природою въ сердцѣ человѣческомъ, и, какъ преступница, предана смерти. Такъ погибъ, по волѣ судьбы, весь родъ Эдипа. Изъ этой легенды Софокль составилъ свою трагедію.

Трагедія Озерова представляетъ передѣлку второй части трилогіи Софокла: „Эдипъ въ Колонѣ“, въ обработкѣ французскаго трагика Дюсси. Дюсси былъ писатель сантиментальнаго направленія, и этимъ характеромъ проникнуто все содержаніе трагедіи какъ французскаго, такъ и русскаго писателя. Все міросозерцаніе античной легенды, строгія и величавыя лица, дѣйствующія въ ней, какъ орудія неумолимой судьбы, утратили свой характеръ и явились нѣжными и чувствительными. У Софокла Эдипъ изображается, какъ величайшій преступникъ; но по смыслу греческой легенды, этотъ величайшій преступникъ невиновенъ: его преступленіе—дѣло

судьбы, проклятіе которой тяготѣло надъ всѣмъ домомъ Лайя. Не признавая себя виновнымъ, Эдипъ спокойно говоритъ о своихъ преступленіяхъ и сурово относится къ своимъ дѣтямъ, которыя возстали противъ него, и также покойно изрекаетъ имъ свое проклятіе. Но у Дюсси и Озерова Эдипъ является глубоко сознающимъ всю тяжесть своихъ преступлений и совершенно отвѣтственнымъ предъ своею совѣстью. Въмѣсто суроваго и строгаго отца-старца, у Дюсси является слабый, страдающій, чувствительный старецъ; у него нѣтъ того ожесточенія противъ дѣтей, какъ у Софокла: онъ невольно уступаетъ Антигонѣ, умоляющей простить брата Полиника. Смерть Эдипа у Софокла облечена покровомъ тайны: могила его должна остаться ни для кого неизвѣстной; у Дюсси нѣтъ этой таинственности: Эдипъ умираетъ подъ ударами грома. Измѣненъ у Дюсси и характеръ Антигоны. Въ Антигонѣ Софокла представленъ типическій образецъ дочери, любящей своего отца; кротость и добродушіе и, въ тоже время строгость составляютъ ея отличительныя черты. Она говоритъ мало; въ ея любви и преданности нѣтъ ничего восторженнаго, потому что любовь и преданность составляютъ у нея долгъ. Когда Эдипъ умеръ, зритель видитъ Антигону на колѣняхъ; склонивъ голову на грудь, она оплакиваетъ того, кто взятъ изъ міра богами. Теперь она должна была примирить враждующихъ между собою братьевъ, и она отправляется въ Оивы, гдѣ ее ожидаютъ новыя бѣдствія. Креонъ обвиняетъ ее съ нарушеніемъ его постановленія, запрещающаго хоронить Полиника, но это повелѣніе противно закону природы, начертанному въ сердцѣ человѣка. Изъ такого величаваго образа у Дюсси вышла слабая, sentimentalная дѣвушка, многорѣчивая и плаксивая. Она говоритъ длинныя рѣчи о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ своему старому и слѣпому отцу.

Трагедія Озерова открывается, на полѣ, передъ Аѣинами, хоромъ народа къ Аѣинскому царю Тезею. Является оивскій *посланникъ* Креонъ и предлагаетъ Тезею вступить въ союзъ

съ Этеокломъ противъ Полиника, который осадилъ Фивы съ семью вождями. Но Тезей отказывается отъ этого предложенія, не желая жертвовать жизнью подданныхъ для защиты чужихъ царствъ: а за цѣлость своего царства онъ не боится. Это составляетъ содержаніе перваго дѣйствія. Второе дѣйствіе происходитъ на томъ же полѣ, около храма Эвменидъ, Здѣсь Эдипу богами было суждено найти успокоеніе отъ своихъ продолжительныхъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Между Эдипомъ и Антигоной происходитъ разговоръ, въ которомъ обрисовывается характеръ душевнаго состоянія и взаимныхъ отношеній слѣпца отца и его дочери. Граждане аѣинскіе, узнавъ, что въ ихъ страну пришелъ гонимый судьбою и проклятый всѣми Эдипъ, просятъ его немедленно удалиться. Въ горести Антигона обращается къ аѣинскому царю Тезею и проситъ его принять ея несчастнаго отца подъ свою защиту. Тезей соглашается на ея просьбу и принимаетъ Эдипа. Между тѣмъ, Креонъ, узнавъ, что судьбою опредѣлено, чтобы могила Эдипа сдѣлалась залогомъ счастья и благоденствія для той страны, гдѣ онъ будетъ похороненъ, хочетъ похитить Эдипа и увести его въ Фивы, а Антигону принести въ жертву, требуемую Эвменидами; сыновей же Эдипа погубить во взаимной враждѣ и, послѣ нихъ, занять фивскій престолъ. Но Эдипъ уже давно знаетъ коварный нравъ Креона и, предвидя его злобныя интриги, отказывается отъ предложенія отправиться съ нимъ въ Фивы. Онъ приходитъ въ негодованіе, когда Креонъ сказалъ, что онъ долженъ разстаться съ Антигоной. Не видя возможности убѣдить Эдипа словами, Креонъ хочетъ увести его силой и приказываетъ воинамъ взять его. Въ это время, къ нимъ бросается Антигона и въ сильномъ монологѣ высказываетъ отчаянное свое положеніе. Является Тезей и, узнавъ о похищеніи Эдипа, отправляется въ погоню за Креономъ и возвращаетъ Эдипа. Во время отсутствія Эдипа, къ Антигонѣ, находившейся во дворцѣ Тезея, явился Полиникъ и упросилъ Антигону обратиться къ отцу и вымолить у него прощеніе ему. Судьбою опредѣлено было,

чтобы при осадѣ Оивъ побѣда останется за тѣмъ изъ братьевъ, на сторону котораго перейдетъ Эдипъ. Но Эдипъ, уступивъ просьбѣ Антигоны допустить Полиника къ себѣ, не могъ простить его и перейти на его сторону въ борьбѣ съ Этеокломъ. Между тѣмъ, народъ Аѣинскій, считая причиною всѣхъ бѣдствій страны то, что въ ней поселился проклятый богами и людьми Эдипъ, потребовалъ, чтобы для умиловленія боговъ была принесена въ жертву дочь его Антигона. Невыразимо поразило Эдипа это жестокое требованіе, но Антигона покорно соглашается на него, если аѣиняне успокоятъ ея отца. Но въ то время, какъ жрецы готовятся совершить обрядъ жертвоприношенія, прибѣгаетъ въ храмъ Полиникъ и хочетъ заколотъ себя, вмѣсто Антигоны, но его останавливаетъ Эдипъ и, выслушавъ его глубокое раскаяніе во всѣхъ злодѣяніяхъ, прощаетъ его и требуетъ, чтобы его самого принесли въ жертву Эвменидамъ, такъ какъ онъ самъ служить виною всѣхъ бѣдствій страны. Но когда Эдипа уже повели къ алтарю, приходитъ въ храмъ Тезей вмѣстѣ со взятымъ въ плѣнъ Креономъ и говорить, что такъ какъ виною всѣхъ бѣдствій служить Креонъ, который воздвигъ междоусобія въ странѣ, разсоривъ братьевъ и вышнвивъ имъ изгнать отца, то онъ и долженъ быть принесенъ въ жертву Эвменидамъ. Небесный громъ поражаетъ Креона и утверждаетъ справедливый приговоръ Тезея.

Такимъ образомъ, окончаніе трагедіи Озерова отличается отъ Эдипа Софокла, у котораго Эдипъ умираетъ таинственною смертію, его могила остается никому неизвѣстною, и отъ Эдипа Дюсси, у котораго Эдипъ умираетъ подъ ударами грома. Въ трагедіи Озерова, вмѣсто Эдипа, умираетъ Креонъ, о которомъ извѣстно, что онъ царствовалъ въ Оивахъ послѣ Этеокла и Полиника. Кромѣ Дюсси, на трагедіи Озерова видно вліяніе оперы Саккини: „Эдипъ въ Колонѣ“. Все первое явленіе перваго дѣйствія, въ которомъ заключается разговоръ Эдипа съ Антигоной, почти буквально заимствовано отъ *туда*. Несмотря на указанные недостатки, „Эдипъ въ Аѣи-

нахъ „Озерова у современниковъ пользовался великимъ уваженіемъ. Причина этого заключалась, конечно, прежде всего, въ самомъ сюжетѣ трагедіи — величавомъ и чрезвычайно интересномъ мнѣ объ Эдипѣ, въ которомъ много общечеловѣческихъ чертъ, а потомъ въ необыкновенно симпатичномъ изображеніи характеровъ Эдипа и Антигоны и вообще въ изложеніи всего сюжета. Правда, это изложеніе сдѣлано подъ вліяніемъ тогдашняго сантиментальнаго направленія, вслѣдствіе котораго самые характеры и духъ трагедіи потеряли свой строгій характеръ и приблизились къ современнымъ литературнымъ типамъ: но, можетъ быть, потому они особенно и нравились современникамъ, которые находили въ нихъ глубоко чувствительныя и нѣжныя свойства.

Первый блестящій успѣхъ увлекъ Озерова и склонилъ къ дальнѣйшей дѣятельности на томъ же поприщѣ. И вотъ въ слѣдующемъ году, на сценѣ является новая его трагедія: „Фингалъ“, содержаніе которой было заимствовано изъ Оссіановскихъ поэмъ въ изложеніи Макферсона, которыя, еще въ концѣ XVIII вѣка, ввели въ моду во всѣхъ литературахъ мрачный оссіановскій колоритъ поэтическихъ произведеній. Это пристрастіе къ Оссіану, которое было первымъ шагомъ на переходѣ отъ сантиментализма къ чистымъ формамъ романтизма, нашло себѣ весьма полное выраженіе въ новой трагедіи Озерова. Чтобы познакомиться съ первоисточникомъ этого произведенія Озерова, отсылаемъ интересующихся къ III выпуску второй серіи нашей Библіотеки, въ которомъ помѣщенъ полный русскій переводъ Оссіановской поэмы „Фингалъ“, фабула которой послужила содержаніемъ новой трагедіи нашего драматурга. Съ поэмой Оссіана Озеровъ познакомился, по всей вѣроятности, по переводу Кострова, появившемуся еще въ Екатерининскую эпоху. Уже въ Державинѣ замѣтно сочувствіе къ героямъ этихъ пѣсенъ; но между всѣми героями Оссіана особенно привлекаетъ къ себѣ симпатію Фингалъ, который во всей Оссіановой поэзіи играетъ роль

сѣвернаго Ахиллеса. Его-то Озеровъ и выбралъ героемъ своей трагедіи. Владыка Морвены, Фингалъ, побѣдитель Локлинскаго царя Старна, убилъ сына его Тоскара и самого его взялъ въ плѣнъ. Послѣ окончанія войны, Старнъ получилъ свободу, но затаилъ въ душѣ мысль, при первомъ удобномъ случаѣ, отомстить Фингалу за свой плѣнъ и за убіеніе сына. Между тѣмъ, дочь Старна Моина страстно влюбилась въ Фингала, который также увлекся ея красотой и предложилъ ей свою руку. Старнъ и вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ соглашается на предложеніе Фингала, имѣя въ виду убить его въ то время, какъ онъ пріѣдетъ къ нему для совершенія брака. Трагедія начинается хоромъ бардовъ и локлинскихъ дѣвъ, прославляющихъ силу и могущество красоты, которая побѣждаетъ всѣхъ непобѣдимыхъ на войнѣ героевъ и, въ частности, обаятельное могущество Моины, которая побѣдила сердце непобѣдимѣйшаго героя Фингала. Является Фингалъ и, обращаясь къ Старну, высказываетъ ему всю любовь, которую онъ питаетъ къ Моинѣ. Старнъ говоритъ, что онъ вѣритъ его чувству, но желаетъ, чтобы, по обычаю страны, бракъ былъ совершенъ въ храмѣ боговъ. Фингалъ готовъ исполнить это; затѣмъ молодые люди взаимно передаютъ другъ другу свою любовь. Но когда Фингалъ и Моина явились въ храмъ Одина, верховный жрецъ, по наущенію Старна, сказалъ, что Моина не можетъ быть супругою убившаго ея брата Фингала, пока Фингалъ не совершитъ торжественной тризны по Тоскарѣ и на его могилѣ не примирится съ его тѣнью. Фингалъ не хотѣлъ это сдѣлать и вступилъ съ жрецомъ въ жаркій споръ; но сторону жреца принялъ Старнъ, и Фингалъ долженъ былъ согласиться совершить тризну по Тоскарѣ. Во время тризны, Старнъ предложилъ Фингалу отдать свой мечъ въ награду побѣдителю въ играхъ, и Фингалъ отдалъ не только свой мечъ, но и боевой рогъ. Когда Фингалъ остался безоруженъ, по знаку Старна на него бросились воины, чтобы убить его; но онъ увидѣлъ мечъ, *висѣвшій надъ могилой* Тоскара, схватилъ его и началъ за-

щищаться. Старнъ, видя, что воины испугались, самъ съ мечемъ бросился на Фингала; но, въ это время, Моина явилась спасти Фингала съ отрядомъ его воиновъ. Старнъ въ бѣшенствѣ поражаетъ своимъ мечемъ Моину и самъ закалывается. Фингалъ, увидя Моину умирающей, хочетъ также умертвить себя, но бардъ Фингаловъ Уллинъ останавливаетъ его, напоминая, что онъ долженъ хранить свою жизнь для блага своего народа. Непобѣдимая храбрость и мужество, честный и благородный характеръ Фингала, по своей прямотѣ не подозрѣвавшего злобныхъ и хитрыхъ козней Старна, и потому доверившаго его обманчивымъ рѣчамъ, нѣжное, чувствительное сердце Моины чрезвычайно трогали зрителей трагедіи, особенно когда роль Моины играла талантливая артистка Семенова. Трагедія „Фингалъ“ написана въ 3-хъ дѣйствіяхъ, вмѣсто прочно установленныхъ классической теоріей пяти. Это первый примѣръ нарушенія этой теоріи, за что Озерову и пришлось выдержать немало нападковъ и упрековъ со стороны современныхъ критиковъ. Вотъ отзывъ Вяземскаго объ этой трагедіи: „Въ трагедіи: „Фингалъ“ одно только трагическое лицо: Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убить былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ, соединились въ одно—въ желаніе мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру Моину, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери нераздѣляющей ненависти къ побѣдителю его сына, и, вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву своей мести на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ она трагическая сторона поэмы Озерова. Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубинѣ печальной души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала. Онъ сочеталъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными крас-

ками угрюмой кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ доверчивою смѣлостью добродѣтельной молодости“.

Въ 1807 году, когда уже приближалась война Россіи съ Наполеономъ, Озеровъ, въ трагедіи „Дмитрій Донской“, воскресилъ борьбу Россіи съ Мамаемъ и знаменитую Куликовскую битву. Вотъ содержаніе этой трагедіи. Въ шатрѣ великаго князя Московскаго происходитъ совѣщаніе всѣхъ князей, собравшихся на битву съ Мамаемъ. Всѣ князья совѣтуютъ Дмитрію не принимать посла Мамаю, приславшаго съ требованіемъ дани; только старый князь Бѣлозерскій, боясь пораженія, совѣтуетъ заплатить дань Мамаю, чтобы сохранить миръ и спокойствіе въ Россіи. На такой совѣтъ Дмитрій отвѣчаетъ, что „лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной“. Однакожъ, онъ приказалъ привести посла Мамаю и на его гордую рѣчь, исполненную угрозы, сказалъ, что хану русскіе, взявъ дани, принесутъ „мечи булатные и стрѣлы каленныя“. Въ совѣщаніи положено было, на другой день, рано утромъ, напасть на татаръ, и самъ Дмитрій рѣшился итти во главѣ своего войска, и когда князь Бѣлозерскій сталъ останавливать его, совѣтуя побережъ себя; онъ сказалъ, что долгъ его „въ день мира—судъ, и мужество въ день брани, и рѣшилъ объявить войску, что къ утру быть бою. Но, являясь такимъ твердымъ и мужественнымъ предъ князьями на совѣтѣ, онъ въ душѣ своей глубоко унываетъ и груститъ: онъ, какъ нѣжный и чувствительный рыцарь, влюбленъ въ нижегородскую княжну Ксенію, невѣсту князя Тверского. Эта любовь такъ въ немъ сильна, что ей онъ приписываетъ свою твердость, вызвавшую его на битву съ Мамаемъ. Напрасно другъ его и наперсникъ всѣхъ его тайнъ Бренскій совѣтуетъ ему заглушить эту любовь не-во-время да и безъ надежды, потому что Ксенія уже обѣщана отцомъ ея князю Тверскому, и скоро прибудетъ въ станъ для вѣнчанія; Дмитрій остается непреклоненъ и хочетъ воспрепятствовать браку. Но такое насиліе оказывается не нужнымъ. Ксенія сама лю-

бить Дмитрія и, прибывъ въ станъ, объявляетъ, что она не можетъ выйти за князя Тверского, которому отецъ ея обещалъ безъ ея согласія и объявляетъ объ этомъ и Дмитрію, и князю Тверскому и, чтобы уничтожить ихъ ревность и раздоръ, который можетъ повести къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ во время войны съ татарами, хочетъ идти въ монастырь. Узнавъ объ этомъ, князь Тверской приходитъ въ неистовство и требуетъ, чтобы Дмитрій своею властью заставилъ Ксенію выйти за него; въ противномъ случаѣ, онъ грозитъ удалиться изъ стана со своими полками. Когда Дмитрій на это замѣтилъ, что онъ не позволитъ ни Ксеніи сдѣлать насиліе, ни ему принудить ее къ насильному браку, то онъ возбуждаетъ противъ Дмитрія всѣхъ князей, указывая имъ въ словахъ и поступкахъ его такое самовластіе, которое хуже татарскаго. Всѣ князья возстаютъ противъ Дмитрія и, особенно князь Смоленскій, упрекающій его въ самовластіи. Князь Бѣлозерскій старается примирить всѣхъ князей съ Дмитріемъ, онъ не видитъ другого средства свергнуть съ себя татарское иго, какъ въ соединеніи всѣхъ князей подъ властью одного, а Дмитрія проситъ принудить Ксенію выйти за князя Тверского, указывая на то, что такъ назначилъ отецъ Ксеніи. Дмитрій признаетъ тираніей поработеніе дѣтей отцовской властью. Всѣ хотятъ уйти изъ стана. Наконецъ, Ксенія, чтобы, сдѣлавшись причиной раздора между князьями, не стать виною гибели отечества, соглашается выйти за князя Тверского. Но князь Дмитрій, услышавъ ея слова, приходитъ въ бѣшенство, обнажаетъ мечъ и бросается на Тверского; въ это время Ксенія становится между ними и останавливаетъ Дмитрія. Тверской зоветъ его на поле брани, чтобы тамъ своими подвигами доказать, „кто будетъ Ксеніи достоинъ болѣ“. Отъ борьбы душевной Дмитрій чувствуетъ себя слабымъ для того, чтобы руководить битвой, и проситъ Бренскаго замѣнить его и стать на его мѣсто подъ большимъ знаменемъ. Онъ снимаетъ съ себя цѣпь и проситъ передать ее Ксеніи. Въ послѣднемъ пятомъ дѣйствіи описывается по-

бѣда надъ Мамаемъ. Является бояринъ и говорить: „Рука Всевышняго отечество спасла“. Слѣдуетъ подробный рассказъ о битвѣ. Князя Дмитрія долго не могли найти и думали, что онъ убитъ, но оказалось, что онъ былъ сильно раненъ, но остался живъ. Князя поздравляютъ его съ побѣдой и даютъ ему имя Донского. Князь Тверской, узнавъ о подвигахъ Дмитрія, примиряется съ нимъ и самъ передаетъ ему Ксенію. Въ трагедіи, изображающей знаменитую Куликовскую битву, много историческихъ несообразностей. Герой ея изображенъ совершенно не вѣрно; это не тотъ бестрашный герой, какимъ изображаютъ его лѣтописи, и не тотъ смиренный князь, какимъ онъ представляется въ „Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ“. Это рыцарь западныхъ рыцарскихъ поэмъ и романовъ, въ которыхъ герои, во время самой битвы, представляются занятыми непремѣнно любовными приключеніями. Герой Куликовской битвы влюбленъ въ нижегородскую княжну Ксенію: между тѣмъ, въ это время онъ былъ женатымъ, а Ксенія была невѣстою Тверского. Любовь его такъ овладѣла имъ, что ей приписывается то мужество и одушевленіе, съ какимъ онъ ополчился на Мамаю, совершенно такъ, какъ въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ герой избиралъ для себя даму сердца, во имя которой совершалъ свои подвиги. Онъ не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ Ксеніи. Въмѣсто того, чтобы готовиться къ страшной битвѣ съ Мамаемъ, онъ вступаетъ въ борьбу съ княземъ Тверскимъ изъ-за обладанія Ксеніей, ссорится со всѣми князьями до того, что всѣ хотятъ оставить его одного сражаться съ Мамаемъ. Приѣздъ Ксеніи въ военный лагерь вѣнчаться съ Тверскимъ наканунѣ битвы также противорѣчитъ исторіи и древнимъ нравамъ. Но Ксенія оказывается умнѣ Дмитрія: чтобы уничтожить раздоръ князей, столь гибельный для дѣла, она соглашается выйти за нелюбимаго князя Тверского. Всѣхъ выше является въ трагедіи другъ и совѣтникъ князя Дмитрія Бренскій, котораго Дмитрій во время битвы, послалъ вмѣсто себя на явную смерть. Бренскій и умный князь Бѣлозерскій своими совѣтами сдерживаютъ, во

все время, раздоръ князей, произведенный въ станѣ ссорою ~~Димитрія съ княземъ Тверскимъ~~. Не смотря, однакоже, на такія несообразности, трагедія принята была съ восторгомъ, весьма часто давалась на сценѣ и вызывала громкія рукоплесканія. Причиною этого было то, что она написана была въ 1807 году, передъ войной съ Наполеономъ и удовлетворяла вполне тогдашнему патріотическому настроенію общества. Многія мѣста трагедіи буквально потрясали стѣны театра отъ грома рукоплесканій, особенно когда ихъ произносилъ знаменитый актеръ Шуперинъ. Весьма много также увлекали въ этой трагедіи и современныя либеральныя разсужденія: о несвободномъ положеніи женщины въ семействѣ и особенно при выходѣ замужъ, о тяжелыхъ правахъ отцовъ надъ дѣтьми и т. д. Опѣивая Димитрія Донского, Вяземскій говоритъ: „Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда въ исторіи онъ является уже супругомъ великой княгини Евдокіи, пользовался свободою, законною принадлежностью искусства. Счастливъ былъ бы Озеровъ, еслибы довольствовался сею трагическою вольностью; но, увлеченный романтическимъ воображеніемъ, онъ занесъ преступную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унизилъ героя, чтобы возвысить любовника... Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ своей души, и въ самомъ подвигѣ славы напоминаетъ намъ не великаго князя московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истины въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая, такъ сказать, обвиненіе критики, трагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда

Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи! Кончина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и неоспоримая укоризна ему? Самый соперникъ Димитрія не исторгаетъ ли невольную дань, уваженія, отказываясь отъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признаться каждый зритель, вмѣстѣ съ Димитріемъ, что онъ превзошелъ его!“ „Въ стихахъ Озерова, говоритъ Вяземскій, нѣтъ той свободы, той мягкости, которыя заставляютъ забывать читателя о трудѣ стихотворства... Почеркъ дѣтства измѣняется съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразоваться, и суровость языка временъ Княжнина еще отзывается въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! какая истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе, измѣняющее сердцу, не приученному къ жизни счастьемъ!“ Особенно Озеровъ умѣлъ изображать женскіе характеры.

Неслыханный успѣхъ „Димитрія Донскаго“ былъ послѣднимъ торжествомъ, выпавшимъ на долю нашего поэта. Судя по современнымъ намекамъ, какія-то довольно темныя интриги и клевета „зловоль строгихъ, богатыхъ знатностью, талантами убогихъ“, значительно повредили Озерову какъ въ его служебной, такъ и въ литературной дѣятельности. Многія весьма существенныя заслуги его, вслѣдствіе интригъ и клеветы, не были оцѣнены по достоинству, и Озеровъ, по природѣ своей проникнутый гордостью, обидѣлся и выпелъ въ отставку. Тогда онъ вынужденъ былъ поселиться въ своемъ родовомъ Казанскомъ имѣніи Красный Яръ (Чистопольскаго уѣзда). единственной его личной собственности, такъ какъ имѣніе это досталось ему отъ матери. Здѣсь, въ глубокомъ уединеніи, „за студеною рѣкою Камою“, какъ онъ самъ выражался въ письмахъ къ своему пріятелю А. Н. Оленину, онъ про-
велъ около семи лѣтъ. Письма его за это время проникнуты

твердостью и бодростью духа; онъ увѣряетъ своего друга, что ~~свою~~ ^{свою} ~~безпечную~~ и свободную жизнь не промѣняетъ ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто“, хотя жить ему приходилось въ „настоящей хижинѣ, потому что домъ его, неотдѣланный, стоитъ безъ печей и безъ окончинъ“. Но онъ, повидимому, возлагалъ большія надежды на новую свою трагедію: „Поликсену“ (онъ окончилъ ее въ октябрѣ 1808 г.), которую считалъ лучшею изъ своихъ трагедій. Однако же, этой трагедіи суждено было послужить источникомъ новыхъ огорченій и оскорбленій для автора. 14 мая 1809 г., послѣ многихъ хлопотъ со стороны друзей Озерова, „Поликсена“ была наконецъ поставлена на Петербургской сценѣ. Трагедію играли дважды, и Оленинъ писалъ Озерову, что публикѣ особенно понравился третій актъ. Любопытно письмо, которымъ Озеровъ отвѣчалъ Оленину на это извѣщеніе: „Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей, — пишетъ Озеровъ, — то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ: доказательство, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стоянь и моленіе Гекубы извлекали слезы изъ глазъ афинянъ и всѣхъ грековъ, и они же, чрезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ, поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ, съ небольшимъ за сто лѣтъ, молчаливо протекали межъ болотъ Невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковныя сосны и тощія березы. О, безсмертный Еврипидъ!...“ Но Поликсена, послѣ второго представленія, была дирекціею снята со сцены, какъ говорятъ, по проискамъ партіи мелкихъ писакъ для сцены, съ кн. А. А. Шаховскимъ во главѣ, и дирекція театра весьма безцеремонно, почти грубо, отказалась отъ исполненія условій, заключенныхъ съ авторомъ. Эта прямая несправедливость такъ огорчила Озерова, что онъ отказался отъ новаго изданія въ свѣтъ Дмитрія Донскаго и Поликсены, которыя предлагалъ ему извѣстный, въ то время, книгопродавецъ Заикинъ. Видно, что неудача съ Поликсеной побудила Озерова еще болѣе зам-

кнуться въ своемъ уединеніи, еще болѣе постараться забыть о своей литературной дѣятельности и всѣхъ огорченіяхъ, принесенныхъ ему литературной извѣстностью. Однако же, онъ не могъ еще отречься вполне отъ своего назначенія: мы знаемъ, что онъ, въ послѣдніе годы жизни въ деревнѣ, началъ было писать еще одну трагедію—„Медею“. Говорятъ, что въ припадкѣ меланхоліи онъ сжегъ начало этой трагедіи, вмѣстѣ съ началомъ и планами двухъ другихъ („Вельгаръ и варягъ-мученикъ при Владимирѣ“ и „Осада Дамаска“). Сверхъ того, въ письмахъ къ Оленину Озеровъ много и довольно подробно говоритъ о своемъ намѣреніи избрать сюжетъ одной изъ своихъ будущихъ трагедій изъ нашей исторіи XVIII вѣка и притомъ изъ самаго мрачнаго ея періода — изъ временъ Бироновщины: „Я весьма расположенъ,—пишетъ онъ,—приняться за сочиненіе новой трагедіи, взятой изъ нашей исторіи, изъ царствованія императрицы Анны Іоанновны. Можетъ быть, я вамъ уже говорилъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, о смерти Волынскаго, пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту русскаго народа: за сіе сочиненіе желалъ бы я приняться, но не имѣю источниковъ, изъ которыхъ бы занялъ нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла... Я чувствую самъ, что такая трагедія никогда не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, но примусь ее писать для моихъ пріятелей“. Но этому плану не суждено было исполниться. Озеровъ все болѣе и болѣе впадалъ въ меланхолію... Дурное положеніе матеріальное, при сильно уязвленномъ самолюбіи, окончательно разстроили его и вообще некружкое здоровье нравственными страданіями... Мало по малу, онъ впалъ въ совершенное разслабленіе нравственное, которое вскорѣ перешло въ тихое умопомѣшательство, такъ что старикъ отецъ вынужденъ былъ перевезти несчастнаго сына изъ его Казанской вотчины въ свою Тверскую (с. Казанское, Зубцовскаго уѣзда), гдѣ онъ, два года спустя, скончался и былъ погребенъ (1816 г.).

Заканчивая нашъ очеркъ о жизни и литературной дѣятельности Озерова, считаемъ полезнымъ привести заключительное мнѣніе о немъ лучшаго его біографа Вяземскаго: „Излишнимъ, кажется, было бы доказывать, пишетъ кн. П. А. Вяземскій, что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ не были его образцами; и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ ними сходства... Трагедіи Озерова занимаютъ между ними средѹ, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленіе отъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онѣ ужъ нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ называемому романтическому, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ“. Въ этомъ именно смыслѣ, говоритъ Полевой въ своей „Исторіи русской словесности“, Озеровъ занимаетъ въ исторіи нашей драмы весьма видное и притомъ вполне самостоятельное положеніе, которое не можетъ быть отнято у него никакими указаніями на его промахи и погрѣшности.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

Stanford University Libraries

3 6105 124 436 192

www.libtool.com.cn

6

PG
333

89A1

150610

g.

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

DOC JAN 29 1991

DOC JUL 16 1990

www.libtool.com.cn

